

2 $\frac{10 - 80}{88}$

Теннис на футбольном поле

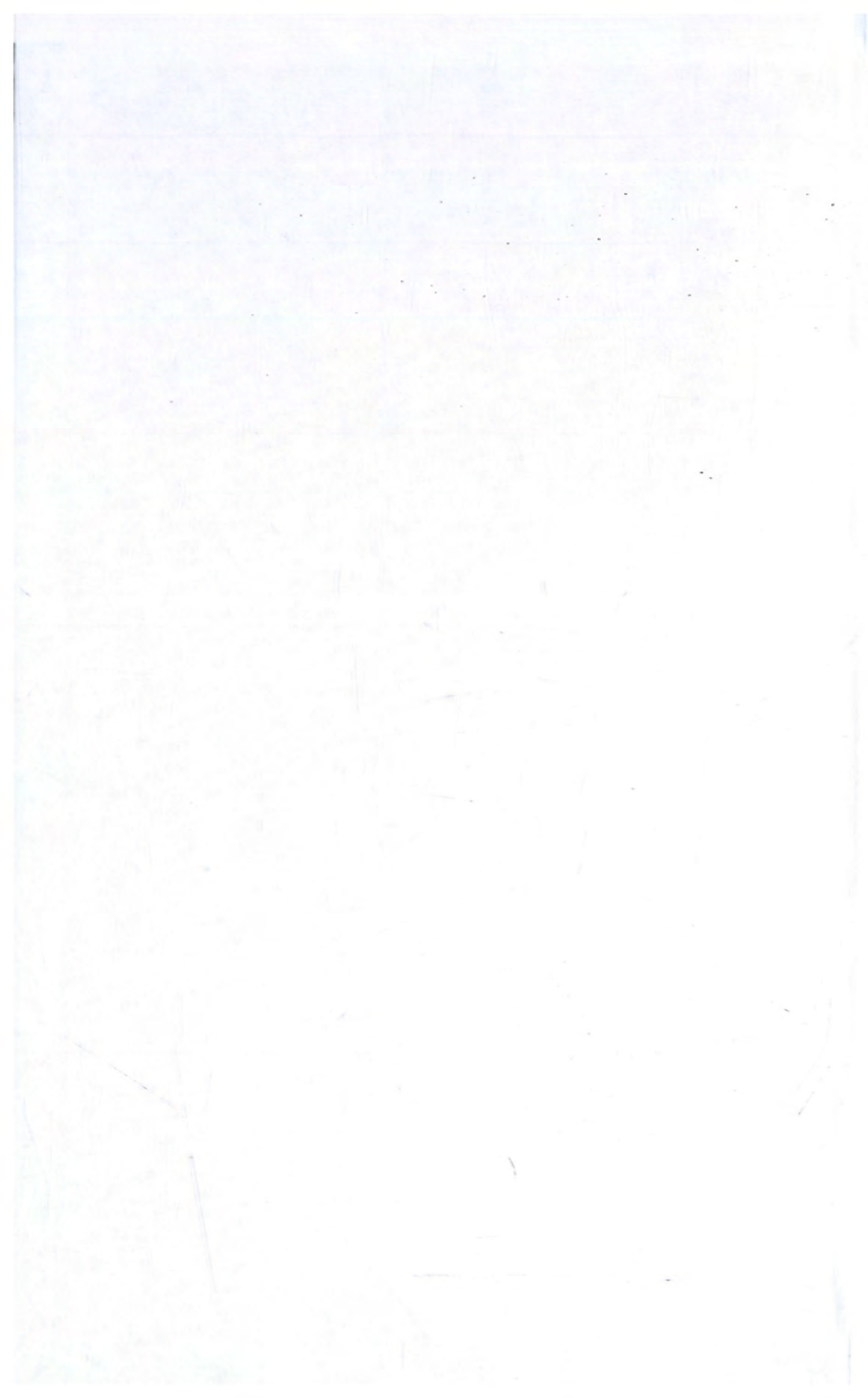
*ни
кс*

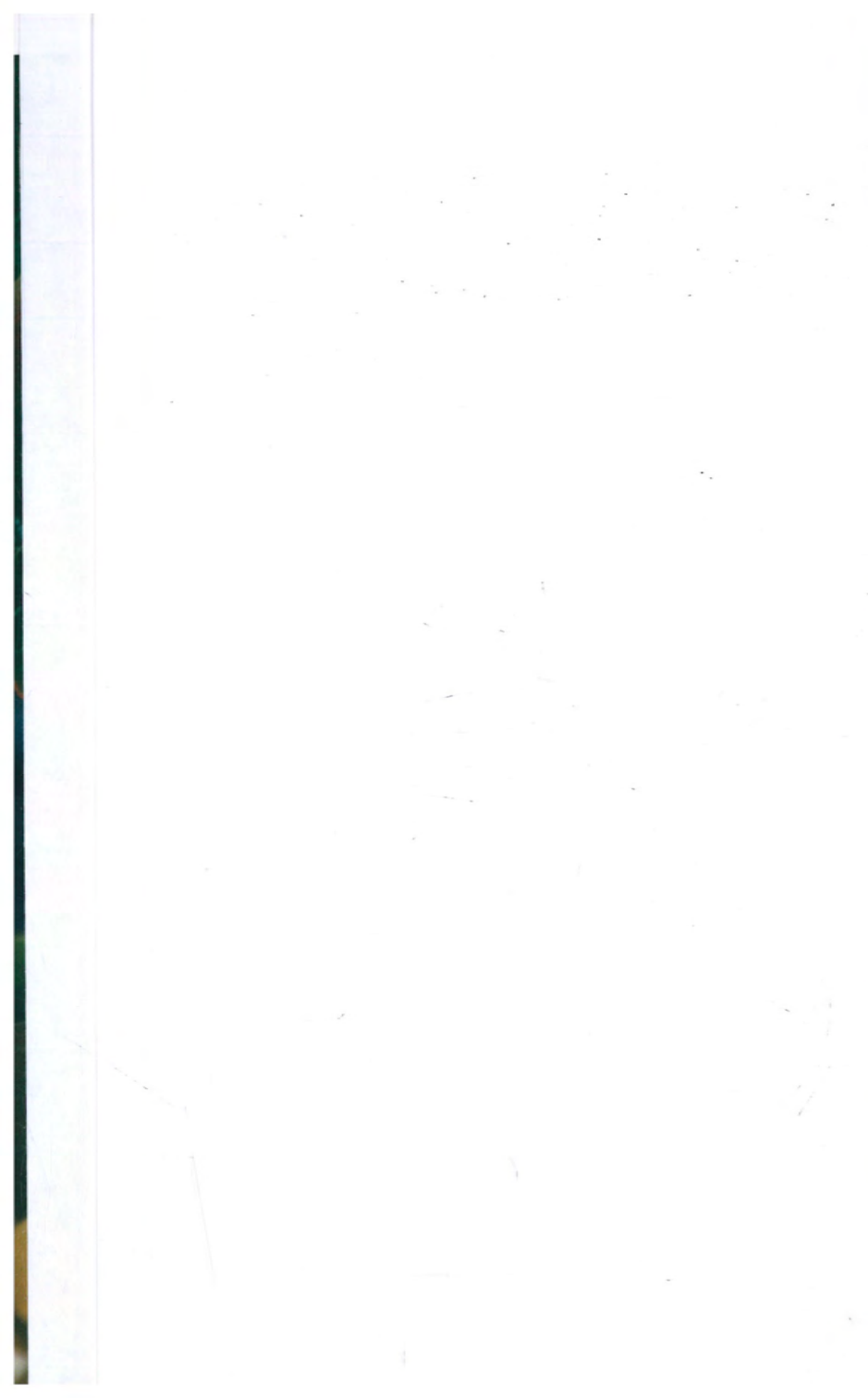
МО

Тони Коукс

Теннис на футбольном поле

Молдавский навес, английский удар

TRAVEL-бестселлер

10 - 80

88

Томас Кукс

Томас на футбольном поле
Кандидат наук, авторский труд

Издательство

«Альпина»

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург

2010

1845-1846

The following is a list of the names of the
 persons who have been admitted to the
 membership of the Society since the
 last meeting of the Executive Committee.
 The names are given in the order in which
 they were admitted.

Mr. J. H. [Name] [Address]
 Mr. W. B. [Name] [Address]
 Mr. C. D. [Name] [Address]
 Mr. E. F. [Name] [Address]
 Mr. G. H. [Name] [Address]
 Mr. I. J. [Name] [Address]
 Mr. K. L. [Name] [Address]
 Mr. M. N. [Name] [Address]
 Mr. O. P. [Name] [Address]
 Mr. Q. R. [Name] [Address]
 Mr. S. T. [Name] [Address]
 Mr. U. V. [Name] [Address]
 Mr. W. X. [Name] [Address]
 Mr. Y. Z. [Name] [Address]

TRAVEL-бестселлер

2 $\frac{10 - 80}{88}$

Тенис Кавкас

Теннис на футбольном поле
Молдавский навес, английский удар

ЭКСМО
Москва

МИДГАРД
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Х 85

Tony Hawks
PLAYING THE MOLDOVANS AT TENNIS

© by Tony Hawks, 2000, 2007

Перевод с английского *Е. Габитбаевой*

Оформление серии *И. Саукова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Мидгард»

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

Хоукс Т.

Х 85 Теннис на футбольном поле : Молдавский навес, английский удар / Тони Хоукс ; [пер. с англ. Е. Габитбаевой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2010. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-699-44709-1

После футбольного матча Англия—Молдавия, в котором англичане победили за явным преимуществом, актер, музыкант и телеведущий Тони Хоукс почему-то решил, что способен обыграть молдавских футболистов даже в теннис, — и заключил пари с приятелем. Чтобы выиграть спор, ему пришлось не только побывать в Молдавии, где человека, привыкшего к налаженному английскому быту, ожидала встреча с суровой правдой жизни, но и отправиться за молдавскими игроками сначала в Северную Ирландию, а затем в Израиль... Пари было на 100 фунтов, обошлось в итоге гораздо дороже — но оно того стоило!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-44709-1

© Е. Габитбаева, перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Григору, Дине, Адриану и Елене
посвящается

Пролог

- Знаешь, твоя проблема в том, что ты все отрицаешь!
- Неправда.
- Вопрос закрыт.

Вот бы всегда было так просто доказать свою правоту.
Чаще это требует гораздо больших усилий.

Глава 1

Молдавский Бетховен

В теннис я играл много. Мой отец пристрастился к этому виду спорта в 45 лет. Долгие годы это приносило ему огромное удовольствие, которое омрачал лишь тот факт, что другие играли гораздо лучше него. А точнее, миллионы людей — и это только в графстве Сассекс. Однако, как все гордые отцы, он решил, что раз ему самому не удалось преуспеть, он научит этому своих детей. И потому он поручил Рону Барстону, тренеру на полставки на городском корте в парке Дайк-роуд в Брайтоне, сделать из меня и моего брата лучших в мире теннисистов, номер один и номер два соответственно (а папа был бы нашим менеджером).

К сожалению, нам оказалось это не по силам, чего, естественно, нельзя сказать о папе, который явно обладал всеми навыками, чтобы путешествовать по миру, останавливаться в дорогих отелях и смотреть матчи за боковой линией. Когда мне стукнуло тридцать пять, мой отец в конце концов был вынужден признать, что его мечтам не суждено сбыться, если только из тюрьмы не выпустят того психа, который воткнул нож в спину Монике Селеш, и не прикажут ему прирезать всех игроков мужской лиги. Отцу при-

шлось довольствоваться моими скромными достижениями — серебряной медалью в турнире для мальчиков до 12 лет в Сассексе (меня засудили, мяч был на линии — но решение вынесли не в мою пользу) и медалью за победу в теннисном чемпионате Британского профсоюза актеров. (Большинство участников были неважными игроками и даже не скрывали этого.)

Тем не менее я считал, что играю неплохо, и потому отношение Артура вывело меня из себя.

— Не думаю, что ты так уж хорошо играешь, Хоукс, — сказал он, не сводя глаз с футболистов на телеэкране, — по крайней мере, сейчас. Брось это дело.

Мы с Артуром были довольно хорошими друзьями и могли позволить себе немного поперекаться. Мы познакомились, когда выступали с юмористическими номерами в «альтернативных» лондонских кабаре, и до сих пор сохранили соревновательный дух, который подпитывал тот мир. И проявилось это именно сейчас, перед телевизором.

— Слушай, Артур, — ответил я, испытав облегчение от того, что молдавский футболист упустил хороший шанс ударить по воротам, заработав лишь право ввести мяч из-за боковой. — Я считаю, что все еще играю неплохо — в основном, благодаря тому, что в молодости как следует обучился азам.

Я уже не помню, как разговор перешел на тему тенниса. Может, потому, что при счете 3:0 в пользу Англии смотреть футбол было уже неинтересно: молдавская команда, похоже, была не способна хоть как-то напугать нашего вратаря или воскресить свои шансы на участие в отборочном турнире чемпионата мира.

— Чушь собачья, — заметил Артур.

Подобные ссоры у нас с ним бывали и раньше. Я высказывал разумные доводы, а в ответ слышал грубую ругань. Уверен, он делал это нарочно, чтобы меня взбесить.

— В теннисе, — продолжал я, что было слегка глупо с моей стороны, — не важно, насколько хорош ты от природы — без тренировок нельзя. Ты должен овладеть техникой резаных ударов, чтобы контролировать мяч.

— Чушь собачья, — снова заспорил Артур. — В этом мире спортсмены от природы могут преуспеть в любом виде спорта. Скажем, крикетист Иэн Ботэм профессионально играл в футбол за «Сканторп». Гари Линекер — великолепный игрок в снукер, Тим Хенмэн — отличный гольфист.

А потом Артур показал на телеэкран:

— Взять хотя бы этих футболистов. Многие из них хороши от природы, и, спорим, тебе не обыграть их в теннис.

— Конечно, обыграю. Но это тупой спор, я же никогда не смогу этого доказать.

— Почему не сможешь? Сыграй с ними.

— Что? Со всеми? Кончай! Я никогда не смогу с ними сыграть. Для начала, английские футболисты — как королевские особы. Их все время окружает свита менеджеров и агентов. Да они даже не ответят, если я позвоню и предложу сыграть с ними в теннис.

— Ладно, тогда спорим, что ты не сможешь обыграть и молдавских игроков. Не думаю, что у кого-то из них есть такая свита.

— Артур, я не спорю с тобой, но я честно считаю, что могу их всех обыграть.

— Пустая болтовня, Хоукс, только и умеешь языком трепать.

— Гол! — закричали мы хором, когда нашу детскую перебранку прервал четвертый забитый англичанами мяч.

4:0 в пользу Англии. Неплохой результат, но, по моему, это событие не заслуживало выпивки в свою честь. Артур был иного мнения.

— Давай, Хоукс, пошли, дерябнем по стаканчику, ты, легковес!

Иногда он бывал довольно убедителен.

— Ладно, но только по одному, мне утром рано вставать.

Пускай сам он по сей день отрицает это, я утверждаю, что Артур отлично осознавал, что делает. Он знал, что я легко ведусь на подобные споры и что в мае 2007 года я объехал всю Ирландию с холодильником, чтобы выиграть пари на сто фунтов. Поэтому, когда был поднят четвертый бокал пива, он вернулся к своему озорству.

— Я и не думаю, что ты примешь пари, потому что знаешь, что ты неважный игрок.

— А я вот думаю, что хороший.

— Ладно, давай поспорим. Если тебе удастся разыскать одиннадцать молдавских футболистов, которые только что продули Англии, и побить их в теннис, то я... э-э... выйду в Бэлхэме на шоссе и спою молдавский национальный гимн. Абсолютно голым.

— И ты правда это сделаешь?

— Да. Если не учитывать, что делать этого мне не придется, потому что хоть одному из них ты наверняка проиграешь.

— Не проиграю.

— Да точно проиграешь. Один из них непременно окажется хорошим игроком.

— Возможно. Но я все равно не проиграю. Я использую весь свой опыт юниорских турниров, найду слабое место в их арсенале и выиграю.

— Да, да, конечно. Не грузи меня техническим фуфлом. Если ты так уверен в себе, почему бы тебе не согласиться тоже раздеться догола и спеть национальный гимн в случае, если проиграешь?

— Слушай, Артур, я вижу, что происходит. Ты подстрекаешь меня на спор, который требует невероятных

усилий с моей стороны, а ты просто будешь сидеть на заднице ровно. Так нечестно.

Тем не менее через полчаса за виски дома у Артура я принял это пари. Я знал, что меня развели, но, если честно, не возражал. В глубине души я знал, что готов к очередному глупому приключению.

Я даже не знал, где находится Молдавия, но потом подумал, что в этом есть своя прелесть. Пока я, стоя на стуле, доставал атлас с верхней полки, меня переполнили эмоции. Больше, чем кого-либо, кто когда-нибудь искал Молдавию на карте. У меня было сильное предчувствие, что — вот оно! Наконец-то пустота в моей жизни, которая образовалась из-за отсутствия сложных и, что самое важное, бессмысленных задач, грозит заполниться.

Я снял увесистый том, который всегда пригождался при планировании отпусков и приведении доводов, и страница за страницей добрался до Восточной Европы.

— А, вот она где, — сказал я. — На северо-восточной границе Румынии.

— Я все равно думаю, что ты их не обыграешь, — ответил Артур. — Ни одного из них.

— Обыграю. Я обыграю их всех.

В фильме «Энни Холл» есть сцена, где Вуди Аллен заводит спор с женщиной, стоящим перед ним в очереди в кинотеатр, по поводу трактовки некоторых идей Маршалла Маклюэна, знаменитого теоретика масс-медиа. И как только спор начинает разгораться, откуда ни возьмись появляется сам Маклюэн, вмешивается в беседу и подтверждает, что Вуди Аллен прав. Тогда Вуди поворачивается к камере, пожимает плечами и сетует:

— Если бы и в жизни все было так же.

К несчастью, в моем случае доказательство того, что я прав, а Артур нет, обещало немало затруднений. Я не знал

ровным счетом ничего ни о Молдавии, ни о ее теннисных кортах, ни о политической обстановке, ни о требованиях для получения визы, ни о валюте, ни о языке, ни об этническом составе, ни о том, хорошо ли примет местный народ декадентского буржуа с Запада, размахивающего теннисной ракеткой перед футболистами. Все, что я знал о Молдавии, — имена одиннадцати человек, напечатанные на предпоследней странице моей газеты:

Романенко
Фистикан
Спыну
Тестимициану
Кулибаба
Строенко
Ребежа
Куртиян
Шишкин
Митерев
Рогачев

«Да проще простого», — подумал я.

Судя по именам, никто из них не был хорошим теннисистом.

На следующий день в местном читальном зале я узнал, что Молдавия — маленькая страна, со всех сторон окруженная сушей, зажата между Румынией и Украиной. Плотность населения — 129,1 человек на квадратный километр, что казалось вполне допустимым, если 129 человек равномерно распределились по этому километру, и я не стал тратить слишком много времени на 0,1 человека. Что важнее, я узнал, что в Молдавии два официальных языка — румынский и русский, так что я решил потратить средства на

самоучитель румынского. Я подумал, что мне понадобятся азы, по крайней мере, одного из местных языков, так как, по моему предположению, во владении английским молдаване слегка отставали от голландцев. Причина, почему я выбрал румынский вместо русского, была несложной. Выбор между русским с его кириллицей и румынским с нормальным алфавитом оказался очевидным. Я не против попытаться выучить новый язык, но новый алфавит? Да ни за что! Простите, но приходит время, когда человек уже не в состоянии учить новый алфавит. (Этот момент, кстати, наступает лет в шесть.)

В самоучителе румынского нашлись приятные аномалии всех самоучителей. В разделе «Cuvinte cheie» («Ключевые слова») первым в списке было слово «акробат». Я бы поспорил, что «акробат» — ключевое слово. Те читатели, которые не ищут работу в румынских бродячих цирках, безусловно, могут обойтись без него. Это слово лично я определенно использую не часто. Мне даже кажется, что лет пять подряд я не произносил его ни разу, и, насколько я помню, это были счастливые и интересные годы. Однако я собирался в Восточную Европу, а там жизнь непременно должна отличаться от нашей. И кто я такой, чтобы утверждать, какое слово ключевое, а какое нет?

Я тут же решил выучить слово «акробат». Последующий текст свидетельствовал о том, что это не должно стать трудной задачей.

Acrobat, acrobați (мн.) — акробат.

Выучив и обрадовавшись прогрессу, я перешел к «Dialog» (диалогу). Мое внимание привлекли два предложения. Первое:

Mai aveți timp să reparați și liftul? —

означало: «У вас не найдется время, чтобы отремонтировать еще и лифт?», а второе

Ai căruî vecin sunt aceşti câini? —

переводилось: «Каким соседям принадлежат эти собаки?»

Я понял, что только законченный глупец осмелится вторгнуться на молдавскую землю, не зная, как задать эти два вопроса, поэтому незамедлительно приступил к их изучению. К концу первого часа я овладел ими в совершенстве и успокоился, осознавая, что, если на меня нападут какие-нибудь собаки, пока я буду стоять у квартиры футболиста, то выяснить, чьи это собаки, или спросить у соседа, не починит ли он неисправные лифты, не составит для меня большого труда.

Конечно же, того ключевого выражения, которое вы всегда ищете в самоучителе, там никогда нет; я подразумеваю перевод на соответствующий язык следующей тирады:

— Слушай, если я выучил на вашем языке одно предложение, то это не значит, что мне можно отвечать с такой скоростью. Помедленнее или заткнись. Понял, приятель?

Согласен, грубовато, но у вас ведь такой ужасный акцент, что никто все равно не поймет.

Вдохновленный прогрессом в области изучения языков, я уже рвался заказывать билеты в Молдавию и начинать путешествие. Однако столкнулся с трудностью, которую было необходимо устранить. Чтобы съездить в Молдавию, требовалась виза, а как было написано в «Уорлд трэвел гайд», чтобы ее получить, я должен предоставить в посольство Молдавии приглашение от гражданина Молдавии на специальной форме министерства внутренних дел.

Насколько я знал, в Великобритании не наблюдалось бурного потока иммигрантов из Молдавии. Лично я не знал ни одного. Признаю, что для большинства британцев отсутствие молдаван в их стране не является причиной для беспокойств, но для меня это было большой проблемой. Мне

сильнее, чем когда-либо, был нужен молдаванин, и я просто не знал, где его найти — естественно, не считая Молдавии, но поехать туда я не мог, потому что эти сволочи не пустят никого в страну, пока один из них не пригласит.

Одним из возможных решений этой проблемы был план, согласно которому я бы околачивался у ворот посольства Молдавии в надежде случайно завести непринужденный разговор с выходящим чиновником. Я бы пригласил этого госслужащего из Восточной Европы выпить и получил бы приглашение после четырнадцатой стопки водки — как раз до того, как мы оба беспричинно оголимся и приступим к взаимному выражению бессмертной любви. Единственным недостатком этой стратегии было то, что в Лондоне ни одного посольства Молдавии не имелось, ближайшее находилось в Брюсселе. Помимо расходов на дорогу и счетов за отель, мои ограниченные знания фламандского вряд ли придадут мне необходимое обаяние, а со своим румынским я проваюсь, едва разговор переключится с акробатики и гимнастики на другие темы.

Все, что я мог, — мимоходом затронуть этот вопрос среди друзей и коллег по работе.

— Вы случайно не знаете кого-нибудь из Молдавии? — интересовался я на праздничных ужинах, спортивных соревнованиях и на еженедельных собраниях Анонимных оптимистов. И всюду получал отрицательный ответ.

Это продолжалось до тех пор, пока — невероятно — через несколько месяцев попыток эта тактика наконец не сработала. От одной знакомой в Ливерпуле я узнал, что та почти уверена — в Ливерпульском институте исполнительского искусства учился парень из Молдавии. Телефонный звонок — и университетский казначей подтвердил хорошие новости.

— Да, у нас есть молдаванин, — сказал он, не посчитав мой вопрос странным. — Его зовут Андрей, славный парень.

— Как думаете, он достаточно славный, чтобы пригласить меня в Молдавию, если я соберусь его навестить? — довольно бесцеремонно поинтересовался я.

— Не вижу причин, почему бы нет, — ответил казначей, все еще не находя ничего необычного в нашем разговоре. — Почему бы вам не приехать и не посмотреть на его группу?

— Группу?

— Да, у него группа, играет в стиле «Битлз», под названием «Флайинг поуустмен», и на следующей неделе они будут играть на съезде фанатов «Битлз».

Это был невероятный прогресс, который полностью соответствовал дальнейшему ходу событий.

— До чего здорово, — сказал я. — Ни за что не пропущу.

Итак, Ливерпуль стал отправной точкой моего приключения, как для тысяч эмигрантов в поисках новой жизни в Новом Свете около века назад. Моя цель была гораздо скромнее. Мне требовалась лишь легендарная молдавская четверка.

Холл ливерпульского отеля «Адельфи» был забит косматыми клонами стилаг шестидесятых, от прыщавых подростков до пенсионеров. Поклонниками «Битлз», которых было немало. Я ожидал чего-то в этом роде, но все равно был ошеломлен. В одежде, в которой не был похож на придурка, я чувствовал себя неуютно, выделяясь из толпы, поэтому быстро зарегистрировался и бросился в укрытие своего номера.

Я лег на кровать и внимательно изучил программу. «Международная неделя “Битлз” — с выступлениями лучших в мире групп в стиле “Битлз”». И очень скоро я отметил, что, похоже, объединяло лучших в мире «битлов» — неспособность придумать нормальное название для группы.

«Бутлег Битлз» — единственное подходящее название, остальные решили заползти в трясины изобретательности, в которой и погрязли. Среди неудачников были «Эпл Скрафс» из Италии, «Хард найтс дэй» из США, «Клуб Биг Битлз» из Бразилии и, конечно же, японские «Уишинг». Я внимательно рассмотрел фотографию «Уишинг». У них были великолепные аутентичные костюмы битлов и отличные прически, но что-то японское в чертах отличало их от истинных ливерпульцев. В обществе это вряд ли доставляло неудобства, но в данном случае это был своего рода провал. Трудно верить легендарной четверке, которая выглядит так, будто они перезнакомились в салоне «Мицубиси моторз». Я решил, что их полное название должно звучать как «Мечтая чуть больше походить на “Битлз”».

«Флайнг поустрмен» было, несомненно, самым удачным названием, так как, похоже, не имело ничего общего с «Битлз». К несчастью, в программе съезда их тоже не было. Не очень хорошие новости, учитывая, что они являлись единственной причиной моего приезда сюда. Моей задачей, с которой я уже был готов смириться, было познакомиться с ними и каким-то образом добыть приглашение в их страну. На информационной стойке съезда я узнал, что отсутствие группы в списке связано с запоздавшей заявкой на участие, но, похоже, никто точно не знал, когда и где на самом деле они будут выступать. Мне пришлось попросту опрашивать всех вокруг. Я чувствовал себя сыщиком. Или копом — в отличие от тех охранников, которые без дела слонялись по вестибюлю отеля.

Главным событием того вечера был концерт в театре «Ройал Корт», сенсация из Швеции — «Ленни Пейн». Да-да, именно так — «Ленни Пейн»! Я понял, как они составили свое название — эти умники поменяли местами первые буквы хита «Битлз» «Пенни Лейн». Используя

тот же метод, они легко могли взять песню «Дэй триппер» и придумать гораздо более удачное название — «Трей Диппер». (Финал их концертов могла бы знаменовать церемония «пожирания всего, что попадет под руку» под радостные крики толпы.) Однако, расстроившись от того, что им не пришло в голову такое отличное название, я все же решил сходить и посмотреть на концерт и заодно поспрашивать суррогатное братство «Битлз» о возможном местонахождении «Флайинг поустрмен».

Чтобы поприветствовать своих скандинавских героев на сцене, в темноте собралась толпа из холла отеля плюс еще несколько личностей. Звук был живым, и я нехотя признал, что «Ленни Пейн» были на удивление хороши. И довольно милы. Их обращение к публике было чуть вежливее выступления Леннона, насколько я его помнил:

— Спасибо, мы рады быть здесь, на этом съезде в Ливерпуле, — произнес с прелестно мелодичным скандинавским акцентом блондинистый солист, — и мы хотели бы поблагодарить вас и, конечно же, всех остальных жителей города.

Эй, въезжаете в этот рок-н-рольный призыв? А потом нас попросят выносить за собой мусор, уходя со сборища.

Я пошел спать, немного обеспокоенный тем, что с молдаванами встретиться пока не удалось, но с приподнятым настроением от мелодий «Битлз», которые продолжали звучать в ушах. Я начал восхищаться тем, насколько же хороши были оригинальные «Битлз». Каждая песня казалась классикой. Что слегка тревожило, я начал понимать фанатичных поклонников, с которыми провел вечер. Можно представить и более нехорошие увлечения. Если вы собираетесь на чем-то помешаться, уж лучше сделать объектом вашего помешательства именно это, чем зависнуть на станции Кру, записывая номера проезжающих поездов. И я

заснул, успокоенный тем, что если когда-нибудь я решу стать помешанным энтузиастом, то теперь точно знаю, на чем именно я помешаюсь.

«Строуберри филд» — больше, чем песня. Так назывался и называется по сей день действующий детский приют Армии спасения, ворота которого для поклонников «Битлз» словно открывали доступ в святилище. Обычно они не открыты для фанатов, но в этом году агентство «Каверн-сити турс» устроило своего рода переворот, когда уговорило солдат-христиан отправить своих детей на целый день на крупную вечеринку на открытом воздухе, на которой играли группы в стиле «Битлз». Редкое удовольствие. И как бывает со множеством редких удовольствий — огромное разочарование. Пройти через врата на «Клубничное поле» — значит развеять все иллюзии, какие только могут быть, относительно волшебства этого места. Оригинальные здания, которые были построены одновременно с воротами, давно снесли и заменили новыми, спроектированными человеком с линейкой и желанием установить множество дешевых и уродливых окон.

Слова Леннона («Нет ничего реального») больше сюда не подходили. На современном «Клубничном поле» реальным было все, и, если провести там слишком много времени, есть большая вероятность помешаться. Это место и в лучшие времена не особо вдохновляло, а если добавить к тому сухой закон в Армии спасения и ее настояния на том, чтобы концерт проходил полностью без употребления алкоголя, оно оказалось действительно отвратным местом для вечеринки.

Такая атмосфера не давала расслабиться. Я был слишком мал, чтобы посещать дикие рок-фестивали шестидесятых, но могу предположить, что там не было младших сержантов и майоров из Армии спасения, патрулирующих

площадку и извещающих о том, что в буфете есть клубничный чай. На Вудстоке отсутствие этой религиозной полиции, вероятно, больше располагало к тому, чтобы скинуть с себя одежду, разрисовать титки и задницу зеленой краской и заняться любовью с тем, на кого наткнешься. Я осмотрелся вокруг, и все, что увидел, — это людей, сидящих со скрещенными ногами на одеялах в клеточку и потягивающих из пластиковых стаканчиков чай. Вместо «любви ко всему человечеству» здесь царило «чувство легкой неловкости». Вместо дилеров, продающих разные наркотики, здесь были ярмарочные киоски, собирающие деньги для детских домов.

Вовлекшись в это дикое безумие, я вдруг страшно возжелал попытать удачу в киоске, где надо набрасывать кольца на картонные фигуры битлов.

— Ну же, четыре кольца за фунт! — кричала искусительница в твидовой юбке за стойкой.

Просто скажи «нет», подумал я.

— Хорошо, дайте мне четыре, — мгновенно капитулировав, сказал я.

Все закончилось слишком быстро, и я не попал ни на одного битла, зато, когда сделал высокий бросок, последнее кольцо приземлилось на пару, легкомысленно сидевшую слишком близко к Полу Маккартни.

В буфете я попросил клубничного чая, и, пока семидесятилетний солдат-христианин усердно наполнял мою чашку голубым средством для полоскания рта, я услышал объявление ведущего церемонии, которое заставило меня бросить клубнику со сливками недопитой.

— Дамы и господа, эти ребята напоминают мне «Битлз» в ранние годы, мрачные и голодные годы в клубе «Пещера» — дамы и господа, «Флайинг поустмен» из Молдавии!

Я бросился туда, чтобы ничего не пропустить. Четверо молодых ребят легкой походкой вышли на сцену и приня-

лись настраивать свои инструменты и усилители, почти не обращая внимания на аудиторию, как умеют только музыканты. На них были костюмы шестидесятых, но, по всей видимости, они и не пытались походить на «Битлз». Самый высокий из них горделиво подошел к микрофону.

— Сегодня мы выступаем не как ранние «Битлз» — а как «Флайинг поустмен»! — довольно самонадеянно объявил он перед ошеломленной толпой. — И я Андрей, а не Пол.

И не без иронии хочу заметить, что в каком-то отношении он был самым подлинным Полом из всех, что я видел за время, проведенное здесь, так как единственный был левшой. Когда он стоял на середине сцены, а гриф его гитары смотрел совсем не в ту сторону, куда смотрели гитары других участников группы, на какое-то мгновение для меня они показались настоящими «Битлз». И этим парням не надо было подгонять прически, одежду или манеры. Они были устроены так же.

Ведущий был прав. Из них ключом била энергия. Сырая энергия настоящего, молодого азарта, которого опыт еще не лишил. Они начали с песни «Деньги» с проникновенными словами «Дайте мне денег — вот что я хочу», и мне пришло в голову, что она вполне могла стать молдавским национальным гимном. В конце выступления их проводили громкими аплодисментами, несмотря на то, что они совершили вероломный акт измены, спев две песни «Кинкс» и одну из репертуара «Ху».

Пока «летучие почтальоны» отдыхали за кулисами, в окружении бразильских «Битлз», которые готовились к выходу, я с волнением бочком подобрался к ним. Мне было неловко, как ребенку на детской площадке, который никак не может решиться подойти к другим детям и сказать: «А можно с вами дружить?» Моих навыков общения хватало для того, чтобы периодически добывать приглашения

на вечеринки, но я впервые собирался выудить приглашение в страну.

— Привет, ребята, отличный концерт, — вкрадчиво произнес я. — Э... мм...слушайте, я скоро собираюсь в Молдавию и хотел расспросить вас о вашей стране — вы не против?

— Нет, конечно! Валяйте! — радостно ответил Андрей.

И все действительно оказалось просто. Через два часа мы встретились в пабе в центре города, и после пары кружек пива я почувствовал себя достаточно раскованно, чтобы рассказать о том, что на самом деле собираюсь делать в их стране. Они рассмеялись. От души. А когда успокоились, то сказали именно то, что я хотел услышать. Да, моя идея была безумной, но, нет, в Молдавии меня никто не обидит. Андрей даже считал, что большинство жителей будут рады, что иностранец проявил интерес к их относительно неизвестной стране, и постараются продемонстрировать традиционное молдавское гостеприимство. Нет, там нет проблем с продовольствием, и да, там есть теннисные корты. Эмиль, он же Джордж Харрисон, раньше много играл в теннис и сказал, что корты построены у республиканского футбольного стадиона. Он даже видел, как некоторые футболисты там играли. Это меня немного обеспокоило. Как часто они там играли и насколько хорошо? А вдруг Артур прав — и один из одиннадцати футболистов окажется хорошим теннисистом?

Я узнал, что после фестиваля «Флайинг поуэмен» не собирались возвращаться в Молдавию, у них было разрешение на работу, и они могли остаться в Великобритании и играть в клубе «Пещера». Я старался улыбаться, но думал лишь о том, что новое приобретение Ливерпуля стало моей потерей. Я-то думал, что эти четверо будут моими потенциальными союзниками и помощниками в чужой стране, ни одного языка которой я не знал, но, похоже, придется справ-

ляться без них. Однако кое-какие хорошие новости были. Андрей сказал, что у него есть подруга Коринна, директор Международного центра журналистики в столице Молдавии Кишиневе, и он уверен, что она вышлет мне официальное приглашение в страну. Я убедился в этом после телефонного звонка, настояв, чтобы мы тут же ей позвонили. Я вручил Андрею телефон, и через секунду он уже участвовал в разговоре, который звучал подтверждением того, что я никогда не овладею румынским в совершенстве. Наконец он передал мне маленькое черное чудесное изобретение, и я поднес трубку к уху.

— Привет, Тони, — произнес тихий женский голос из далекого и загадочного места. — Я Коринна. Все это звучит безумно, но мы будем очень рады принять в Центре журналистики такого гостя, как вы. Вы можете работать над своим проектом в нашем офисе.

— Ух ты, спасибо, — только и произнес я, все еще поражаясь технологиям, позволяющим мне разговаривать с молдаванкой из Молдавии, находясь в ливерпульском пабе.

Коринна также сказала, что, если я ей перезвоню через неделю, она сможет подобрать для меня гостиницу, что было просто фантастической новостью. Однако возможности еще раз ее поблагодарить меня лишили, так как пропал сигнал.

Но это и не важно. Все складывалось довольно неплохо.

— Как бы мне хотелось поехать с тобой, — с ностальгией в голосе сказал Андрей, который не был в Молдавии уже больше года.

Глава 2

«Туполев-134»

— А футболисты знают, что ты приезжаешь?

Вполне логичный вопрос, вопрос, который мне часто задавали обеспокоенные друзья, однако до сих пор ответ был отрицательным.

Дело в том, что я пытался посылать факсы и звонить в Молдавскую футбольную федерацию, но либо линия была занята, либо никто не отвечал. Меня это не особо беспокоило, так как мне нравилась идея приехать в страну и начать с нуля. Я решил, что весь этот проект — что-то вроде эксперимента. Я собирался доказать, что положительный настрой и оптимистичный взгляд сделают свое дело, если в них верить. Конечно же, будут препятствия и проблемы, но, как все жизненные неурядицы, их надо будет преодолеть. Это второе добровольное путешествие в мир абсурда должно стать доказательством философии, которую я сформулировал после путешествия с холодильником. Все возможно. Люди, которым все удается, знают это, а остальные — нет. Если у меня получится отыскать и обыграть молдавскую национальную футбольную команду в теннис, то я не только смогу насладиться унижением Артура, но,

главное, докажу кое-что себе. И это будет поддерживать меня всю оставшуюся жизнь.

Так что я занялся подготовкой, успешно придав огромное значение явно бессмысленной затее. Но почему во всем должен быть смысл? Почему нельзя просто делать то, что хочется? И в чем, в любом случае, смысл? В чем смысл футбола? В чем смысл работы, отдыха, накопления денег, заведения семьи, хождения в церковь или на выборы? По моему мнению, смысл есть только в остром кончике дротика для игры в дартс, но даже он бесполезен, пока во что-нибудь не воткнется.

Воскресным днем я зарегистрировался на прямой рейс «Эйр Молдова» до Кишинэу¹. У меня были чертовски приятные предчувствия по поводу этого приключения. Я буду одним из пионеров. Ай, какой молодец.

На регистрации меня встретили с поднятыми бровями, когда узнали, что у пассажира билет в один конец.

— Какова цель вашей поездки?

— Отдых.

Удивление усилилось.

— Сколько мест багажа?

— Два места багажа и одна ручная кладь.

— Вы сами упаковывали свой багаж?

Мне хотелось повернуться и указать на какого-нибудь парня в зале вылета со словами:

— Нет, вон тот парень паковал. И его работа меня поразила. Позвольте, я открою чемодан и покажу — смотрите, и он называет это «уложить вещи».

— Да, — ответил я, струхнув.

¹ Вы можете найти на старых картах другое название молдавской столицы — Кишинев. Это название было общепринятым при СССР. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Мой первый предмет багажа был вполне обычным. Огромный портплед. Второй вызвал больше вопросов.

— Что это?

— Это круглый пластиковый стол.

Меня непременно обсудят в обеденный перерыв.

— Хорошо. Вам придется сдать его на стойку крупногабаритного багажа.

Обычно круглые столы не берут с собой в международные перелеты, но этот был очень важным подарком. Неделю назад я прочел в газете, что молдавский цыганский король умер, и власть перешла к его сыну Артуру. Это было чрезвычайно приятно — в Молдавии есть король Артур. Я тут же решил нанести ему визит и подарить круглый стол. Довольно нехорошо с моей стороны, что я отложил покупку стола на утро воскресенья, и потому времени хватило только, чтобы пробежаться по гипермаркету «Ду ит олл» и купить не лучшего качества столик, который королю придется собирать самому. По крайней мере, я так думал. Я надеялся, что это не настроит его против меня.

— А на каком самолете мы летим? — спросил я у измученной девушки на регистрации.

— «Туполев-134».

Ах да, «Туполев-134». Обычно я не боюсь летать, но этот самолет не внушал среднему западному пассажиру большого доверия. Само его название было старым и изуренным.

В зале вылета у выхода 36 выяснилось, что всего девять пассажиров решили доверить свою судьбу этому самолету, но когда я выглянул из окна, то решил, что мне нравится то, что вижу. Он выглядел очень по-русски, был гладким и остроконечным, и, если честно, по мне был вполне неплох. В любом случае, я подумал, что, если пилот и экипаж рады летать туда-сюда всю неделю, в этом должно что-то быть.

Внутри самолет был на удивление приличным, и, так как нас было всего девять, в нем было просторно. В нем не было закрывающихся отделений для багажа, просто полки над головами, не было музыки и приветственных восклицаний, и никто назойливо не объяснял, где тебе следует сесть. Мне это понравилось. Авиакомпания, которая не обращается с тобой, как с ребенком. До взлета ни одна из стюардесс не прошла по салону, как директриса, чтобы проверить, кто из непослушных пассажиров не пристегнул ремни, или привести спинки наших кресел в вертикальное положение. Что за одержимость такая, непременно «убеждаться, что спинки ваших кресел находятся в вертикальном положении»? Какая разница, под каким углом ваше кресло? Совсем недавно над аэропортом Хитроу чуть не столкнулись два самолета: 737-й «Бритиш эйруэйз» и «Джамбо» компании «Верджин», — расстояние между ними составляло всего 200 футов. Если бы они столкнулись, мне кажется, в отделениях скорой помощи вряд ли оказались бы выжившие, отделавшиеся легкими синяками, которые восклицали бы:

— О, слава богу, спинки наших кресел были в вертикальном положении!

Мы взлетели. День был необычайно ясным. Вскоре я увидел внизу порт Дувра, а за горизонтом — Францию. Меня поразило, насколько узка эта полоска воды, а также насколько исторически важна она для защиты Британии от великих завоевателей и европейских строителей империи.

Молдавии повезло меньше. Как и многие другие государства Восточной Европы, похоже, она была одной из тех стран, народ которой чуть ли не каждый день поработщали новые властители. До появления независимой республики в 1991 году политический контроль над этими землями, похоже, переходил из рук в руки после всякого крупного европейского конфликта, и основными соперниками были Османская и Российская империи. После Первой мировой

войны земли, известные как Бессарабия, проголосовали за то, чтобы войти в состав Румынии, но после Второй мировой войны были отобраны русскими и стали Советской Социалистической Республикой Молдавия. На протяжении советского периода этническое большинство молдаван, говорящих на румынском, терпело огромный приток русских и украинцев, которые приезжали, чтобы развивать промышленность в городах, навязывать коммунизм как образ жизни и, как правило, всех унижать. Это был жестокий режим, последствия которого вскоре стали видны и мне.

По внешнему виду людей я определил, что на борту еще трое британцев. Это бросалось в глаза, прежде всего, потому, что они были единственными пассажирами, которые не смахивали на злодеев из триллеров времен «холодной войны». Один из них сидел через проход от меня. Он казался славным парнем, чуть седоватый, с открытым лицом. Я перегнулся в его сторону и вторгся в его личное воздушное пространство.

— Зачем вы летите в Молдавию? — спросил я, догадываясь, что он едет не в двухнедельный групповой тур от компании «Томсон».

— Мы с Эстер, — сказал он, указывая на молодую женщину, сидевшую рядом, — будем работать в доме для детей с ограниченными возможностями в Кишиневе.

Дэвид оказался викарием англиканской церкви на востоке Лондона и знал о том, куда мы летим, столько же, сколько и я. Когда он спросил причину моей поездки, я слегка смутился. Ведь моя причина не была такой благородной, как его. Но, когда я честно рассказал, он рассмеялся и пообещал помолиться за меня.

— Не уверен, что смогу повлиять на Него, но постараюсь, — пошутил он.

— Любая помощь пригодится, — ответил я. — Кто знает, вдруг, за мной понадобится немного присмотреть.

Интересно, одобрил бы Бог, или кто он там есть, мою затею? Я решил, что, вероятно, одобрил бы. В конце концов, разве Его пути исповедимы? Мой путь, стоило поведать о нем другим, тут же всех озадачивал — так что, в плане чудес, возможно, у нас с Богом было что-то общее.

Другой британский пассажир сидел впереди, в двух рядах от меня, и мое желание выяснить, зачем он направляется в Молдавию, сделалось навязчивым. Я пытался догадаться, но это было непросто, наблюдая только его затылок. После изучения затылка в течение минут двадцати я пришел к выводу, что это человек наверняка дипломат. Налицо были все признаки — торчащие уши с обеих сторон и строгая стрижка. Наконец я набрался смелости и решил проверить, верны ли мои догадки.

— Простите, что беспокою, — сказал я, забираясь на свободное место рядом с ним, — но я тут гадаю, почему вы туда летите. У вас какое-то важное дело?

— Вроде того. Я собираюсь жениться, — ответил он.

— Вот это да!

Кевин объяснил, что познакомился с молдавской девушкой в Интернете, как и все, и через восемнадцать месяцев ухаживаний, в ходе которых они обменялись сотнями сообщений, наконец сделал ей предложение. Теперь он собирался жениться и забрать жену с собой в Англию. Меня немного беспокоило, что их дела могут пойти не так гладко в реальности, где все еще приветствовались примитивные методы общения, такие как слова и прикосновения. Возможно, все будет хорошо, если первую пару месяцев они будут просто обмениваться записками или поставят в каждой комнате по компьютеру, чтобы посылать друг другу письма.

Кому: Krasotka-zhena@vannaya.co.uk

От: Kevin@kukhnya.co.uk

Сообщение: Ты еще долго там пробудешь?

— Чем занимаетесь, Кевин? — спросил я, втайне уповая, что он может принадлежать к дипломатическим кругам.

— Компьютерами.

Ну, конечно же. И как я мог так неверно истолковать его затылок?

Когда мы приземлились, я почувствовал прилив адреналина. Оказаться впервые в Восточной Европе поистине захватывающе. Я просто не знал, чего ждать. Будет эта страна суровой, неприветливой и примитивной, как предсказывало большинство моих друзей, или я найду подтверждение словам Андрея: «Как бы мне хотелось поехать с тобой»? Неизвестность возбуждала.

Мой первый контакт с молдаванином на его родине произошел, когда непреклонный на вид человек в голубом комбинезоне с масляными пятнами не дал мне сфотографировать самолет, из которого я вышел. Его вид внушал страх. Одним лишь яростным взглядом и демонстративным жестом он приказал убрать камеру, отчего я сразу почувствовал себя врагом государства, который собирался передать секретную информацию в Белый дом. Этот самолет явно видели сотни человек в аэропорту Гэтвик, поэтому было непонятно, почему съемки представляют угрозу безопасности, однако этот парень выглядел так, что с ним лучше было не пререкаться. Как и парень на таможенном контроле, который осмотрел мою сумку с непреклонной решительностью, наводящей на мысль, что тип в комбинезоне ему на меня наступал. Он с подозрением оглядел мой девственно белый пластиковый круглый столик, но ничего не сказал. Должно быть, денек выдался длинный.

Я последовал инструкциям, которые получил по телефону от Коринны, и взял такси прямо до гостиницы «Националь», где мне забронировали номер на одну ночь. Она спрашивала, какое жилье я бы предпочел — роскошное, дешевое или среднего класса, — и я выбрал последнее. Полностью

проигнорированный водителем, я закинул круглый стол на заднее сиденье, сам сел на переднее и начал пристегиваться. Таксист тут же повернулся и буквально вырвал ремень у меня из рук. Я пристыженно откинулся на спинку. Видимо, пристегивание ремнем безопасности здесь считалось не мерой предосторожности, а личным оскорблением, которое означало: «Слушай, друг, я пристегиваюсь, потому что ты паршивый водила, а я еще не готов умирать».

Опустились сумерки, так что я мог мало что разглядеть, пока мы прыгали по неровным дорогам к отелю, но справа я рассмотрел несколько обшарпанных многоэтажек. Я посмотрел через левое плечо неразговорчивого таксиста и снова увидел обшарпанные многоэтажки. Наконец мы подъехали к гостинице «Националь», которая стояла среди обшарпанных многоэтажек. Я заплатил водителю, вышел и окинул взглядом гостиницу. Как ее описать? Ну, она была обшарпанной и имела необъяснимое сходство с жилыми многоэтажками. Да, довольно точное описание.

Стойка регистрации отеля была огромной, пустой и плохо освещенной. В словарном запасе владельцев этого заведения, государственное оно или частное, не было слова «ремонт». Отслоившаяся краска покрывала стены, на которых, будто оправдываясь, висели блеклые грязно-коричневые картины. Серый линолеум, весь в рубцах от падавших на него десятилетиями окурков, устилал бессмысленно богатый каменный пол. Слова «М-м-м, здесь мило» были совершенно не готовы сорваться с моего языка.

За стойкой регистрации сидела женщина средних лет в пальто и смотрела в пол. Теплому приему от нее я не дождался, скорее, она была ужасно раздражена тем, что я отвлек ее от процесса угрюмого самокритичного анализа. Она недовольно посмотрела на меня, не произнесла ни звука, лишь махнула головой, что, вероятно, означало: «И что тебе нужно?». Я сообщил необходимые данные, и она отпрати-

ла меня к лифтам так быстро, как только позволяла конфискация моего паспорта и выдача ключа.

— Хотите, чтобы вам помогли с багажом, сэр?

Да, конечно, мечтай, Тони.

Я отыскал свой номер и вошел. Я никогда прежде не бывал в тюрьме, но теперь у меня сложилось кое-какое представление о том, как выглядят камеры. Несмотря на разочарование, я почувствовал облегчение от того, что не выбрал дешевый вариант. Я поставил круглый стол в угол, где он очень удачно вписался в интерьер, и рухнул на кровать.

Боже... Во что я ввязался?

Глава 3

Миссия почти невыполнима

Проснулся я с на удивление хорошим настроением.

Я подошел к окну и впервые увидел город при свете дня. Отсюда, с одиннадцатого этажа, открывался прекрасный вид на Кишинев. Внизу была площадь, в центре которой стоял памятник солдату-герою с квадратной челюстью; он стоял в горделивой позе, устаревший символ суровой силы. Переполненные троллейбусы и «лады» с мало мощными двигателями громко проносились мимо. На дальней стороне площади виднелось какое-то правительственное или научное здание, за которым возвышался лазурный купол православной церкви, золотой крест на ней отвлекал от серой панорамы однообразных и бездушных многоэтажек, разросшихся позади. Утреннее солнце так ярко освещало осенние деревья городских парков, и казалось, будто оно подпалило далекий горизонт в дымке. День обещал быть прекрасным, и у меня возникло хорошее предчувствие. Очевидно, я просто устал после долгого путешествия и потому накануне вечером преувеличил местное уныние. Уверен, холодность, с которой я столкнулся, была либо выдумкой, либо мимолетным психическим расстройством.

После неплохого завтрака — напиток вроде йогурта под названием «кефир», кофе, сосиска и какой-то необычный хлеб — я был готов приступить к решению своей задачи. Этим утром я должен был встретиться с Юлианом, переводчиком, которого нашла для меня Коринна. Я буду платить ему тридцать долларов в сутки, хорошие деньги по молдавским стандартам, хотя на такую зарплату едва ли можно было бы снять жилье в Лондоне. Пока я ждал его в холле гостиницы, то вдруг понял, что от него зависит успех моего дела. Интересно, рассказала ли Коринна обо мне и в курсе ли он моего необычного предприятия, для которого потребовались его услуги. Еще я гадал, как мы друг друга узнаем, и тут из-за левого плеча раздался голос:

— Вы Тони Хоукс?

— Да.

— Я Юлиан. Я узнал вас по столику.

Ну конечно, столик был прислонен к моим сумкам. По телефону я упомянул Коринне, что везу его с собой. Она посмеялась. Вероятно, это был нервный смех. Интересно, какой образ она нарисовала в воображении — человек, который едет, чтобы просить молдавскую футбольную сборную, всех до одного, сыграть с ним в теннис, и везет с собой круглый пластиковый стол в качестве подарка королю цыган. Вряд ли ее мыслью было: «Он уже пятый в этом месяце, и думаю, он такой же, как все».

Я пожал руку Юлиану, человеку, который будет работать со мной каждый день. Тому, кто должен мне помочь в осуществлении моей миссии. Он был худым, можно даже сказать — тощим, но держался уверенно, и, когда улыбался, как сейчас, его лицо выглядело симпатично.

— Ну что ж, Юлиан, — сказал я. — Полагаю, вы в курсе моего пари?

— Да.

— Это вряд ли можно назвать обычной работой. Как вы к этому относитесь?

— Нормально, — ответил он со сдержанностью, которую я вскоре стал воспринимать как национальную черту.

В такси по пути в Независимый центр журналистики мы немного поболтали о моем перелете и погоде, и каждый явно хотел отложить на потом обсуждение того, каким образом мы собираемся решить нашу задачу. Юлиан показался мне славным парнем, и я уверился, что мы сработаемся. А потом я вдруг осознал, что он — мой наемный сотрудник. У меня никогда раньше не было наемных сотрудников. Ну, допустим, я нанимал строителей, мойщиков окон и механиков, чтобы они сделали то, что я делать не умел, или мне было просто лень этим заниматься, но это — другое. Я нанял человека, чтобы тесно с ним работать над своим собственным проектом. Как секретаря или личного помощника. Надеюсь, Юлиан не ждал, что я буду возить его на выходные в Париж.

Коринна встретила нас на улице у дверей красивого старого здания, в котором располагался Независимый центр журналистики. Она была элегантна и красива, и ради нее я бы с радостью отправился в тур Кишинев — Париж, если бы не знал, что она счастлива в браке и воспитывает маленького сына.

— Тони, я думаю, вы сумасшедший, — объявила она, — но даже если так, вы можете спокойно работать в нашем центре.

— Спасибо, вы очень добры.

Мне крупно повезло. Менее месяца назад я не знал ни одного молдаванина, не говоря уже о том, чтобы работать в их офисе, как в собственной штаб-квартире.

— Вы вправду считаете, что это невыполнимо? — спросил я.

— Ну, скажем, я считаю, что нет ничего невозможного, — ответила Коринна, — но вы скоро поймете, что в этой стране очень сложно чего-либо добиться. Думаю, ваша затея почти невыполнима.

Почти невыполнима. Два слова, которые не слишком ободряли. Я предпочел сменить тему.

— Расскажите мне немного о вашем Независимом центре журналистики.

Коринна рассказала все. Центр являлся неправительственной организацией, которая была создана с целью поддерживать молодых журналистов и способствовать развитию открытого общества посредством создания качественных и объективных СМИ. Своему существованию он в значительной степени обязан деньгам американского миллиардера Джорджа Сороса, человека, который сделал немислимо огромное состояние, торгуя на мировых финансовых рынках. Венгерский еврей, он в детстве прятался от «эскадронов смерти» эсэсовцев, а потом деспотичный коммунистический режим вселил в него страстную веру в огромные силы открытого общества.

В возрасте 49 лет, владея личными средствами в 25 миллионов долларов, он решил, что пора заняться благотворительностью. Теперь каждый год он отправляет миллионы долларов в Восточную Европу, и Коринна принадлежала к числу его благодарных адресатов. В сентябре 1992 года небольшая часть этих денег принадлежала британским налогоплательщикам. Тогда Джордж Сорос сделал огромную ставку против фунта стерлингов. Он был поистине смелым парнем, чтобы бросить вызов такой значительной фигуре, как британский канцлер казначейства Норман Ламонт, однако через неделю лихорадочных торгов британские налогоплательщики потеряли 15 миллиардов фунтов, а дела Сороса пошли лучше прежнего.

Меня всегда поражало, что Ламонт, который пристально наблюдал, как из кармана каждого налогоплательщика в Великобритании вынули по пять фунтов, искренне огорчился, когда Джон Мейджор в итоге его уволил. Представляю, какой разговор мог состояться между ними на фоне этих событий.

Мейджор:

— Боюсь, Норман, в результате разорения мелких предпринимателей со скоростью три лавки в день и огромного числа жителей страны с отрицательным капиталом из-за падения цен на имущество, а также потому, как тебе удалось лишить страну миллиардов фунтов за один-единственный день, я принял решение снять тебя с поста канцлера казначейства.

Ламонт:

— Но за что? Что я такого сделал?

По сей день мнение Нормана Ламонта по основным политическим вопросам повестки дня помогает мне решать, какую занять позицию. Естественно, главной причиной моих выступлений за дальнейшую интеграцию Британии в Европу является тот факт, что Норман Ламонт неистово выступает против. Мне кажется, если я проживу жизнь, придерживаясь во всем мнения, противоположного мнению Ламонта, я не слишком отклонюсь от верного курса.

Коринна провела меня вверх по лестнице в кабинет, главный в Центре журналистики, где сидели пять-шесть человек, стуча по компьютерным клавиатурам. Меня представили сотрудникам:

— Это Тони из Лондона, о котором я вам говорила.

Рабочая сила развернулась на стульях, вежливо кивнула и незамедлительно вернулась к своему занятию. Ух ты. Это все, что ли? Почему-то я представлял себе, что вызову больше шума. Я ожидал, что внимание ко мне будет приковано дольше, чем 0,1 секунды. Коринна рассказывала им обо мне, так где же крики удивления? «О, так это тот псих... А, вот как он выглядит... Ну-ну, вот и он, великий авантюрист, добрался-таки...»

Первая встреча не оправдала ожиданий. Я решил, что либо эти люди поразительно хорошо умеют сдерживать свои

чувства, либо всем им на меня начихать. Первый укол моему самолюбию.

Тишину, образовавшуюся из-за всеобщего отсутствия интереса ко мне, компенсировало шумное появление высокого и худого человека, которому явно не хватало здоровой пищи. Он обратился к Коринне с абсолютно неуместной громкостью, видимо, не сознавая того, что они находятся в одном помещении. Все слегка вздрогнули, особенно бедная Коринна, которая оказалась прямо на линии огня.

— Это Марчел, — сказала Коринна, воспользовавшись недолгой паузой в его громкой речи, — брат Андрея из «Флайинг поустмен».

— Ах, да! Марчел, привет, — сказал я, пожимая его руку. — Надеюсь, как-нибудь ты споешь мне молдавский национальный гимн.

Мы договорились об этом с Андреем в Англии. Слегка необычный парень, стоящий сейчас передо мной, был его братом, оперным певцом, и мы решили, что или я, или Артур должны будем скопировать гимн именно в его исполнении, когда станет известен результат пари.

— Он не знает английского, — сказала Коринна, — но говорит, что хочет пригласить тебя в оперу, пока ты здесь, и что в ближайшие дни с ним можно связаться через этот офис.

— Скажи ему, что я буду ждать с нетерпением и благодарю его за доброту.

Коринна перевела мои слова, Марчел изрек еще несколько невообразимо громких фраз и, ко всеобщему облегчению, удалился.

Коринна вернулась к своему столу, оставив нас с Юлианом на длинном диване в углу кабинета, чтобы мы обсудили неизбежное — как нам все повернуть. Да. Как мы собираемся все повернуть? Вообще-то я об этом особо не думал. Мне казалось, что лучше всего будет подождать,

пока я не окажусь на месте и не пойму, какие тут порядки. Я начал с небольшой речи для Юлиана, подчеркнул, насколько важно, чтобы процесс доставлял удовольствие.

— Иногда нам придется быть частными детективами, — добавил я.

— Без проблем, — уверенно сказал Юлиан.

Потом я зачитал имена одиннадцати игроков, с которыми должен был сыграть.

— Слышали о ком-нибудь из них? — спросил я, ожидая положительного ответа.

— Нет.

— Но это же национальная сборная, вы должны были слышать о ком-нибудь из них.

— Нет, не слышал. Я не интересуюсь футболом.

— Хорошо. А теннисом?

— Я ничего не знаю о теннисе. Я вообще не люблю спорт.

Утро понедельника, десять минут за работой — и первая неудача.

— Ну, ничего. Не думаю, что это так важно, — сказал я с притворным спокойствием.

Кого я обманывал? Если бы он знал футболистов и номера их домашних телефонов, все, несомненно, было бы гораздо проще. Его поразительное незнание всего, что касалось нашего проекта, не слишком воодушевляло.

— Вы должны сыграть со всеми одиннадцатью? — спросил Юлиан, дитя любви великого футболиста Алана Хансена и великой теннисистки Сью Баркер.

— Да.

— И выиграть?

— Да.

— Ух ты, будет непросто.

Все труднее с каждой минутой.

— Ладно, Юлиан, — продолжил я. — Есть идеи, с чего начать?

— Нет, никаких.

Боже, он подготовился так же паршиво, как и я. Вдруг в его глазах появился огонек.

— Коринна упоминала одного спортивного корреспондента, который может помочь. Надо попросить номер мобильного у его жены, которая работает в посольстве США.

— Отличное начало — поговорить с ним.

— С этим проблем не будет, я договорюсь о встрече.

В уверенном тоне Юлиана ничто не наводило на мысль о том, что на самом деле с этим журналистом мне не удастся пообщаться раньше вечера пятницы. В общем, первое утро стало показателем того, что добиться здесь чего-то не так просто. Мы хотели позвонить спортивному корреспонденту, а также в теннисный центр и футбольную федерацию, но на каждый телефонный звонок либо никто не отвечал, либо слышались короткие гудки. Одно из двух: либо здесь люди звонили по телефону и тут же убегали прочь, либо телефонная система питалась батарейками от плееров «Сони».

Как раз когда мы собрались сделать перерыв на обед, Карен, американский доброволец, которая работала в центре, нарушила общепринятые правила и спросила, как продвигаются у меня дела.

Я рассказал, и она выдвинула нерадостный прогноз, что у меня будет всего три матча. Коринна, подслушав наш разговор, высказалась более оптимистично и предсказала, что мне удастся сыграть с шестерыми. Ни один из этих прогнозов меня не обрадовал.

— Должен признать, — добавил я немного грустно, — я думал, что после сегодняшнего утра смогу достичь большего.

— Добро пожаловать в Молдавию, — последовал не предвещающий ничего хорошего ответ Карен.

После обеда мы отправились в Молдавскую футбольную федерацию и блуждали в ее поисках два с половиной часа. Похоже, у Юлиана была склонность к уверенному движению в неверном направлении, уверенность, которая ничуть не ослабевала, несмотря на постоянные неудачи. Это впечатляло и, в каком-то роде, было благородно, однако немного утомительно для ног. Впрочем, я был не против. Лучший способ узнать город — это по нему поблуждать.

Большая часть Кишинева была разрушена во время Второй мировой войны, и в результате ныне он представляет собой город с сумбурной и эклектичной архитектурой. Очаровательные двухэтажные дома девятнадцатого века, украшенные резными портиками, примыкают к квадратным строениям шестидесятых, многие здания реставрируются, явный признак скорого выхода западных компаний на местный рынок. «Старый Кишинев», вокруг которого мы бродили, был довольно приятным районом. По широким дорогам с посаженными вдоль них деревьями неплотным потоком, но непрерывно двигался транспорт. Интересно, сколько пройдет времени, когда на этих улицах появятся пробки? В капиталистической системе, к которой так стремится это молодое государство, автомобиль, несомненно, должен стать для отдельного человека способом показать остальным: спасибо, у меня все отлично.

Жизнь столицы была сосредоточена вокруг главной улицы — бульвара Штефана чел Маре. В одном его конце находились все правительственные здания, в другом — главная торговая зона. Люди шли по своим делам с мрачными лицами, и атмосфера, хоть и не враждебная, едва ли была доброжелательной. Немногие состоятельные личнос-

ти сидели в уличных кафе, попивая кофе и греясь под зимним солнцем, однако смех и шутки были не в моде. Думаю, сказались годы при деспотичном режиме с его узаконенной системой тайной полиции и доносов, отчего население предпочитало осторожный подход к любому проявлению эмоций на публике. Здесь не увидать горячих споров на перекрестках, как в Южной Европе, на повышенных тонах и с активной жестикуляцией. Лишь сдержанный и бесстрастный обмен необходимой информацией. Ничего лишнего.

И тут я заметил, что все столы в кафе и барах — круглые и пластиковые. Почему-то на ум пришло выражение «возить уголь в Ньюкасл». Куда ни посмотри, всюду были круглые пластиковые столы. А благодаря мне — и, конечно же, «Ду ит олл» — теперь в Молдавии появился еще один. Короля Артура это не впечатлит.

Мне надо было обменять доллары, и Юлиан отвел меня в один из множества обменных пунктов, разбросанных вдоль главной улицы. Когда я зашел, маленький киоск был пуст, но к тому времени, как обменял деньги, я обернулся и увидел позади себя длинную очередь.

— Откуда они все взялись? — спросил я Юлиана.

— Должно быть, люди заметили, как вы вошли.

— И что?

— Ну, вы не похожи на молдаванина. Они поняли, что вы, видимо, обмениваете иностранную валюту, и захотели ее купить.

— Зачем?

— Так они хранят деньги. Никто не верит ни нашей валюте, ни банкам.

С полным карманом молдавских денег я выбрался из толпы местных жителей, отчаянно желающих получить доллары, которые только что были моими. Это казалось странным, но, в бесконечно меньшем масштабе, эти люди играли в ту же игру, что и Джордж Сорос. Кто-то окажется побе-

дителем, а кто-то проиграет. Добро пожаловать в капитализм, друзья.

— И что мне дали? — спросил я Юлиана, перебирая пачку своих новых банкнот.

— У вас около семисот леев. Наша валюта называется «лей». Означает «лев».

О, лев? Ну, судя по сцене, которую я наблюдал, этот лев не был королем мировых финансовых джунглей.

Наши нечаянные блуждания по задним улочкам Кишинева продолжались до тех пор, пока мы, наконец, не оказались перед зданием, на дверях которого красовалась надпись «Federatia Moldoveasca de Fotbal». Это было очень хорошим знаком, так как означало «Молдавская футбольная федерация», в отличие от предыдущих четырех зданий, у которых мы уже побывали. Я заметил, что Юлиан слегка растерян. Утренние неудачные попытки дозвониться заставили меня предпочесть личную явку, а это точно было не в стиле Юлиана (и не его конек, учитывая навыки моего гида в ориентировании на местности).

— Что мне сказать? — спросил он, пока мы топтались на ступеньках.

— Не все сразу. Просто скажите, что я журналист из Англии, который хотел бы взять интервью у кого-нибудь из футболистов национальной сборной.

— Хорошо.

Войдя, Юлиан быстро переговорил с человеком за стойкой, который мало походил на хорошенькую секретаршу, обычно восседающую на таком месте. Тот сходил куда-то и вернулся с симпатичным, элегантно одетым человеком, который отлично говорил по-английски. Он вежливо представился Андреем, переводчиком команды.

— Чем могу помочь? — спросил он.

Я объяснил. Я рассказал ему правду, всю правду и ничего, кроме правды. Он засмеялся, особенно после расска-

за о раздевании догола и исполнении молдавского национального гимна.

— Так чем я могу помочь? — снова спросил он.

— Ну... э-э... вот список игроков, с которыми мне надо сыграть — очень бы помогло, если вы сообщите, в каких клубах они играют, где тренируются, и скажете, как можно с ними связаться.

Андрей выглядел немного шокированным. Будем к нему справедливы, ведь англичанина, которому захотелось сыграть в теннис с футболистами, для которых он переводил, возможно, не было в его планах на вечер понедельника. Тем не менее он пообещал помочь и через десять минут вернулся со всеми необходимыми данными, распечатанными на английском. Какой потрясающий парень.

Он разобрал со мной все детали. Кое-какие новости были хорошими. Пятеро футболистов играли в кишиневском клубе «Зимбру», двое других также играли в клубах, находившихся в столице. Еще двое, Строенко и Рогачев, играли за клубы в Приднестровье. Это, насколько я знал, могло стать проблемой.

Когда в конце 1980-х Горбачев начал перестройку, в Молдавии наблюдался подъем национального самосознания, который привел к выбору румынского в качестве государственного языка. Однако этому воспротивились многие русские, которые составляли большинство на восточном берегу реки Днестр, в регионе, известном как Приднестровье. Эти русские поддержали политическое движение под названием «Единство» и, когда Молдавия в сентябре 1991 года стала республикой, отказались признать новое правительство и приостановили действие молдавского закона на своей территории. В одностороннем порядке они громко назвали себя Приднестровской Молдавской ССР и развернули масштабную гражданскую войну с молдавским правительством в Кишиневе. Все это прошло почти

незамеченным западными наблюдателями, в частности мной. Я был слишком занят, отрабатывая подачу.

Усугубляло ситуацию то, что, хоть война и прекратилась, ни один из споров не был разрешен. В регионе имелись собственная полиция, валюта и армия и осуществлялся строгий пограничный контроль, несмотря на то, что режим не был признан мировым сообществом. «Не быть признанным» мировым сообществом означало, что, помимо того, что мировое сообщество проходило мимо, не здороваясь, оно также не затрудняло себя приглашением на «Евровидение» или разрешением иметь национальную футбольную сборную, которая могла бы играть на международном уровне. И вот эти Строенко и Рогачев играли за Молдову, хотя и были родом из Приднестровской Молдавской ССР, региона, который мне описывали как бандитский край, куда лучше не ездить.

Еще одной плохой новостью было то, что после двух недавних трансферов Александр Куртиян теперь играл за «Зенит» в Санкт-Петербурге, а Марин Спыну — за клуб в Израиле.

— Это может занять больше времени, чем я думал, — сказал я с кривой улыбкой.

— Точно, — ответил Андрей.

Юлиан воздержался от комментариев.

— Встретимся завтра в десять в Центре журналистики, — сказал я у входа в бар, — и попробуем отыскать офисы каждого из клубов.

Юлиан послушно кивнул и растворился в кишиневском вечере после своего первого рабочего дня с новым боссом. Интересно, к какому выводу он пришел? Он даже не выглядел удивленным. Может, он отлично умел скрывать свои чувства?

Я, вероятно, выбрал самый затрапезный бар, зато он был рядом и подходил моим целям. Я хотел поразмыслить о дневных событиях за кружкой пива до того, как побрести назад в Центр журналистики, где через час Коринна и ее муж Аурел должны встретить меня и отвезти туда, где я буду жить. Бар был мрачным и пустым. Никаких украшений, кроме двух плакатов с рекламой «Кока-колы» и «Орбита». Из плохо настроенного радио орала совершенно неуместная музыка в стиле «хаус». За барной стойкой виднелись полка с дюжиной бутылок, календарь и крупная женщина, которой пришлось бы сильно постараться, чтобы соответствовать требованиям фейс-контроля на входе в порно клуб «Стрингфеллоуз».

Я заказал пиво «Арк», при помощи неуверенного румынского языка и уверенного тыканья пальцем, и присел за один из четырех пустующих столиков. Еще один клиент, старик, согнувшийся в конце барной стойки над своей водкой, поднял взгляд и подозрительно меня осмотрел. Потом он собрался с силами, залпом осушил стопку и вышел из бара, не обрывая зрительного контакта с полом под ногами. Я взглянул на барменшу и улыбнулся. Она тут же отвела глаза и отвернулась, чтобы заняться мытьем стаканов. Я сделал глоток пива и задумчиво откинулся на спинку стула.

Через несколько минут в бар зашел мужчина. Пара слов у барной стойки, и водка плеснулась в стопке. Он осушил стопку, развернулся и вышел из бара. Весь процесс занял не более тридцати секунд. Через равные промежутки времени продолжали заходить посетители. Рекорд скорости установил крупный парень в кожаной куртке, который умудрился заказать, выпить и выйти из бара ровно за семнадцать секунд. Я пробыл там пятнадцать минут и выпил лишь полкружки пива. Не удивительно, что на меня странно смотрели. Эти ребята не любили выпивать в компании. Никако-

го удовольствия. Люди приходили в бар, чтобы расправ-
ляться с напитками. Никакого приятного времяпрепровожд-
ения, никаких кивков в знак того, что они здесь не одни,
просто глоток микстурки — и снова на улицу. Сестра, дай-
те мне что-нибудь болеутоляющее.

Вдруг человек с красным лицом, которое не давало усом-
ниться в его любимом занятии, шатаясь, подошел ко мне и
что-то пробормотал. Я пожал плечами и извинился по-ру-
мынски, что вроде как я из Англии:

— Sunt din Anglia.

И тут произошло что-то странное. Он улыбнулся.

— Sunt Moldovan, — сказал он и, раскачиваясь, исчез
в ночи.

Я поднял взгляд и увидел, как барменша тоже улыбает-
ся. Настроение резко поднялось. Две улыбки. Как сказала
Коринна этим утром:

— Нет ничего невозможного.

Темнота сгустилась, когда в баре только началось весе-
лье. Я зашагал назад, к Центру журналистики, со смешан-
ными чувствами. Странно. Казалось, будто темнота здесь,
в Молдавии, темнее, чем у нас. Точно, здесь определенно
темнее. Как такое может быть? Я осмотрелся и понял, что
нахожусь в чернильном мраке. Я не видел ничего, кроме
причины, почему я ничего не видел. Ни одного фонаря на
улице. Нигде ни одной лампочки. Позади себя я услышал
дыхание и, оторопев, обернулся, но лишь почувствовал, как
мимо меня кто-то прошел. В густой темноте я смог разгля-
деть женщину, которая несла сумку с продуктами. Я попы-
тался на ощупь отыскать тротуар, что удалось лишь благо-
даря случайным вспышкам света от автомобильных фар.
Я перенервничал, пока прошел два квартала до центра.

— Отключили электричество? — спросил я Коринну с
заднего сиденья машины, пока мы ехали к дому семьи, у
которой я собирался остановиться.

— Нет, так уже четыре года, — последовал ответ. — Правительство пытается экономить электроэнергию и не включает уличное освещение.

— Надо же.

— Да, вы, наверное, удивились. Мы уже привыкли к этому. Здесь самое страшное — люки.

— Люки?

— Да, у канализационных люков зачастую нет крышек, они металлические, поэтому бандиты крадут и переплавляют их, чтобы заработать.

— Понятно. Отличное сочетание — полная темнота и случайные ямы на тротуаре.

— Да, многие обращаются в травмопункты.

Корина заметила мой недоверчивый взгляд и продолжила:

— Вам повезло, будете жить у Григора и Дины, у них есть горячая вода — в большинстве квартир в Кишиневе нет либо ее, либо отопления, из-за проблем с бойлерами и экономии электричества.

Я привык к тому, что по легкому щелчку выключателя всегда появляется свет. Мне еще предстояло узнать, что большую часть путешествия я буду учиться обходиться без этого.

Глава 4

Сорок три уха

Они оба сразу мне очень понравились. Григору было чуть за сорок, полноватый, с темными волосами и аккуратно подстриженными тонкими усиками. Его жена Дина обладала утонченной красотой, которая, по моему мнению, с годами лишь становилась выразительнее. Их лица светились добротой. Они встретили меня тепло и, хотя явно устали после трудового дня, смотрели весело и оптимистично, чего никак нельзя было сказать о людях, с которыми мне довелось столкнуться с утра. И они были моими арендодателями.

— Оба врача — они вам понравятся. Типичные молдаване, — сказала Коринна. Их дети гордо стояли рядом, 17-летний Адриан и хорошенькая 11-летняя Елена. Они должны были стать моей семьей, пока я здесь. Здорово, мне нравилась эта идея.

Адриан и Елена ушли делать уроки, а я остался в коридоре с Диной, Григором и огромной коммуникативной проблемой. Лингвистические навыки Григора охватывали румынский, русский и немного немецкий, а Дина говорила на румынском, русском и знала несколько французских слов.

Я говорил на английском и французском. Так что из всего нашего обширного словарного запаса пришлось ограничиться скромным французским вокабуляром Дины, чтобы хоть как-то достичь понимания.

Дела продвигались очень медленно. Григор произнес что-то на скорострельном румынском и посмотрел на меня в ожидании ответа, будто я абсолютно все понял. Я покачал головой. Дина повторила то же самое медленнее, и в этот раз я покачал головой так, будто почти все понял, хотя не понял ни слова. Потом у меня появилось предположение, я поднял сумку, подумав, что они хотят показать мне мою комнату. Они замахали, чтобы я ее поставил, со словами «Ну, ну, ну, ну». (Благодаря моим интенсивным занятиям я знал, что «ну» значит «нет»). Потом Дина попыталась произнести что-то по-французски. Это не помогло, хотя заставило меня возгордиться своим уровнем французского.

Наконец мы приступили к пантомиме. Я с легкостью ухватился за эту идею, так как уже чувствовал себя ходящим по краю пропасти. Григор затеребил пальцами возле рта.

— А, — радостно понял я. — Хочу ли я есть?

— Да, да! — с облегчением воскликнул Григор.

Благодаря интенсивным занятиям я знал, что *dada* — направление в мировом искусстве и литературе начала двадцатого века, отвергавшее традиции и стремившееся шокировать; а по-румынски значит «Да, да». Я разумно предположил, что Григор имел в виду последнее, и выразил собственное «да» по-румынски при помощи английского:

— Да, я голоден.

Григор тут же с невообразимой скоростью что-то ответил на родном языке. Такое ощущение, будто он почувствовал, что теперь барьер из-за незнания того, голоден я или нет, преодолен, и больше ничто не мешает свободному диалогу. В конце этого длинного предложения я слишком ус-

тал, чтобы попытаться объяснить, что ни слова не понял, поэтому положился на удачу.

— Да, — сказал я с уверенной прямоотой.

Григор и Дина ничего не ответили и выглядели слегка шокированными. Я решил сменить тактику.

— Ну, — сказал я, поправив себя.

Два лица мгновенно расслабились, Григор рассмеялся, поднял мою сумку и повел меня в мою комнату. До сих пор не знаю, о чем он меня спросил. Насколько я понимаю, возможно, он сказал:

— Ты собираешься показывать моим детям западную порнографию, спать с моей женой и красть марочный коньяк из моей коллекции под лестницей?

На подобный вопрос, без сомнений, правильным ответом было «пи», даже если на самом деле это не так.

За ужином, за которым в честь нового гостя Григор открыл бутылку молдавского белого вина, общаться стало немного легче, потому что с нами сидела Елена, а она отлично для своего возраста говорила по-английски, подхватив много из американских мультиков по телевизору. Бедная девчужка оказалась под сильнейшим давлением, так как все диалоги передавались через нее. Задержки в ожидании перевода делали происходящее слишком официальным. Будто мы были делегатами на встрече в Организации Объединенных Наций. Внезапно я понял власть переводчика, власть, которой можно легко злоупотребить. Другого выбора, кроме как поверить, что он точно передаст ваши слова, нет. Интересно, сколько мировых проблем возникло из-за переводчиков, которые решили добавить к тексту перевода личное мнение:

— Сенатор говорит, что правительство США решило прекратить оказание дальнейшей продовольственной помощи России, так как господин Примаков вонючка.

— О как интересно, потому что господин Примаков говорит, что не поддержит санкции против Ирака, так как у вашего президента кучеряшки и близко посаженные глазки.

К нам присоединился Адриан. Он ел с таким рвением, что было понятно — он хочет как можно скорее вернуться в свою комнату. Он был самым мрачным из всей семьи и явно обещал вырасти в угрюмого и неразговорчивого юнца. Его английский был очень хорошим, но переводил он хуже, чем Елена, просто потому, что не хотел. В какой-то миг, чтобы дать отдохнуть его уставшей сестре, я посмотрел на Адриана, надеясь, что он разъяснит, что только что сказал его отец, но мальчик только затряс головой, будто говоря: «Честно, это не стоит того, чтобы переводить». Григор пожал плечами и состроил гримасу, которая обошла все языковые барьеры. «У него такой возраст».

Через несколько минут был задан неизбежный вопрос.

— Мой папа хочет знать, — сказала бодрая и очаровательная Елена, — зачем вы приехали в Молдавию.

Ах да, милый вопросик. Думаю, его бы задали рано или поздно. Как бы я хотел ответить попроще — «Я работаю в ООН» или «Я преподаю английский в школе». Вместо этого мне пришлось объяснять через английский словарный запас одиннадцатилетней девочки, набранный из рисованных кошек с собачками, то, что с трудом понимали даже англоговорящие. Елена старалась изо всех сил, но натолкнулась на серьезное препятствие в виде слова «пари», значения которого она не знала. И когда это стало непреодолимой проблемой, после недоуменных взглядов и наморщенных лбов, Адриан оказал нам любезность и вступил в разговор, предложив свою помощь. В выражениях попроще я рассказал ему суть того, что собираюсь здесь делать, и он передал мои слова ожидавшим родителям. С каждой

фразой их лица выражали все большее замешательство, и к концу объяснений челюсть Григора фактически отвисла.

— Tu es optimist, — сказала Дина, блеснув своим французским.

— Да. То, что я делаю, — своего рода научный эксперимент, чтобы доказать, что оптимизм приносит результаты.

После этой фразы вся семья посмотрела на меня как на циркового клоуна. Григор наполнил мой бокал вином, сказал что-то, что вызвало громкий смех, и предложил тост. Смысл я не понял, но, думаю, было что-то вроде:

— За придурка, которого мы приняли в нашем доме. Надеюсь, нам не придется об этом пожалеть.

Я поднял свой бокал.

— Prost! — сказал я, не зная, означает ли это по-румынски «На здоровье!», но рискнул, потому что это слово широко использовалось повсюду восточнее Страсбурга.

За столом воцарилась тишина.

— Мы говорим «Nagos», — холодно сказал Адриан. — Prost означает «тупица».

— О, верно, простите.

Я тут же вычеркнул это выражение из списка «полезной информации», посчитав, что правило не называть хозяина «тупицей» должно быть хорошим тоном в любой стране. К счастью, первоначальное изумление за столом смягчили улыбки и смех.

Вино было хорошее. Климат и почва Молдавии предоставляют прекрасные условия для выращивания винограда, и эта страна была крупнейшим производителем вина в бывшем Советском Союзе. На самом деле, погреба Криковы остались государственными, и Молдавия все еще могла похвастать самым большим винным погребом в мире — 64 км подземных туннелей, где на глубине 60 метров хранится около 3,5 млн декалитров вина. Похоже, когда Советы что-то делали, они делали это по-крупному. Молдавия была

винодельней бывшего коммунистического государства, а Крикова — его винным погребом. Говорят, Юрий Гагарин, легендарный первый космонавт, написал в книге для посетителей, когда в 1966 году приехал в Крикову:

— Легче преодолеть силу гравитации Земли, чем силу притяжения этих винных погребов.

И Гагарин точно имел в виду то, что сказал, так как провёл в этом месте целых два дня до того, как выйти на дневной свет. Если бы вы любили вино так, как Юрий, вы бы поняли его точку зрения.

Было очевидно, что Григор любит вино если не так сильно, как Юрий Гагарин, то точно не меньше моего, поскольку большая часть бутылки служила пополнением исключительно наших двух бокалов. Остальные, воздержавшиеся члены семьи отправились спать пораньше, и мы с Григором остались одни. Он предложил мне молдавского коньяка, и я посчитал, что будет грубо отказываться. Кроме того, у нас появилась возможность легко и приятно пообщаться по-мужски. Григор гордо налил коньяк и поднял свой стакан.

— Нарос! — сказал я, скрестив пальцы, чтобы из-за моего неважного произношения не получилось так, что я только что назвал его задницей.

— Нарос! — ответил он, сияя.

Дела начинались неплохо.

И с этого момента все покатилося по наклонной плоскости. На меня обрушился очередной поток гортанных звуков, который означал, что Григор задал ещё один вопрос. Его глаза сверкали в ожидании ответа. Следует отдать должное его полному отказу признать, что мой словарный запас в его языке ограничивается четырьмя словами. Одно из них, «Prost», могло оказаться очень кстати, если он будет продолжать в том же духе. Я глупо улыбнулся, признавая, что не понял ни слова. Григор сделал глоток коньяка,

и это словно сподвигло его попытаться выразиться на английском.

— Сколько у тебя? Уши?

— Что?

— Сколько у тебя ушей?

— Ушей?

— Да, ушей. Uno, doi, tre — уши! Сколько у тебя ушей?

— Я не совсем уверен, что понимаю, о чем ты.

Нет. Я все понимал. Я чертовски хорошо понимал, что понятия не имею, о чем он толкует.

— Я, — храбро продолжил Григор. — Я — patruzesi trei ушей.

Ага, я разобрал несколько чисел. Я немного учился считать.

— Patruzesi — это сорок.

— Да.

— A trei — три.

— Да.

— Отлично. Значит, ты говоришь, что у тебя сорок три уха?

— Da! Da! — закричал он с огромным облегчением.

Я с недоверием посмотрел на него. Он явно преувеличивал, ушей у него было где-то на сорок одно меньше.

— О! — произнес я, наконец все поняв. — Ты говоришь, что тебе сорок три года.

— Da. Da. Сколько у тебя ушей?

— Мне тридцать восемь.

Он выглядел озадаченным. Не удивительно — ведь он просто не понял. Через сорок пять минут кропотливого счета по пальцам он приблизительно понял, сколько мне лет, что, впрочем, вполне мог бы угадать просто по внешнему виду. Я сделал глоток коньяка. Общение по-мужски оказалось довольно трудной работенкой. Я уже боялся того момента, когда мы перейдем на разговоры о политике. Однако после

трех зевков подряд я смог дать понять, что пора спать и, слава богу, наша борьба закончилась. Мы обменялись пожеланиями спокойной ночи и сердечно пожали руки. Небольшая беседа, которую хоть и трудно назвать гладкой, по крайней мере, кое-что подтвердила. Мы понравились друг другу.

Лежа на узкой кровати в бесцветной, скромно обставленной комнате, я чувствовал себя на удивление как дома. Семья меня успокоила. Она окружила меня теплом. В ближайšie недели мне предстояло полагаться именно на это. В Молдавии, чтобы согреться, нужны отношения. Батареи бесполезны.

Как и накануне, мы снова заблудились.

— Неправильно все нумеровать — национальная молдавская черта? — дерзко спросил я у Юлиана.

— Люди нумеруют дома правильно, — ответил он, — просто пытаюсь убедить водителя, что мы не там, где он думает.

Меня не понадобилось бы долго убеждать. Я уже чувствовал себя в какой-то виртуальной реальности. Я провел все утро на заднем сиденье «лады», которая возила нас по однообразным спальным районам города в поисках тренировочной базы кишиневского клуба «Зимбру». Каждые десять минут мы останавливались у обочины, чтобы Юлиан и таксист Александр могли поспорить над картой, а затем объехать те адреса, которые имели всего одну общую черту — они не были тренировочной базой «Зимбру».

В какой-то момент я снова обрел надежду. Мы оказались у ворот, на которых было написано «Зимбру Кишинев». Мне казалось, это сулит успех. Определенно стоило выйти и спросить. Но нет, Юлиан настоял на том, что это неверный адрес, и велел водителю везти дальше.

Через час мы остановились у тех же самых ворот.

— Это не то, но я выйду и спрошу, — сказал Юлиан без энтузиазма.

С заднего сиденья я наблюдал, как он не спеша подошел к двум мужчинам, ведущим оживленный разговор. Он не перебивал, а терпеливо стоял рядом, в ожидании, когда они закончат. Юлиан был уверен в себе, но далеко не напорист. Через десять минут, когда мужчины закончили разговор и обменялись долгими прощаниями, Юлиан воспользовался моментом. Последовавшее за этим обсуждение не выглядело со стороны так, будто Юлиану объясняли, как проехать в другое место. Когда он вернулся в машину, я полюбопытствовал:

— Ну?

— Мы на месте, тренировки проходят здесь, — сказал он без намека на извинение.

— Хорошо.

— Не спешите. Не так уж все хорошо. Тот человек — президент клуба Николай Черный. Я рассказал ему о ваших планах, и он сказал, что у них закрытый режим. Никому нельзя проходить на базу. Они тренируются ежедневно, потому что у них полная программа и матчи через день. Он сказал, что сейчас у них совершенно нет времени, чтобы вам помочь, но с 1 по 7 ноября будет небольшой перерыв.

Я замер на заднем сиденье машины. Я как-то не думал, что все получится именно так. Закрытый режим? Игроки тренируются каждый день? Я думал, что молдавские футболисты — любители, с которыми я смогу встретиться у ворот завода после работы и радостно отвести их на теннисный корт. Меня не обрадовали эти новости. Слова, которые только что передал мне Юлиан, кружили голову. Сегодня 20 октября. Игроки, возможно, смогут помочь с 1 по 7 ноября. То есть через две недели. Я посмотрел на Юлиана с натянутой улыбкой.

— Это катастрофа, — сказал я.

— Да, — улыбнулся он в ответ, — но мы можем попытаться счастья с остальными.

И мы попытались счастья с остальными. В офисе футбольного клуба «Конструкторул» один человек сказал нам, что игроки на тренировке, но он не знает, где именно, и, в любом случае, сомневается, что у них будет время играть в теннис, потому что матчи тоже через день. В клубе под названием «Молдова-Газ» Юлиана практически попросили отвалить. У меня бывали дни получше. Лучше бы обеду оказаться повкуснее.

Мы поели в кантине, которая была любимым местом сотрудников Центра журналистики. Она называлась «Ла Фертилитата», что означает «плодородие». Вот ирония, учитывая бесплодное утро. Еда здесь была хороша, хотя предположить это по убогому декору было трудно. Освещение слабое, немногие окна скрывались за толстыми шторами, заглушавшими дневной свет. Это место все еще было государственным и давало ясное представление о том, на что походила все рестораны семь лет назад, до перехода к независимости и капитализму. Я начал понимать, что «постараться, чтобы было красиво» не входило в первую десятку приоритетов коммунистического режима. Даешь то, что нужно, а не то, чего хочется.

Большинство столиков были заняты, но люди ели почти в полной тишине. Эта среда не слишком поднимала настроение, скорее, наоборот, однако мне понравилась прахита, что-то вроде пирожного с сырной начинкой, к тому же Глен обещал оказаться приятным собеседником.

Глен — еще один американский доброволец из Корпуса мира и знакомый Юлиана — пришел составить нам компанию. Он был вежлив и, похоже, имел неплохое чувство юмора. Неизбежный вопрос был задан очень скоро.

— Тони, так что ты делаешь в Молдавии?

— Угадай.

Он предложил множество догадок, большинство из которых были за то, что я здесь по каким-нибудь делам, от организации при поддержке правительства или в рамках программы оказания помощи. Через двадцать минут и после нескольких решительных фраз, вроде «Погоди-погоди, я, кажется, сейчас угадаю», он так и не приблизился к истине. Наконец ему открыли невероятную правду.

— Это самое дикое пари, о котором я когда-либо слышал, — категорично заявил он. — Тони, ты крут.

— Спасибо.

Хотелось бы мне тоже так думать.

— Что ты написал в заявлении на визу в строке «Цель визита»?

— Отдых.

— Ух ты. Знаешь, ты, должно быть, единственный в этой стране парень с Запада, который приехал отдыхать. Если бы на мне была шляпа, я бы снял ее перед тобой.

Я тут же представил молдавского чиновника в министерстве внутренних дел, протоколирующего информацию о посетителях его страны:

Бизнесмены	— 34
Социальные работники	— 76
Придурки	— 1

— И как продвигаются дела? — спросил Глен.

— Пока не слишком хорошо.

— А долго ты здесь?

— Второй день.

— О, ты только начал. Здесь на все уходит больше времени.

Я рассказал о безуспешном утре и что теперь думаю разослать факсы через клубы лично всем игрокам.

— Я еще привез несколько теннисных футболок из Уимблдона, — добавил я. — Я собираюсь отправить по одной каждому игроку в подхалимской попытке заставить их думать обо мне лучше.

— Тони, ты — нечто, — сказал Глен, а потом повернулся к Юлиану. — Вот почему мне нравится путешествовать — везде встречаешь каких-нибудь чудиков.

Когда я был помоложе и много путешествовал, я всегда думал так же, но не представлял себе, что сам попаду в число чудиков. Мне стало не очень комфортно при мысли, до чего я докатился.

— О, не думаю, что я такой уж чудик, — произнес я в свою защиту. — Я просто пытаюсь доказать, что я прав, а кое-кто — нет. Люди постоянно это делают.

— Нет, не в Молдавии.

— Говорю тебе, я не чудик.

— По-моему, самый настоящий чудик. Пусть в хорошем смысле, но чудик.

— Вот честно, не думаю, что это так.

Юлиан вмешался, как раз когда дискуссия еще не успела дорасти до интеллектуальных перлов «Да!», «Нет!», «Да!», «Нет!», и объявил, что мы должны вернуться в Центр журналистики и заняться факсами.

— Вот видишь, — сказал я Глену. — Я не могу быть чудиком. Я пообедал и возвращаюсь в офис. Нормальнее быть не может.

Мгновение Глен выглядел побежденным, однако я сам себя подставил, когда Юлиан спросил, что мы будем делать в ближайшие пару дней в ожидании ответов на факсы.

— Доставим круглый стол королю Артуру, — сказал я. Гейм, сет и матч в пользу Глена.

Слава богу, он не был молдавским футболистом.

Глава 5

Не играй со Спыну

Круглый стол вполне уместился на заднем сиденье старого автобуса. Большого интереса у остальных пассажиров мой багаж не вызвал, вероятно, в этой стране нет ничего необычного в том, чтобы путешествовать с чем-то нетипичным. Однако когда я заговорил с Юлианом по-английски, на меня обратились все взоры. Иностранец. Их нечасто здесь увидишь, особенно в местных автобусах. Большинство жителей Запада избегали неудобств и брали напрокат за двадцать долларов в день автомобиль с водителем. А так как я все равно собирался остановиться в городе Сорока на ночь, мне это не подходило. Нет, пассажирам придется три с половиной часа терпеть наш английский, пока мы не доберемся до места назначения.

Точнее, пришлось бы, если бы водитель не включил радио. На всю катушку. Боже, нет! Поистине мучительная русская попса. Кое-что русские делают хорошо (обучают молодых спортсменов, производят на свет волосатых и мало похожих на женщин толкателей ядра и поощряют поездки в Сибирь на принудительные работы с предоставлением жилья без удобств), но в области популярной музыки они

не преуспели. Их поп-песни можно легко подхватить, как заразную болезнь. Их авторы знают цену мелодичному «крючку», но после бесконечного повторения мелодии к концу песни на этом крюке хочется повеситься. Русская поп-музыка делает с душой такое, что... нет, давайте остановимся на этом — русская поп-музыка душу не лечит. Неудивительно, что парень, сидящий впереди меня, выглядел так, будто хотел совершить самоубийство. Три с половиной часа этого ужаса — и ему захочется поубивать и всех вокруг. (Я подумал, что выживу, если он начнет с себя.)

Сорока, горная деревушка, в которой жил король Артур, судя по названию, была приятным местечком. Оказалось, что там была древняя крепость, построенная Штефаном чел Маре. Штефан чел Маре (Штефан Великий) — великий молдавский герой, господарь, жил в пятнадцатом веке и (за свою недолгую жизнь) одержал ряд важных побед над врагами — славянами и османами. В 1991 году, когда распался Советский Союз, все памятники Ленину были демонтированы и заменены памятниками этому парню, и теперь главные улицы всех городов стали называться в его честь, а не в честь великого строителя коммунизма. Ленинграда в Молдавии никогда не было, хотя переименуй какой-нибудь город в Штефанчелмареград, он бы так же ласкал слух, как и русская поп-музыка.

Дорогу нельзя было назвать захватывающей. Временами глаз радовали мягкие пологие холмы, но в основном это были ровные скучные коричневые поля. Деревни стояли далеко от дороги, их названия были написаны ярко-синими и желтыми буквами на высоких колоннах у обочины. Временами автобус ускорялся, чтобы обогнать фермера на телеге, запряженной лошадью, не обращавшего внимания на новые технологии. А потом мы с трудом останавливались у автобусной остановки, чтобы обменять одну партию еще

живых пассажиров на другую. И не обязательно было говорить о том, что жизнь в деревне несладкая. Это было написано на лицах. Никакой канализации, горячей воды и зачастую — электричества. Летом, возможно, терпимо, но молдавской зимой? Нет уж, спасибо.

— Сейчас они живут еще хуже, чем при коммунизме, — сказал Юлиан.

— Это как?

— Ну, при старой системе каждый мог позволить себе всей семьей отдохнуть на Черном море, а, если очень сильно экономить, через десять лет можно было купить машину. Хотя магазины пустовали. При новой системе есть все, но никто не может этого себе позволить.

— Значит, они сожалеют о переменах?

— Некоторые — да. Пожилые люди. Но, по крайней мере, теперь они могут свободно передвигаться.

— Что вы имеете в виду?

— При Советах они должны были носить при себе внутренние паспорта и не могли уехать из деревни без одобрения партийного чиновника.

Боже. Чтобы перемещаться внутри своей страны, приходилось тащиться к какому-то толстокожему бюрократу. Я понял, что воспринимал свободу как должное. Я выглянул из окна, и проносящиеся мимо деревья и дома, как при быстрой перемотке, мысленно вернули меня в детство, в Англию, когда я говорил: «Да, можно так делать, мы же в свободной стране». Я произносил эти слова, не зная, что значит жить в несвободной стране.

В беседе с Юлианом я узнал и другие причины того, почему лица молдаван даже в расслабленном состоянии угрумы. Его дедушка с бабушкой всю жизнь жили впроголодь и наконец скопили денег, чтобы, когда пришла независимость и разрешили частную собственность, купить собственный дом. И вдруг в одночасье курс молдавской валюты рух-

нул, и наутро всех их сбережений хватило лишь на кусок мяса.

— Понятно. До чего им, должно быть, было плохо, — произнес я, тут же пожалев о своей бестактности.

— Это их убило. Они оба умерли через два года.

Мы проехали еще десять миль, и только тогда я осмелился возобновить разговор.

Когда мы доехали до Сороки, из автобуса я вышел последним, с трудом вытаскивая свой подарок королю.

— Мне кажется, нам нужно в центр, — сказал я, посмотрев на безлюдные улицы.

— Это и есть центр, — сказал Юлиан.

— Уверен? Ты (мы уже перешли на «ты») сказал, что никогда здесь не бывал.

— Уверен на девяносто пять процентов. Это главная улица.

— Но здесь ничего нет.

— Знаю. Кишинев скучный город, но, по сравнению с остальной Молдавией...

Я так понимаю, Юлиан никогда не искал работу в молдавском турагентстве. Я осмотрелся вокруг и увидел лишь полуразрушенные бетонные здания. Ни магазинов, ни кафе, ни людей.

— Не могу поверить, — сказал я, — что мы протряслись три с половиной часа в автобусе и оказались здесь. И нам придется тут ночевать.

— Мы можем сесть на автобус и поехать назад, — весело заметил Юлиан. — Анита узнает, когда он отправляется.

Анита была подругой Глена. Как и все американцы, с которыми я до сих пор был знаком, она была добровольцем Корпуса мира, квинтэссенции человеколюбия, организации,

созданной президентом Кеннеди в 1961 году для борьбы с тиранией, болезнями, бедностью и войнами. А вообще Джон Кеннеди говорил: «Другим может показаться, что побочным результатом работы является изменение мнения стран третьего мира об американцах в лучшую сторону и, тем самым, облегчение вероломного завоевания их экономик американскими компаниями». Так благотворителен Корпус мира или циничен? Боюсь, господа присяжные заседатели в отъезде. И явно не в Сороке. В Сороке не было ни души, гиблое местечко.

За обедом я спросил Аниту, зачем она вступила в эту организацию.

— Ну, — последовал ответ, — зависит от того, кого ты спрашиваешь. Если спрашиваешь меня, я скажу, что моя жизнь дома стала слишком однообразной, мне захотелось чего-то нового, и я решила, что могу отказаться от комфорта и помогать другим людям. Если ты спросишь моего брата, он скажет, что я ввязалась в это, потому что я ненормальная.

Два абсолютно разумных мнения. На лице Юлиана было написано, какой ответ ему нравится больше. Ирония в том, что он мечтал уехать в Америку, страну возможностей, а здесь был человек, который добровольно покинул рай, чтобы бороться за выживание вместе с молдаванами. Я мог понять и его, и мнение Аниты, но не уверен, что сам склонялся к какому-то из них.

— Ты пошел на это, просто чтобы выиграть никчемное пари? — промурлыкала Анита в перерыве между ложками супа.

— Почему никчемное? Мне кажется, хорошее пари.

По ее лицу было видно, что по поводу причины моего приезда она разделяла то же мнение, что и ее брат по поводу ее собственного.

— Что ты знаешь о местных цыганах? — спросил я.

— Им пришлось обосноваться здесь при советском режиме, и они вполне преуспели. Это богатое сообщество, они живут в больших домах на холме, но я никогда там не была. Местные жители говорят, что там небезопасно.

— Ничего с нами не случится, мы приехали с подарками. По крайней мере, с одним подарком.

Я указал на круглый стол, который был прислонен к стене, все еще аккуратно упакованный, с наклейками «Эйр Молдова» и совершенно неподходящим значком «Хрупкий багаж».

— Глен сказал, что ты везешь его с собой, — хохотнула Анита. — Знаешь, в Молдавии полно круглых пластиковых столов.

— Знаю, но этот особенный, он из «Ду ит олл», — ответил я, удивив Аниту еще больше.

— Почему ты так хочешь встретиться с этим королем?

— Ну, когда в прошлый раз я принял подобное пари и поехал в Ирландию, то встретился там с королем — королем острова Тори, — так что знакомства с королевскими особами — это традиция.

— Ясно. Можно мне с вами, ребята? Я вам пригожусь.

Возможно, неплохой идеей было ввязаться в намечающееся приключение в Сороке, потому что другой такой возможности могло больше не представиться.

— Конечно, можно, Анита. Чем больше народу, тем веселее. К тому же поможешь тащить стол, — галантно ответил я.

Крепость, как, в общем-то, и все остальное, с чем я до сих пор сталкивался в Молдавии, не оправдала наших ожиданий. Просто старое круговое укрепление, к тому же закрытое. Анита, которая привела нас к ней в рамках короткой экскурсии по достопримечательностям, сказала, что внутри довольно интересно, но, чтобы туда войти, надо на-

вестить какого-то парня, у которого ключи, и надеяться, что он дома, не вдрызг пьян и в состоянии провести экскурсию. Молдавский туризм.

Анита, которой до этого успешно удавалось вести экскурсию, рассказала, что строитель крепости, Штефан чел Маре, был двоюродным братом Влада-Дьявола, который, в свою очередь, был отцом Влада-Колосажателя. Занятная семейка. Интересно, они все были убийцами-садистами или у них был менее кровожадный брат — Влад-Библиотекарь? Хорошая идея. Могу представить сцену за ужином.

Влад-Дьявол (*пожевывая отрубленную руку жертвы*): Ну что, Влад, как прошел твой день?

Влад-Колосажатель: Сегодня хороший день, отец, — шесть вспоротых животов.

Влад-Дьявол: Никого не сажали на кол?

Влад-Колосажатель: Никого, но у меня записаны двое на завтра.

Влад-Дьявол: Отлично. А как дела у тебя, Влад?

Влад-Библиотекарь: Ну, у меня тоже день прошел неплохо, отец. Мы оштрафовали Влада-Опоздуну за возврат двух книг на три недели позже срока, и мне восемь раз пришлось просить Влада Ревуна говорить тише в отделе справочной литературы.

Влад-Дьявол (*шепотом*): И где мы с Владом-Мамой дали промах в воспитании этого мальчика?

Мы продолжали идти по набережной реки Нистру с видом на Украину на противоположном берегу. На каждом берегу реки недалеко от крепости стояли заброшенные на вид блокпосты. Никакого моста, который бы соединял берега, не было. Здесь нечасто пересекали границу, так что парома вполне хватало.

— Мы могли бы заскочить в Украину на чашечку чая, — предложил я.

— Не могли бы, — ответил Юлиан, — если только у тебя есть виза.

— А мне ее не выдадут?

Юлиан рассмеялся.

— Ты не знаешь, как здесь все устроено, — сказал он. — Тебе придется подавать заявление на визу в Кишиневе, это может занять до двух недель и будет стоить сто долларов.

— Безумие, — простонал я. — Эти страны так нуждаются в притоке иностранной валюты и так усложняют въезд для иностранцев!

— Знаю, но в большинстве стран бывшего Советского Союза правят ребята, которые выросли при партийной системе и потому подозрительно относятся к Западу.

Итак, Украину посетить не удалось. Это был как раз тот случай, когда видит око, да зуб неймет.

— Какой первый крупный город в той стороне? — спросил я, указывая вперед.

— Думаю, Чернобыль.

Ладно. Тогда, может, мы не так уж много потеряли, не попав на Украину.

Чернобыль — место, где первая произнесенная при мне фраза Григора на английском имела бы смысл.

— У меня сорок три уха.

— Да, вижу. Приятно познакомиться.

Мы ушли с набережной и побрели к отелю Сороки, где мы с Юлианом собирались остановиться. Удивительно, в маленьком молдавском городке был отель, построенный для деятелей коммунистической партии, приехавших в Сороку, а местная крепость входила в программу экскурсии, которая была для них еще одним «приятным бонусом». Скуч-

ная серая полуразрушенная громада напоминала закрытую фабрику. Я подошел к двойным стеклянным дверям и толкнул их. К моему удивлению, они открылись. Внутри не было никаких признаков жизни. Юлиан крикнул, и откуда ни возьмись появилась хмурая и неприветливая женщина. (Она, должно быть, прошла по конкурсу из сотен других хмурых и неприветливых.) Она сказала, что номер на двоих с двумя кроватями будет стоить 20 долларов.

— Это дорого, — сказал Юлиан.

— Но я не вижу богатого выбора, — ответил я. — Скажи, что мы согласны.

Тогда женщина попросила меня о чем-то и протянула руку.

— Она хочет твой паспорт, — объяснил Юлиан.

— Но я его не взял, — сказал я, понимая еще одну причину того, почему Украина для меня вне досягаемости. — Я подумал, что раз мы не выезжаем из страны... слушай, скажи, что мы заплатим вперед, и она может взять кредитку в качестве страховки, если хочет.

Хмурая и неприветливая не взяла ни того, ни другого. Для форм, которые надо было заполнить, требовался номер моего паспорта. Она была непреклонна — нет паспорта, нет ночлега. Мысль о том, что нам придется ночевать на холодной улице, не грела, но наши мольбы услышаны не были.

— Спроси, — сказал я Юлиану, — она собирается выгнать двух потенциальных платежеспособных клиентов из отеля, в котором явно никого больше нет, из-за каких-то административных мелочей?

Юлиан так и сделал, но, на свою беду, услышал раздраженный крик. Это был государственный отель, и упоминать о прибыли было бессмысленно. Эта леди попала в мир, где главным были правила, нормы и сердитый вид, и она хорошо делала свою работу. Ее бы давно повысили, если бы здесь знали, что такое повышение.

— Я приглашаю вас обоих в свою квартиру, — радушно сказала Анита.

— Спасибо. В любом случае, там будет приятнее, чем здесь, — сказал я.

Я любезно поблагодарил администраторшу, чтобы вызвать у нее хоть толику стыда (это мне не удалось), и думаю, она прыгала от радости, спровадив еще двоих несостоявшихся клиентов.

Огромные, похожие на дворцы дома выделялись на линии горизонта на вершине холма.

— Это что-то, да? — сказала Анита.

— Определенно, — ответил я, качая в изумлении головой. — Они, должно быть, очень богаты — просто противоположность всем цыганам во всем мире.

Я покрепче пристегнул свою камеру, вспомнив, что местные жители говорили Аните о том, что на холме небезопасно, хотя и не чувствовал никакой опасности. Думаю, это все параноидальный страх, который веками питался предубеждением к цыганам во всем мире. Их жизнь не была сказкой. Их все гоняли. Вероятно, организация их общества не слишком помогала получить всеобщее признание, где бы они ни оказывались, так как цыгане зачастую не уживались с нецыганами, которых они называли «гадже». Их обособленность всегда оборачивалась внесением в международный список козлов отпущения. Но с богатством приходит власть, и здесь, в Молдавии, к нашему удивлению, цыгане жили лучше всех.

— В Англии цыгане строят такие дома? — спросил цыган, гордо стоя у своего дворца. Ответ он знал заранее.

Мы попросили его проводить нас к королю Артуру, и он пообещал это сделать, но не раньше, чем они с женой проведут экскурсию по своему дому. Тот был построен с размахом, в восточном, мавританском стиле, и у него была не-

обычайно блестящая металлическая крыша. Внутри было просторно и роскошно, с потолка свисали экзотические люстры, стены украшали фрески на библейские темы. Муж, которому на вид было за пятьдесят, сказал, что построил дом на деньги, которые заработал в России за один год. Совершенно очевидно, что за год просто невозможно законно заработать такую сумму. Он, должно быть, занимался контрабандой наркотиков или какой-нибудь еще незаконной деятельностью. Было странно пользоваться гостеприимством того, кто, несомненно, был преступником. Очень возможно, что все это поселение построено на деньги, добытые незаконным путем. Их культура отклонялась от общепринятых норм, в ней нарушение закона было обычным делом и приносило неплохие деньги. Для цыган это не было неприлично или неправильно. Те, кто жил по закону, были просто «чайниками». Как те молдаване в деревне, которые еле сводили концы с концами.

Я нервничал, пока Юлиан слушал, как отыскать дом короля Артура. Как и ожидалось, нам предстояли долгие и бесцельные блуждания. Почти на каждом повороте мы наткнулись на дом, который вполне мог быть королевским, но, к сожалению, принадлежал не королю. Юлиан выглядел решительно не в духе. Так как я держал свою камеру, ему пришлось тащить круглый столик, и он был не слишком этому рад.

Наконец, когда пошли в сторону, противоположную той, что предложил Юлиан, мы повстречали маленькую старушку в черном платке, которая сидела на скамейке у больших черных кованых ворот. Она сказала, что мы стоим прямо напротив дома короля Артура. Мы спросили, уверена ли она, и она ответила, что да, и нам пришлось ей поверить, когда она сказала, что она — его мать. А еще она сказала, что король Артур уехал в Кишинев и вернется не раньше завтрашнего дня.

Здорово, подумал я. Он был именно там, откуда я три с половиной часа ехал в ужасном автобусе. Едва мать короля узнала, что я проделал долгий путь из Англии, чтобы сделать ее сыну подарок, она пригласила нас в дом и провела уже ставшую традицией экскурсию по владениям.

Дом был просторным, с аляпистым интерьером и фресками на стенах, изображавшими всех членов семьи. Я подумал, что это позволительно, ведь они — королевская семья. Цыгане правили по своим собственным сложным семейным законам, где группа родственных семей образовывала «висту» (клан), возглавляемую лидером — бароном (королем). Мать короля Артура, Анушка, болтала на смешении русского и цыганского языка рома, который Юлиану переводить было трудно. Недавно, когда умер ее муж Мирча, бывший король, она овдовела. Она могла пользоваться всем этим богатством, сказала она, показав вокруг, но без мужа она никто и потому больше не выходит из дома. Анита издала тихий стон. Далеко от феминизма, которому она выучилась на западном побережье Америки.

— Это правда, — спросил я, — что по цыганскому обычаю все, что принадлежало покойному, хоронят вместе с ним?

Я читал об этом и подумал, что это довольно благородный обычай, так как заставляет человека распределять свое состояние при жизни, а не копить, чтобы имущество досталось его испорченному ребенку, который все промотает. Вероятно, смерть Мирчи была внезапной и помешала справедливо разделить добро, потому что, по словам Анушки, он был похоронен со своим ноутбуком и мобильным телефоном. Должно быть, спириты и экстрасенсы в цыганском таборе не на шутку испугались потерять работу. Больше не нужно никаких спиритических сеансов, чтобы связаться с покойником. Просто звоните на мобильный. (Конечно, при

условии, что Мирча на небесах, один из недостатков ада — отсутствие связи.)

После того как мы прошли огромную спальню размером почти с танцевальный зал, Анушка показала нам комнату поменьше, где были некоторые вещи Мирчи, которые по каким-то причинам не захоронили. Среди них было ружье. Большая винтовка.

— Что он с ней делал? — спросил я.

— Стрелял по ночам — просто стрелял по ночам, — перевел Юлиан.

— Стрелял во что?

Анушка что-то долго рассказывала.

— Во что угодно — просто выходил и стрелял, — лаконично сократил Юлиан.

Понятно. Надо же человеку иметь какое-нибудь хобби.

Вернувшись в гостиную, мы встретили еще двух пожилых дам, одна из них, Дуня, была матерью Анушки, другая, Наташа, ее двоюродной сестрой. Я заявил, что хочу официально вручить свой подарок. Услышав об этом, Анушка убежала за выпивкой. Не знаю, что, по ее мнению, я привез ее сыну, но расставленный перед нами впечатляющий ряд бутылок шампанского и коньяка навел на мысль, что она ожидала чего-то получше круглого стола из «Ду ит олл». Я забеспокоился о том, какой будет реакция, когда в итоге я внесу именно столик.

Нас спросили, не хотели бы мы молдавского коньяка с шампанским для заправки, и мы ответили: «Да, спасибо». Ну, было бы невежливо отказываться. Дуня и Наташа тоже особо не сопротивлялись. За непрерывным пополнением бокалов пролетело полчаса, и я изумился, как быстро мы превратились из незнакомцев у ворот в практически старых друзей семьи. Эти люди либо были радушными хозяевами, либо просто нашли повод сесть в кружок и как следует напиться.

Момент настал. Я на слегка нетвердых ногах толкал трем пожилым цыганкам из отдаленной деревушки на севере Молдавии речь, объясняя историческое значение короля Артура и его круглого стола. (Это было неизбежно — но я никак не мог понять, почему это событие случилось только сейчас.) Напившись, мой переводчик старался изо всех сил, хотя, если честно, не думаю, будто он понимал, что за вздор я несу.

Я официально вручил стол Анушке, и она благородно его приняла. Она не выразила ни радости, ни разочарования. А ведь она имела право обидеться, подарок-то оказался дурацким, но она не выказала никаких эмоций, вероятно, за годы правления отработала выражение лица, которое скрывало любые чувства, даже при виде ужасной мебели. Она вышла из комнаты, и я немного занервничал, подумав, что, возможно, она пошла за ружьем своего покойного мужа, чтобы продемонстрировать, что оружие еще в рабочем состоянии, но она вернулась с подарками. Она с гордостью вручила Юлиану и Аните по паре носков, а мне — нижнее белье с этикеткой «Сделано в Румынии». Справедливый обмен. Круглый пластиковый стол на подозрительную пару трусов. (Хотел бы я произвести подобный бартер в «Ду ит олл» вместо того, чтобы расставаться с наличностью.)

Я спросил, не знают ли мои новые подруги кого-нибудь, кто умеет гадать, и Наташа тут же вызвалась побыть экстертом в области чтения по картам. Меня увели в другую комнату, где без промедления попросили 50 леев (около десяти долларов). Я начал торговаться, подумав, что если не поторгуюсь, то обижу цыганку. Я протянул Наташе двадцать леев, но та презрительно покачала головой. Я уже был готов достать еще десять, но тут услышал голос Анушки и, повернувшись, увидел ее в дверях; она строго отчитала кузину. Наташа смиренно кивнула, взяла мои двадцать

леев и начала гадать. Боже, должно быть, Анушке и правда понравился стол!

Я никогда раньше не ходил к гадалкам, считаю, это ставит в безвыходное положение. Если они правы, то вы знаете, что вас ждет, и перестаете радоваться достигнутому (да, да, я знал, что меня повысят), а если неправы — а вы не последовали их совету и все равно заработали кучу денег, — то, возможно, вы об этом и не узнаете. Однако на сей раз я решил, что это нужно сделать, и решение было не в малой степени продиктовано объемом выпитого коньяка и шампанского.

Наташа положила перед собой три карты и начала говорить, как обычно говорят в таких случаях.

— Тебя ждет дорога, — объявила она через терпеливого переводчика Юлиана.

Нетрудно догадаться, учитывая, что я был в Молдавии, и она знала, что я здесь не живу. Справедливо думать, что добраться домой, не прибегнув к дороге, было бы трудно. В общем, это меня не впечатлило. С таким же успехом гадалка могла сказать: «Скоро ты пойдешь в туалет». Мы все это знали. Нам хотелось чего-то поинтереснее, вроде: «Как-нибудь в марте ты пойдешь в туалет».

Она продолжала.

— Будь осторожен ночью — тебя ждет опасность.

Какая опасность? Какой ночью? Но я не успел уточнить, потому что она разложила на столе очередную партию карт и произнесла новое предсказание.

— Ты что-то планируешь, и тебе это удастся.

Отлично, это значит, что я выиграю в теннис у всей молдавской футбольной сборной? Или просто однажды я успешно пропитаю креозотом свой гараж на заднем дворе? Наташе надо быть поточнее.

— Спроси, — прошептал я Юлиану, — может ли она сказать, что со мной будет в ближайшие три недели?

— Она говорит, что дойдет и до этого, — сказал Юлиан.

Но сперва мне придется выслушать мучительный бред.

— В твоём будущем две женщины, — продолжила она. — Темная и блондинка. Выбери темную.

Понятно, что может быть проще. Выбери темную. Это может оказаться не таким простым решением, если я вдруг окажусь в любовном треугольнике с Дениз Ван Отен и Энн Уиддкум. «Прости, Дениз, но у тебя не тот цвет волос».

Последовала очередная партия пустой болтовни, включая невероятную новость о том, что «в моей жизни появится какой-то белый человек». Кто бы мог подумать, что в жизнь жителя страны с населением 25 миллионов белых может влезть один из них? Теперь я буду внимательнее присматриваться ко всем белым в своей жизни.

Наконец, начиная уставать, я наклонился к ней со своей записной книжкой, показал имена футболистов и попросил сказать, с какими мне лучше сыграть вначале, а какие могут оказаться хорошими теннисистами. Что-то в выражении лица Наташи подсказало мне, что о таком ее еще не спрашивали. Это не входило в обычную сферу ее деятельности. Обычно за двадцать леев она бы не сказала ничего толкового, но в этот раз над ней стояла Анушка, а Анушке я понравился, потому что подарил ее сыну круглый пластиковый стол.

Наташа взяла мою записную книжку и посмотрела на имена, а потом повернулась к Юлиану и объявила, что не умеет читать. Я не понял, почему на это ушло столько времени. Она могла бы сразу об этом сказать. Словно она посмотрела в блокнот в надежде, что сможет прочесть, но потом поняла, что сегодня почему-то не может. «Простите, не могу сегодня читать. Горло болит».

Юлиан прочел имена футболистов, и, вместо того чтобы сказать мне, в какой последовательности с ними играть, она сказала, с какими играть, а с какими лучше не связываться.

Романенко и Фистикан были одобрены, но, когда услышала имя Спыну, она усердно затрясла головой и неодобрительно произнесла:

— Не играй со Спыну!

С таким же пренебрежением она забраквала Кулибабу, Шишкина и Митерева. Этих четверых, сказала она, любой ценой надо избегать, и я не должен с ними играть. Более того, заявила она, с этими ребятами лучше не пить — они попытаются меня отравить.

Это были невероятные новости, и совсем не то, что я ожидал услышать. Я думал, что, возможно, один-два футболиста не захотят со мною играть, но никогда не думал о том, что кто-то из них захочет меня отравить. Они же не воспринимали теннисные матчи настолько всерьез?

Я поблагодарил Наташу, но решил не следовать ее совету по двум причинам. Во-первых, если я последую совету, то проиграю пари, а, во-вторых, она явно несла ахиною.

Той ночью, безуспешно стараясь заснуть на твердом полу дома Аниты, я представил, какой бы мог произойти разговор между королем Артуром и его матерью, когда он вернется вечером домой.

— Мама, не могу поверить — ты снова напилась.

— Совсем немножко.

— И что это за отвратный столик?

— Дело в том, что все английские рыцари сидели...

— И где мои новые носки и трусы?

— Ах, так это были твои?

Глава 6

День независимости

Я был готов совершить одиночное плавание.

— Ты уверен, что с тобой ничего не случится? — как невероятно заботливый папочка, спросил Юлиан.

— Со мной все будет отлично, — ответил я, как невероятно уверенный в себе подросток.

Был вечер четверга, и мы стояли на автовокзале Кишинева, три с половиной часа назад попрощавшись с Анитой, Сорокой и тремя моими цыганскими подругами. До сих пор я передвигался по столице в сопровождении кого-нибудь, но сейчас чувствовал, что набрался достаточно опыта, чтобы самостоятельно добраться до дома. Юлиан дал мне невероятно подробную инструкцию, вплоть до последнего фонарного столба. Я не мог провалить экзамен.

Макси-такси, как их называли, казались хорошей идеей, и в городе их было видимо-невидимо. Миниавтобусы, которые можно остановить в любом месте на дороге и которые высаживали по требованию где угодно; в качестве средства передвижения они понравились мне больше всего. Городские трамваи выглядели не слишком заманчиво: и без того битком набитые пассажирами, они все равно останав-

ливались, чтобы бесцеремонно заглотив хотя бы еще одного — из тех, кто вечно пытается впихнуть рубашку в переполненную корзину для белья. О таком знаке, как «мест нет», в этом городе слышать не слышали.

Запомнив адрес до последней буквы, я подошел к такси-такси. Я попытался дать водителю деньги, но он их не взял и нетерпеливо махнул рукой, веля отойти. Странно. Я думал, это частный вид транспорта, и наверняка он не бесплатный? Я сел у окна и начал искать ориентиры, по которым мог бы отследить свой путь. Тут я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел женщину, протягивающую мне банкноту в один лей. Совершенно незнакомая женщина. Похоже, за меня платили в городском общественном транспорте. Не удивительно, что экономика страны в бедственном положении — эти молдаване совершенно не способны понять сущность свободного рынка. Я улыбнулся женщине и отказался от ее милого предложения, но она нахмурилась и, что-то пробормотав, силой всучила мне бумажку. Я сидел в изумлении, держа перед собой деньги, как грязный шприц, пока женщина не указала на человека передо мной и не дала жестом понять, чтобы я передал банкноту ему. А, наверное, она должна ему деньги, подумал я, робко постучал соседа по плечу и передал бумажку ему, довольный тем, что выполнил свой долг посредника при взыскании долгов. Вместо того чтобы меня поблагодарить, человек просто взял деньги и передал женщине, сидящей перед ним. Ничего себе! Сколько пассажиров в этом автобусе должны друг другу? Это продолжалось до тех пор, пока деньги не дошли до водителя, а тот обернулся и сердито что-то мне прокричал, и я наконец понял, в чем дело. Ты заходишь, садишься и передаешь лей водителю. Слегка запаниковав, я извинился, вполне вероятно, по-итальянски, а не по-румынски, и передал вперед собственный взнос, пока другие пассажиры демонстриро-

вали хорошо отрепетированные мрачные мины. С этой трудностью мы справились, так что остаток пути должен обойтись без приключений, подумалось мне.

Я и не предполагал, насколько заблуждался. В квартале от автовокзала дорога была перекрыта, и полицейские неистово размахивали жезлами, перенаправляя поток по маршруту, на котором не было ни больницы, ни церкви, ни кольцевых развязок, упомянутых Юлианом. Мы расстались с ним всего пять минут назад, а я уже совершенно потерялся в незнакомом городе в компании враждебной толпы и подозрительного водителя. До этого меня дважды подвозили из Центра журналистики до квартиры, но оба раза был поздний вечер, и я не запомнил никаких ориентиров, которые могли бы сейчас пригодиться. Все, что я помнил, — пейзаж, который Григор показал мне в первый вечер, когда вывел через заднюю дверь и через сад, а именно — магазин «Авида» на главной улице, где останавливались все автобусы, трамваи и макси-такси.

В отчаянии я всматривался вперед, в надежде, что магазин может возникнуть из ниоткуда, но чуда не происходило. Пожалуй, стоит оценить ближайшие перспективы. Без карты, практически не зная языка и понятия не имея, куда мы едем, на успех рассчитывать вряд ли приходится. Через десять минут — а Юлиан упоминал, что ровно столько займет моя поездка — я решил, что должен что-то предпринять, пока не очутился в какой-нибудь «малине» на окраине города. Макси-такси было переполнено, пассажиры стояли почти вплотную друг к другу. Я схватил сумку и стал пробираться вперед, чтобы попросить водителя о помощи.

Когда я до него добрался, он остановил автобус, чтобы, к моему большому облегчению, выпустить пассажира. Здесь было слишком много народа, а мне требовалось свободное пространство, чтобы прильнуть к окну и таки рассмотреть неуловимый магазин «Авида». Девушка вышла,

но водитель решил посадить еще троих. О чем он думал? Здесь же попросту нет места. Двое влезли, а вот у третьего никак не получалось. Водитель обернулся ко мне, указал на мою сумку, которую я прижимал к груди, и сделал знак, чтобы я поставил ее на пол у рычага переключения передач. Нехотя, под огнем настойчивого и сварливого румынского, я послушался. Это помогло еще одному телу втиснуться в автобус.

Отлично, вот веселье. Теперь согнуться, чтобы выглянуть в окно и не упереть зад в лицо пожилой даме, сидящей слева, сделалось весьма затруднительно. Она выглядела слегка шокированной, видимо, никогда раньше не видела британскую задницу так близко. Если все будет продолжаться в том же духе, через десять минут она сможет избрать мой зад в качестве темы в «Слабом звене».

Когда автобус снова остановился, двое протиснулись мимо меня, чтобы выйти, а вошли, что поразительно, четверо. В итоге, что не могло не насторожить, меня оттерли от моей сумки в глубь автобуса; учитывая, что за затылком впереди стоящего, в шею которого я уткнулся носом, я ничего не видел, кто угодно мог взять мою сумку, и я ничего не мог с этим поделать. В сумке лежала камера, которая стоила столько, сколько зарабатывает средний молдаванин за три года. Кому-то сегодня может крупно повезти. И точно не мне.

Как раз когда я отказался от изнурительных поисков ответа на вопрос «Что, черт возьми, мне делать?» и решил, что единственный выход — расплакаться и во все горло заорать: «Хочу к маме!», чудо все-таки произошло — мы подъехали к магазину с надписью «Авида» над витриной.

— Стоп! — завопил я, пробираясь к передней двери.

Ворча, толпа расступилась, насколько смогла, и я пробрался сквозь эту калькуттскую давку к передней площад-

ке автобуса. К моему огромному облегчению, сумка с ее ценным содержимым оставалась нетронутой. Похоже, годы при коммунистической дисциплине, когда преступников жестоко наказывали, искоренили в Молдавии воровство. Ничего, несколько лет капитализма — и все встанет на свои места. Я поблагодарил свою счастливую звезду, схватил сумку и с облегчением спрыгнул на тротуар.

Я с удивительной легкостью нашел задние ворота к дому и прошел через маленький, но густо засаженный сад Григора, обогнул дом и направился к задней двери. Дойдя до нее, я понял, что снова столкнулся с проблемой. В руке я держал ключ от передней двери, а сам стоял у задней. Подумаешь, скажете вы — пройдишь по дорожке к нужной двери. Легко сказать: путь преграждала крупная немецкая овчарка, сидевшая на цепи у будки и смотревшая на меня взглядом, который выдавал в ней террориста-фанатика. Пес выглядел злобно. Он явно был голоден. И скалился так, будто с удовольствием вцепился бы зубами в мою ногу.

Вот досада. Никто из хозяев не вернется раньше, чем через три-четыре часа, а, учитывая недавний опыт, у меня может не получиться возвратиться на макси-такси в Центр журналистики. Я взвесил все за и против и решил, что смогу пробежать мимо собаки. Если я как следует разбежусь, то разовью достаточную скорость, чтобы она не успела как следует вцепиться в мою ногу. Однако я знал, что ошибка грозила травмой, а состояние моего здоровья имело перво-степенное значение, учитывая, что я приехал в эту страну исключительно в спортивных интересах. Я не знал ни одного профессионального теннисиста, который готовился бы к матчам, бегая перед бешеными немецкими овчарками — может, за исключением Горана Иванишевича. Это было рискованно, но в конце концов я пришел к мысли, что рискнуть стоит. Более того, у меня была отличная, хотя, может,

и непредусмотрительно глупая идея снять это событие на пленку, чтобы показывать потомкам свое героическое столкновение с диким псом.

Я молча начал устанавливать штатив для камеры, прямо там, где кончалась цепь. Это почему-то не понравилось псу, и он яростно залаял. С каждым щелчком раздвигаемых ножек штатива мой собачий друг злился все сильнее, так как, с его точки зрения, я был не только злостным нарушителем границ, но еще и устанавливал некое оборудование, безусловно предназначенное для издевательств над собаками. У меня поневоле затряслись руки. Оглушительный лай сопровождался лязгом цепи — возмущенный пес старательно предъявлял во всеуслышание обвинения человеку, который собирался начать ритуальную пытку. Сочетание этих звуков превосходило громкостью любую домашнюю сигнализацию. Я пытался успокоить собаку, но она не обращала никакого внимания на мои мольбы: «Эй, ты там, это всего лишь штатив».

К тому времени, когда штатив был полностью смонтирован, поодаль показался старик-сосед. Он что-то громко прокричал мне на румынском, стараясь перекрыть дикий гам. Старик, похоже, был уверен, что поймал с поличным вора. Для пса мой штатив был похож на инструмент пыток, а в глазах соседа выглядел агрегатом опытного взломщика. Он начал махать руками. У меня были все причины подозревать, что он угрожает вызвать полицию. Надо было его успокоить, но я не знал, как сказать по-румынски: «Я не вор, я просто устанавливаю камеру, чтобы снять злую собаку». В самоучителях почему-то нет полезных фраз для общения в быту. Я закричал в ответ на английском и внес свой вклад во всеобщую какофонию.

— Все в порядке, я здесь живу! — как можно более доброжелательно гаркнул я.

Появилась какая-то женщина, желавшая выяснить причины неожиданной шумихи. Я продолжал на предельной громкости бесполезно пререкаться со стариком, пес норвил разорвать цепь, чтобы загрызть меня на месте, а ошеломленная женщина наблюдала за происходящим. Юлиан бы мною гордился.

Наконец старик пришел к выводу, что я не взломщик. Вероятно, потому, что преступники, как правило, не бродят вокруг дома с потерянным видом и не обсуждают свои дела с соседями, пусть в данном случае мои бессвязные доводы были недоступны для понимания. В редкий миг затишья, когда собака замолчала, должно быть, переводя дух, старик что-то сказал и снова замахал руками, давая понять, что к входной двери можно подойти с другой стороны. Я прошел туда, куда он показывал, и обнаружил, что долгий обходной путь и вправду выводит к передней двери. Старик посмотрел на меня с подозрением.

— Большое спасибо за помощь, — скромно произнес я и направился к двери.

Он изрек пару фраз, которые могли означать что угодно, от: «Рад, что смог помочь» до: «Пошел ты!» Но мне было все равно. Я добрался до дома и смог в него попасть. Причем сам. Разве могло теперь в этой стране меня хоть что-то остановить?

Последующие вылазки в мир независимости были гораздо удачнее. Первая из них была прогулкой до Молдавского национального теннисного центра, который я нашел беспрепятственно, лишенный уникальной способности Юлиана ориентироваться на местности. Я прошел через ворота и слева увидел большой памятник в стиле социалистического реализма — огромный, похожий на греческого бога, полураздетый человек, сжимающий теннисную ракетку

с таким видом, будто именно она решит все проблемы человечества. Образ, нашедший отклик в душе конкретного наблюдателя, который слишком хорошо понимал, что теннисной ракетке придется решить, по крайней мере, одну из его проблем. Хотя я сильно опасался, что у теннисной ракетки никогда и не появится такой возможности.

Я полагал, что без помощи Юлиана любая форма общения с теми, кто заведует центром, будет невозможна или, по крайней мере, неудовлетворительна. Но, уже не в первый раз за этот необычный день, глубоко заблуждался. Ян не говорил по-английски, но все же мы отлично друг друга поняли.

Ян, невысокий и коренастый парень, окликнул меня, несколько минут с интересом наблюдая, как я бесцельно брожу вокруг теннисного корта. Первоначальный обмен фразами никому из нас не помог разобраться, кто мы такие или что каждому из нас надо. Но затем последовал неожиданный поворот.

— Est-ce que vous parlez français? — спросил Ян.

— Oui, je parle français, — ответил я, открывая неожиданно новый мир общения.

Французский Яна был гораздо более адекватным, чем французский Дины, и он смог объяснить мне, что является директором теннисного центра, а потом принялся излагать трудности, с которыми столкнулся молдавский теннис. Я узнал, что когда-то Молдавия могла похвастать лучшим теннисистом во всем СССР в лице Ури Горбана, но теперь он не может попасть даже на низшую строчку мирового рейтинга, так как у него нет денег, чтобы ездить на соревнования. Грустная правда жизни в том, что правительство, которое не может себе позволить освещать улицы в столице, никогда не посчитает важным отправлять многообещающих теннисистов за границу.

Когда я рассказал Яну, что я делаю в его стране, он улыбнулся, но через секунду его лицо снова приобрело выражение «работа прежде всего». Я уже начал к этому привыкать. Это не та страна, где поднимают шумиху. На вопрос о том, можно ли мне сыграть в теннис на этих кортах с несколькими местными футболистами, Ян и бровью не повел: бесстрастное выражение лица и ответ в том смысле, что пожалуйста, если не совпадет по времени с молодежными тренировками, которые проходят на всех кортах. Когда я спросил, могу ли позвонить заранее, чтобы убедиться, что тренировок нет, Ян поставил передо мной дилемму.

— Le téléphone ne marche pas, — сказал он, смиренно пожав плечами. — Nous n'avons pas payé donc ils ont coupé la ligne.

Телефон отключили. По счетам никто не платил, и поэтому в Национальном теннисном центре отключили именно телефон. Не помню, чтобы такое бывало во Всеанглийском клубе в Уимблдоне.

Заход в бар «Виктор» стал еще одним проявлением моей растущей самоуверенности. Пару раз до этого по пути домой я видел маленькую красную неоновую вывеску, но никогда раньше не спускался по ступенькам в бар, чтобы испробовать местного пива. Сегодняшний день был особенным. Сегодня все было по-моему. Сегодня я был мериллом Молдавии. Тем не менее, подходя к толстой деревянной двери бара, я начал опасаться, что она поставлена там, чтобы спасти невинных от порочного мира молдавских отбросов общества. Я не сразу осмелился толкнуть дверь, боясь, что за ней могут скрываться члены мафии, наркоторговцы, сутенеры и проститутки, и у каждого свои мотивы ограбить наивного англичанина, который добровольно вошел в их логово.

Меня поприветствовал человек в элегантном костюме и со скрипкой в руках, который вполне мог сойти за гангстера из фильма тридцатых годов, если бы не лицо — слишком теплое, слишком открытое и слишком великодушное для гангстера. Этим славным малым с шикарными усами оказался человек по имени Марин, он и стал главным героем вечера, совершенно не похожего на все, что я видел в Молдавии до сих пор.

Узнав, что я из Лондона, Марин оживился, так как это означало, что он мог поговорить со мной на том, что, по его мнению, было английским языком. Когда он ко мне обращался, я вежливо улыбался, изо всех сил стараясь не выдать отсутствующего взгляда в ответ на его невнятные речи. Кое-что я все-таки понял — мне представили Галину, девушку за барной стойкой, чьи красивые черты затмевала лишь улыбка. Ее зубы, похоже, были деревянными, причем нелакированными. Она не была из числа поклонников молдавских дантистов, если таковые вообще существовали. Я не видел никаких доказательств того, что содержание зубов в хорошем состоянии является приоритетом этого общества. Действительно, и кому это надо? Ни одного прецедента. Советская власть в этой стране не сделала ничего, чтобы возбудить интерес к зубной гигиене. Ни один пятилетний план не упоминал ортодонтотв. Ленин, Троцкий и Сталин обходились без брекетов, так что и все остальные могли обойтись без них. Кроме того, не было причин считать, что установка металлических конструкций на коренные зубы рабочего поднимет производительность труда.

Марин сообщил мне за тот час, что играл на скрипке, больше, чем, если бы разговаривал со мной на своем гибридном английском всю жизнь. Он играл в дуэте, в котором, бесспорно, был талантливой половиной. Его партнер сидел со скучающим видом за клавиатурой, которая издавала раздражающие электронные звуки, пытаясь подыгры-

вать искусной скрипке Марина. По-моему, аккомпаниатору следовало выступать соло и выпустить альбом под названием «Тоска зеленая. Без аккомпанемента», и страшно хотелось столкнуть его, выдернув инструмент из розетки.

Когда я достал свою камеру, чтобы заснять Марина, мой статус в баре резко изменился. Меня посчитали искателем талантов, который «откроет» местных и прославит на Западе. Марин изобразил столь ослепительную улыбку, что в глазах чуть не забегали солнечные зайчики, а клавишник даже умудрился состроить такое выражение лица, которое говорило, что, возможно, ему не так скучно, как кажется. Галина моментально трансформировалась из барменши в певицу ночного клуба, схватила микрофон и исполнила пару ужасных поп-песенок, временами сверкая темно-коричневыми деревянными зубами. Сомневаюсь, что ее ждет карьера на Западе. Эта улыбка в действительности гарантировала всего один концерт в году — на рождественской вечеринке общества столяров и плотников. А мне от открытой мною «звезды» требовался более стабильный доход. У Марина определенно был талант, но, вероятно, ему все же не достичь кассовых сборов Ванессы Мэй. Ну ничего, я постараюсь отказать как-нибудь помягче, а пока посижу, попью пиво и посмакую редкую возможность «почувствовать себя кем-то особенным».

Потом меня пригласили за столик со здоровенными ребятами, к которым я, возможно, побоялся бы присоединиться, если бы не был «королем бара». Они тоже попозировали для камеры, ослепительно улыбаясь, подняв очки и даже исполнив подобие русской народной песни, после чего я почувствовал облегчение, что я не русский. Один из них, наименее талантливый певец, помахал перед объективом теперь уже постоянно работающей камеры своим удостоверением, и, к собственному удивлению, я прочитал, что сижу рядом с начальником полиции Кишинева. Невероят-

но, но факт. Я выпивал с начальником полиции. Я действительно неплохо справлялся в одиночку.

Песни, веселье и всеобщее добродушие продолжались до полуночи, а потом последовали прощания, обилие пьяных объятий, и я поковылял к дому, забыв обо всех ночных опасностях, угрожающих иностранцам, чрезвычайно уверенный в том, что любой грабитель дважды подумает перед тем, как ссориться с хорошим другом майора Виорела Виеру.

Я пошел спать, воодушевленный тем, чего достиг с тех пор, как выпорхнул из-под заботливого крылышка Юлиана. После пары аварийных посадок мне удалось самостоятельно пролететь несколько ярдов. Скоро я смогу парить над облаками. По крайней мере, я доказал, что здесь все-таки можно чего-то добиться. Наконец у меня появились первые доказательства в поддержку моей теории, что в жизни старания всегда вознаграждаются. Теперь я знал, что моя миссия здесь в высшей степени выполнима. Я взял быка за рога, и, более того, если понадобится, у меня под рукой был начальник полиции, который сможет дать ему пинка.

Глава 7

Три пастуха

— Он не начальник полиции, — поднял меня на смех Юлиан, развернувшись на своем стуле в Центре журналистики, когда я показал ему то, что отснял накануне вечером.

— Хорошо, тогда майор полиции. Какая разница?

— Майор — не начальник. Ну да — то, что там написано, означает звание, но довольно невысокое — возможно, что-то вроде вашего сержанта.

— О, ну, если что, он все равно сможет помочь.

— Да не сказал бы. Если в этой стране тебе нужна помощь, то лучше дружить с мафией, а не с полицией. Мафия контролирует все.

— Ясно.

Юлиан — мастер испортить настроение. Он словно считал своим долгом возвращать романтичных идеалистов к реальности. Юлиан полагался на факты. А я — на мнения. Мы были неплохой командой, и история наших достижений это доказывала. До сих пор мы ничего не достигли.

Так было до 11.15 утра, пока Юлиан не ответил на телефонный звонок и я не получил невероятно хорошие новости.

— Это был Григорий Корзун, — сказал Юлиан, пытаясь сдержать улыбку.

— Кто это?

— Президент «Тилигула», клуба в Тирасполе, в котором играет Сергей Строенко.

— Ах да, точно, — ответил я, притворяясь, что отлично знаю, кем были мои футбольные противники. — И что он сказал?

— Что ты можешь приехать к ним в Приднестровье в любое время. Будешь его гостем и остановишься в отеле, при котором есть теннисный корт, а он договорится об игре со Строенко.

— Ты шутишь! — произнес я, не зная, что невероятнее — эти новости или то, что Юлиан умеет шутить.

— Нет, он так и сказал.

Это подтверждение было музыкой для моих ушей.

— Да! — выкрикнул я, подпрыгнув от радости.

Это явно не по-молдавски открытое выражение эмоций заставило несколько человек за компьютерами обернуться в мою сторону, кто-то смотрел с удивлением, кто-то с неодобрением. Но никто ничего не спросил. Я начал понимать, как устроен процесс мышления у местных жителей:

«Англичанин Тони узнал какие-то захватывающие новости, но это его дело, а не наше. Мы не позволим его громким восклицаниям и жестам ненадлежащим образом отвлекать нас от наших утренних дел. Возможно, когда-нибудь мы узнаем, что это за новости, но сейчас вполне достаточно поворота головы».

— Коринна! — воскликнул я, без предупреждения ворвавшись в ее кабинет. — Только что произошло нечто удивительное!

Мне нужно было с кем-то поделиться этой новостью, и я подумал, что Коринна меня поймет. Ее муж Аузел рабо-

тал в «Рэнк Ксерокс», и оба имели право путешествовать за границу. Она уже видела, как люди радуются.

— Это великолепные новости, — сказала она, терпеливо выслушав мою взволнованную болтовню. — Надеюсь, он серьезно.

— Конечно, серьезно, — выпалил я. — Зачем еще ему такое говорить?

— Не знаю, но если он серьезно, то это хорошие новости.

Может, Коринна часто ездила на Запад, но в целом она однозначно оставалась истинной молдаванкой. Осторожная, осмотрительная и все контролирующая. Я же был совершенно другим. Как я мечтал о короткой передышке от этой рациональной, дисциплинированной среды! Мне хотелось проблеска страсти, хотелось хоть разочек узреть проявление вспыльчивого темперамента и стать свидетелем истинной радости жизни. Даже американцы в офисе, Карен и Том, узнав о моих хороших новостях, лишь выдавили робкую улыбку и несмело произнесли: «Это же здорово, да?» До того, как влиться в молдавскую среду, они точно бы первыми вскочили, хлопнули меня по плечу и завопили во всю глотку: «Молодец!» Но они пробыли в Молдавии слишком долго и медленно, но верно начинали становиться такими же бесстрастными, как и все остальные.

Обед с Леонидом принес подобие следующей волны позитива, которая неумолимо катилась на меня. Леонид был спортивным корреспондентом, о «немедленной» встрече с которым Юлиан договорился пять дней назад. Похоже, он обладал энциклопедическими познаниями в молдавском футболе, и я забрасывал его вопросами полтора часа подряд. Он показал мне список субботних игр, и один матч тут же обратил на себя мое внимание.

ФК «АГРО» — «ДИНАМО», БЕНДЕРЫ

В голове сложилась сюрреалистическая картина. Какое это, должно быть, необычайное зрелище! В момент постыдной политической некорректности я представил, как за «Динамо» из Бендер выступают одиннадцать ребят, жеманно просящих друг друга «Пасуй же мне, противный», а противостоит им команда растерянных головорезов из ФК «Агро».

В менее легкомысленной заметке я прочел, что на следующий день состоится домашний матч местной команды «Зимбру» с клубом «Олимпия» из Бельцев, и все единогласно заявили, что я должен сходить на игру и встретиться после матча с футболистами. Меня должны принять дружелюбно, подумал я, потому что футболисты уже наверняка получили теннисные футболки из Уимблдона, которые я им отправил.

Да они просто должны сгорать от желания меня увидеть.

— Ты не будешь сегодня с нами ужинать? — разочарованно спросила Елена в прихожей. — Ты со вторника с нами не ешь.

За первую неделю я, конечно же, понравился ей, а она — мне. Ее пухленькое розовощекое личико освещало мое утро, и все эти дни я ждал вечера, чтобы увидеть, как она подбежит ко мне с тем или иным вопросом, чаще всего с домашним заданием по английскому. В обмен на мою помощь она великодушно научила меня румынской фразе, которая, как я подумал, могла мне пригодиться.

— *Mă numesc Tony. Sint din Anglia. Am făcut un pariu, că-i voi bate la tenis pe toți din echipa națională de fotbal. Vreți să jucați cu mine?*»

(«Меня зовут Тони. Я из Англии. Я поспорил, что обыграю всю национальную футбольную команду в теннис. Вы сыграете со мной?»)

Это, полагал я, должно сработать.

Причина, почему я решил не ужинать с семьей, заключалась в том, что в пятницу вечером я хотел куда-нибудь сходить и посмотреть на ночную жизнь Кишинева. Когда я уже собирался выходить, из своей комнаты показался Адриан и перехватил меня на лестнице.

— Я встречаюсь с друзьями. Могу довезти до центра, если хотите, — сказал он.

— Было бы замечательно.

Я также подумал, что это избавит меня от очередной непростой самостоятельной поездки на макси-такси, однако оказалось, что существует более простой способ передвижения.

— Я предпочитаю ходить пешком, — сказал Адриан, когда мы дошли до автобусной остановки.

— Но это не слишком далеко?

— Всего сорок минут. Мне нравится ходить пешком.

— Но на улице нет фонарей — не слишком темно?

— Только если не знаешь, куда идти.

— А ты знаешь, куда идти?

Адриан остановился и хитро посмотрел на меня.

— Трудно сказать. А кто-нибудь вообще знает, куда идет?

Этот парень оказался не так прост, как я думал вначале.

— Справедливое замечание, Адриан, но я все-таки говорю в прямом смысле, а не в переносном. Тут повсюду люки без крышек. Мне бы не хотелось умереть таким образом.

Не могу сказать, что знаю, как хочу умереть, но в первой десятке любимых способов падение в люк в крошечной темноте в чужой восточноевропейской столице, возможно, займет разве что седьмую строчку.

— Я знаю, где люки. Никто не умрет.

Никто не умрет. Всегда приятно такое услышать до выхода из дома в пятницу вечером.

Долгая прогулка дала мне возможность узнать Адриана получше, ведь его отношение до сих пор ограничивалось молчанием и отсутствием особого интереса к тому, что я делаю в Молдавии. (Один бог знает, как он умудрился вырасти таким в этой стране.) Однако в следующие сорок пять минут я узнал, что временами он все же задумывался о том, почему некий англичанин появился в его доме.

— Ваше пари показалось мне забавным, — произнес он, хватая меня за руку и обводя вокруг чего-то, предположительно, чтобы не допустить моего падения в люк; — но не представляю, как его можно выиграть.

— А почему нет?

— Не думаю, что спортсмены согласятся сыграть с вами.

— О, думаю, согласятся.

— Почему вы так уверены?

— Я вовсе не уверен. Мы не можем быть уверены ни в чем, — заявил я, но тут же добавил: — И в этом я тоже не уверен.

— Тогда почему вы это делаете? Вы же сильно рискуете.

— Потому что хочу выиграть пари и доказать свою правоту. Риск меня не пугает. Я люблю рисковать.

— Это же плохо. Рисковать.

— О, я не согласен, Адриан. Ничем не рисковать значит рисковать всем.

— И что это значит?

Я надеялся, что он не спросит об этом. Глубокомысленные изречения звучат гораздо веселее, когда их не просят пояснить.

Через двадцать минут мы дошли до бульвара Штефана чел Маре, который был единственной в Молдавии освещенной улицей. Я снова наслаждался роскошью иллюминации, которую раньше принимал как должное, и теперь видел окружающие дома. Одним из них было главное здание пар-

ламенты страны, напротив которого в 1991 году объявили о независимости от СССР. Как бы мне хотелось присутствовать при этом историческом событии, всего по одной причине — чтобы встать в сторонке и произнести:

— И они считали, что живут в Молдавии... Вот теперь да, вот это настоящая Молдавия!

Адриан рассказал, что правящая партия состоит в основном из бывших коммунистов, которые владеют процветающим бизнесом и пользуются своим положением в правительстве, чтобы процветать и впредь.

— Они все продажны, — сказал он с непоколебимой уверенностью.

— А что с оппозицией? Они лучше? — спросил я.

— Все они одинаковы. Никакой разницы.

— А с коррупцией кто-нибудь борется?

— Некоторые журналисты публикуют статьи, обличающие расхищение государственных средств, но и только. Мы, молдаване, очень хорошо умеем пожимать плечами. Есть старая молдавская народная песня о трех пастухах...

Адриан действительно воодушевился. Раньше я его таким не видел.

— ...один был венгром, другой валахом, а третий молдаванином. Венгр и валах завидовали молдаванину из-за того, что у него много овец в отаре, и задумали его убить и поделить его овец, но волшебный ягненок поведал ему об их планах и предупредил, чтобы он был осторожен. Вместо того чтобы попытаться избежать смерти, молдавский пастух попросил ягненка передать его семье, что он женился на красивой девушке, то есть на смерти, и что они должны организовать похороны и по справедливости разделить его оставшиеся богатства.

— Очень невеселая история, — заметил я, когда Адриан умолк, очевидно устав от долгого разговора на английском.

— Вообще-то, нет, — заспорил он. — Православная вера учит смиряться с судьбой.

— Может, ты и прав, — ответил я, сдерживаясь, чтобы не сказать то, что на самом деле думал.

А думал я о том, что между смирением с судьбой и потерей надежды — очень тонкая грань.

Адриан оставил меня у безвкусного творения советской архитектуры шестидесятых, а именно — у оперного театра, и побрел в темноту, чтобы встретиться с друзьями. Я собирался сходить в ресторан «Баррикуда», который рекомендовала мне Коринна. Обычно я не люблю ужинать в одиночестве, но на сей раз я с нетерпением ждал возможности понаблюдать за тем, как едят люди в одном из немногих фешенебельных ресторанов столицы. По совету Адриана, я свернул с бульвара Штефана чел Маре на улицу Пушкина и снова оказался в крошечной темноте. В этот раз все было по-другому. В этот раз я был один. И не знал, где разбросаны открытые люки.

В темноте начинаешь ко всему прислушиваться. Звуки шагов, шорох пальто и внезапные резкие голоса кажутся оглушительными. В этой жуткой атмосфере кажется, будто тебя окружают враги. Я начал понимать, насколько беззащитен. Меня мог обидеть кто угодно, даже карапуз с преступными наклонностями. Единственное, что было в мою пользу, — никто не видел, что я до смерти напуган, и у меня был хороший шанс своим подозрительно медленным шагом и тяжелым от страха дыханием тоже кого-нибудь испугать.

Я услышал громкий голос справа от себя; судя по интонации, мне задали вопрос. Все, что я понял, — что надо идти дальше и молиться, чтобы рука мошенника не дотянулась до меня и не оттащила в сторонку для быстрой и жесткой инвентаризации моих карманов. К счастью, никто меня не тронул, и, по мере того, как расстояние между мной

и потенциальным обидчиком увеличивалось, я начал думать, что враждебным, возможно, окружение было лишь в моем воображении. Вопрос, который мне задали, вполне мог быть абсолютно безобидным, вроде: «У вас нет лишней монетки?», или: «Не знаете, который час?», или: «У меня тут небольшая проблема с кроссвордом, вы случайно не знаете столицу Польши?»

От дверей «Баррикуды» меня довольно бесцеремонно прогнали прочь, потому что я не зарезервировал столик. Через окна цокольного этажа ресторана я видел, что заведение абсолютно пустое, но этот факт, похоже, никак не влиял на мнение придурка у входа. Я не стал спорить, по своему жизненному опыту зная, что в споре со швейцаром столько же смысла, сколько в заявке на проведение Олимпийских игр в Манчестере.

Несмотря на неудачу, я снова потащился через темноту к бульвару Штефана чел Маре, где продолжил ночной разгул, но увидел лишь, что те немногие бары и рестораны, мимо которых я прошел, тоже совершенно пусты. Ради бога, это же вечер пятницы — что происходит? Я вспомнил популярную песню, написанную в честь этого дня недели — «Пятница в моих мыслях», еще есть целая сеть ресторанов под названием «Слава богу, сегодня пятница!» На Западе вечер пятницы представляет собой окончание недели мытарств и трудовой каторги и сам по себе является мини-праздником, возвещающим о свободе выходных. Из того, что мне довелось увидеть здесь, похоже, вечер пятницы в Молдавии подобного статуса не имел. Итак, проигнорировав, по крайней мере, четыре заведения, которые мало чем походили на рестораны, потому что либо пустовали, либо были неприятны на вид, либо и то, и другое, я заказал пиво в тихом баре и решил поужинать в первом попавшемся ресторане. Несмотря ни на что.

— Будьте добры, «биг мак» и картошку, — сказал я девушке в униформе за кассой.

Да, боюсь, дошло до этого. Поиски ночной жизни и культуры привели меня в «Макдональдс». Я молился за молдаван, чтобы это не стало будущим их культуры.

— O zi buna, — сказала девушка. Да, эти слова сулили бесперебойное получение прибыли в глобальном масштабе.

Насколько я понял, это означало: «Хорошего дня!» А что еще это могло значить? Подобные банальности меня ужасно раздражают. Я не имею ничего против общепринятой вежливости и манер, но «спасибо» и «до свидания» вполне достаточно. Всегда, когда кто-то в ресторане быстрого обслуживания говорит мне: «Хорошего дня», хочется вернуться в это заведение на следующий день и рассказать в подробностях, как я провел день накануне — в мельчайших подробностях, — причем именно тогда, когда они очень заняты.

Я подошел к невыразительному пластмассовому столику и сел на стандартный для «Макдональдса» пластиковый стул, спроектированный так, чтобы вполне можно было потреблять пищу, но вот наслаждаться, откинувшись на спинку и отдыхая после еды, совершенно неудобно. Можно представить, как какой-нибудь амбициозный предприимчивый американец встает и говорит на собрании на тему «Максимизация прибыли»:

— Каждая секунда сидения за столом человека, который не ест, стоит нам долларов и центов. Помните: время — деньги.

Я пошел домой, неудовлетворенный как едой, так и тем, что увидел. Я расстроился из-за того, что какой бы ужасной ни была экономическая система, такие страны, как Молдавия, отчаянно стремятся заменить свою систему той, которая тоже очевидно неполноценна. Они хотели стать

капиталистами, и быстро. Однако это ответ. А теперь им нужно придумать вопрос.

Той ночью я заболел. Мой желудок бурлил, как мини-вулкан, а содержимое кишечника эвакуировалось так же стремительно, как Лондон во время войны. Я ощутил первые признаки бурчания в животе в начале дня, но решил проигнорировать их в надежде, что все пройдет. Это срабатывает очень редко (только если с алиментами, а вот в остальном — с ипотечными кредитами, навязчивыми ухажерами и оккупационными войсками — почему-то нет), но мне всегда казалось, что стоит попробовать. Эта тактика снова подвела. Желудок, как бы выразиться поточнее, наконец восстал против смеси восточноевропейских продуктов, которые ему предлагали последние дни. Ирония в том, что пицца, которая, похоже, запустила процесс открытия шлюзов, была западной. «Биг мак» и картошка фри. Чертов корнишон.

До сих пор мой желудок неплохо выдерживал невзгоды путешествий по всему миру, он определенно вел себя значительно лучше, чем кишечник моего бывшего попутчика Тима, чей желудок очистился от содержимого, едва паром вошел в док в Кале. Конечно, у такого страдальца в сумке всегда есть полный медицинский кабинет, с зельями, регулирующие скорость, с которой человек прощается с потребленной ранее пищей. Моей проблемой было то, что я был безнадежно не подготовлен. Мне не хотелось беспокоить двух спящих в доме врачей, поэтому я произвел быстрый досмотр своего багажа в поисках лекарств, но нашел только леденцы «Стрепсилс». Черт. Что ж, я все-таки взял один леденец, подумав, что не принять совсем ничего — откровенная халатность.

Это была скверная ночь. Восемь бесконечных часов я дрожал в постели, зная, что пройдет минута — и сомни-

тельная канализационная система дома получит от меня еще один депозит. Я пытался убедить себя, что это не такой уж отрицательный опыт.

Ничего. Это закаляет характер, думал я.

Но насколько я нуждался в подобной закалке? Даже если нуждался, разве я не достиг того возраста, когда можно дружить с «укрепителями характера»? С солидной компанией укрепителей, рекомендации и все прочее, которые делали бы свою работу и не подводили бы меня?

В 4 часа утра, ослабевший, в состоянии, близком к белой горячке, я начал впадать в бред. Мне грезился бригадир с пивным животом, во главе компании укрепителей.

Бригадир: И вы хотите, чтобы мы сделали что-то с вашим болевым порогом?

Тони: Да, с ним определенно надо что-то делать. Можете, вы сможете его поднять?

Бригадир: Можем, но подъем — серьезная работа. Это займет, по меньшей мере, четыре недели.

Тони: О, я надеялся, вы справитесь быстрее.

Бригадир: Здесь без вариантов. Это хитрые штуки — болевые пороги. Вы выглядите так, словно теряете душевные силы.

Тони: Правда? А дорого починить?

Бригадир: Да нет. Мы можем просто зацементировать.

Тони: Хорошо. Кстати, насчет цемента... и трещин... вы не могли бы зацементировать мой зад?

Бригадир: Могли бы, но не раньше вторника.

Тони: Это нехорошо, мне нужно сейчас. Разве вы не видите, что дело срочное?

Бригадир: О боже. Ваше терпение в ужасном состоянии. Кто вам его строил? Держу пари, какие-нибудь ковбои. Они портят нам всю репутацию.

Наконец наступило утро. Я мог с уверенностью сказать, что, кроме жизненно важных органов, в моем теле не осталось никаких плотных веществ. Меня утешало только то, что горло не болело и за всю долгую адскую ночь я ни разу не кашлянул. «Стрепсилс» и правда помогает.

Все еще ощущая озноб, я спустился, чтобы позавтракать с семьей. Появилась возможность воспользоваться тем обстоятельством, что я жил в доме двух врачей, от которых мог получить рекомендации по поводу моего взбунтовавшегося желудка. Даже в такой стране, как Молдавия, которая не славится богатыми запасами новейших мировых лекарств, они наверняка смогут мне предложить что-нибудь более эффективное, чем «Стрепсилс». Проблемой, как всегда, была коммуникация. Адриан еще спал, а Елена совершенно не понимала, что означает слово «диарея». (Она, видимо, прогуляла урок английского, на котором изучали тему расстройства кишечника.)

Пока я изо всех сил пытался объяснить, чего хочу, Григор начал предлагать мне еду. Мои вежливые отказы лишь удваивали его старания найти то, чего бы мне хотелось. Вот была картина: англичанин, который пытается описать, что такое диарея, простыми словами, понятными 11-летней молдавской девочке, чей отец обшаривает холодильник и ставит перед носом вышеназванного англичанина один за другим молочные продукты, а тот от всего отказывается. Всю свою жизнь я готовился к этому. Наконец я кивнул на йогурт, подумав, что, если я этого не сделаю, все может обернуться серьезными последствиями для состояния здоровья Григора. Никакого смысла болеть обоим не было. Таким образом, победу одержал статус-кво, заключавшийся в том, что я болел, а никто об этом не знал.

В какой-то момент я извинился и побежал в комнату, чтобы проверить, не может ли мне чем-нибудь помочь са-моучитель румынского. Естественно, он не смог. По всей

видимости, его авторы считали, что «акробат» гораздо важнее «диарей». Пользы было мало, только если я не хотел, чтобы мне прописали амфетамины. И я вернулся за стол, имея единственное доступное мне решение. К несчастью, этим решением была пантомима.

Я посмотрел на Елену, отчаявшуюся маленькую девочку, не понимающую, что я пытаюсь ей сказать. Я в последний раз покачал головой, когда Григор помахал передо мной чем-то вроде куска свинины. И сделал то, чего мне не хотелось делать, особенно в семье хозяев, которые готовили для меня завтрак, но — обстоятельства вынудили. Я встал, прошел на середину комнаты, показал на свой зад, а потом выбежал из комнаты по направлению к туалету. Это было быстро, не слишком изящно, зато успешно — потому что через секунду, когда я вернулся в комнату, полную людей, отчаянно пытающихся сдержать смех, на столе напротив моего места стоял маленький пузырек с лекарством.

— Спасибо огромное, — вздохнул я, ощутив огромное облегчение.

Наркоман наконец-то получил свою дозу.

Глава 8

Телевизор

План был прост. Сходить на матч и подружиться с Тестимициану, Митеревым, Ребежей, Романенко и Фистиканом. Проще простого. Учитывая, что в одном домашнем матче «Зимбру», как все и ожидали, уже выиграл, я не видел причин, почему бы игрокам не захотеть познакомиться с человеком, который подарил им футболки, столь разнообразившие их гардероб.

Играть дома для ФК «Зимбру» означало играть на стадионе в маленькой деревеньке в тридцати милях от столицы. Почему именно там, футбольный эксперт Леонид не смог объяснить, но я решил, что это еще одна из множества аномалий этой страны. Как и ночные улицы Кишинева, я погружался во мрак — в моем случае мрак неведения.

Я взял напрокат машину (конечно, «ладу») с водителем и, забираясь на заднее сиденье, молился, чтобы волшебное зелье Григора удержало во мне йогурт, который я съел за завтраком. Очень не хотелось, чтобы моя первая встреча с молдавскими футболистами совпала с небольшим несчаст-

ным случаем в моих штанах — ведь иначе они наверняка подумают:

— Боже, вот это парень перенервничал.

Мы искали маленькую деревню под названием Спеля и, естественно, заблудились. Юлиан вступил с водителем, одутловатым парнем по имени Юра, в уже ставший привычным спор по поводу карты. Я еле сдерживался, чтобы не вставить, что мы добрались бы до стадиона быстрее, если бы исходили из того, что Юлиан всегда неправ. Когда Юра понял это сам, то нашел правильную дорогу и наконец привез нас в Спелю, которая представляла собой несколько разбросанных по местности невысоких многоквартирных домов и имела атмосферу Кройдона. Мы ездили вокруг в поисках стадиона, но видели только улицы, на которых не было никого, кроме бродячих собак. Где же толпы болельщиков, спешащих на игру? В конце концов мы пытались найти лучший в Молдавии футбольный клуб — и на матч должна явиться хоть пара болельщиков.

Через двадцать минут, посетив школу, приемную хирурга и молдавский вариант промзоны (закрытый на замок гараж), совершенно случайно мы оказались на пути к трибунам поразительно большого стадиона. Вокруг были поля и пологие холмы. Дико видеть такой огромный стадион в столь ярко выраженной сельской местности. Это, без всяких сомнений, одно из самых абсурдных решений, принятых за годы коммунизма Народным комитетом абсурдных решений:

Товарищ 1: Товарищи, пролетариат должен отдыхать, и рабочие должны быть вознаграждены за достижения уровня производства, указанного товарищем Брежневым в плане последней пятилетки, — поэтому мы предлагаем поощрить их строительством стадиона вместимостью 22 500 человек хрен знает где.

Товарищ 2: Отличная идея, товарищ.

Товарищ 3: Неплохая.

Товарищ 4 (*себе под нос*): Он часто говорит дело, но своим сквернословием все портит.

Никакой платы за вход. Непонятно, то ли из-за приверженности философии, что стадион принадлежит народу, то ли потому, что ни один придурок не догадался поставить вокруг забор. Возможно, турникеты считались буржуазной заразой — или, может, их чертовски сложно раздобыть. В любом случае, это не важно, так как зрителей не было. Возможно, «Зимбру» и побеждал в местном чемпионате пять лет подряд за последние шесть, но, похоже, завоевывал лишь по тройке верных фанатов за каждый год побед. Наш приход в последнюю минуту увеличил численность болельщиков на трех человек, и, таким образом, толпа зрителей превзошла численностью тех футболистов, которые разогревались на футбольном поле.

По-моему, отказ от платы за вход, даже чисто символической, — всегда ошибка. Это психология. Если человек расстается с некой суммой денег, он связан обязательством. Вероятность того, что он хорошо проведет время, гораздо больше, так как он будет стараться, чтобы его деньги не оказались потраченными зря. Даже если ему не понравится то, что он увидит, он будет рад своему праву искренне огорчиться, потому что заплатил за зрелище. А если то, что его раздражает, достается бесплатно, зритель вынужден признавать свою вину: он тупица и бесцельно тратит время. Потому я пришел к мнению, что пословица «все лучшее в жизни бесплатно» ошибочна, и ее надо заменить выражением «лучшее в жизни — это билет за 12,50, 10,50, 8,50 и 6 фунтов».

Чем бы ни было лучшее в жизни и сколько бы оно ни стоило, именно в ту субботу я ничего об этом не узнал. Мой

желудок все еще угрожал изменой, а тело изрядно ослабело, если выражаться литературным языком, за «ночь тысячи испражнений». Более того, ужасный футбол, который я смотрел, оказался еще более утомительным из-за явного невежества моего переводчика.

— Это была хорошая подача... О, а почему судья свистнул?

— Потому что игрок в офсайде.

— А что такое офсайд?

В целом все было не так плохо — всяко лучше, чем объяснять американцу правила крикета, — но ввести Юлиана в курс дела насчет правила «вне игры» оказалось непростым. Моя первая попытка совсем его запутала, а следующая была ошибочной, так как я слишком влез в подробности. Он по-прежнему не понимал, зато ощутил себя обязанным притвориться, будто понял. В итоге остаток дня он задавал бессмысленные вопросы, например:

— Как думаешь, может, использовать радар для определения офсайда?

— Не знаю, Юлиан.

Через двадцать минут:

— Ты говорил, что офсайда не бывает, когда мяч вбрасывают из аута?

— Да, Юлиан.

И напоследок:

— А сейчас разве не лучше выпустить защитников?

На этот вопрос я не ответил. Решил промолчать вместо того, чтобы высказать наболевшее.

Справа от нас, напротив ворот, собралась группа пятнадцатилетних подростков, активно поддерживавших свою команду.

— «Зимбру»! «Зимбру»! — голосили они, явно полагая вопли стоящим занятием.

Как, должно быть, скучна и однообразна их жизнь, раз уж происходящее на поле казалось им захватывающим. На деле же это был один из худших футбольных матчей, которые я когда-либо видел.

К середине игры счет оставался 0:0, и ни одного из вратарей не беспокоили, разве что изредка пасовали назад. Когда игроки побрели с поля пообщаться с тренером в перерыве («Слушайте, ради бога — играйте лучше!»), я заметил, что президент «Зимбру», с которым мы разговаривали в начале недели, за ними в раздевалку не пошел.

— Пошли пообщаемся, — предложил я Юлиану.

— Думаешь, стоит? Мне кажется, он не захочет разговаривать прямо сейчас.

— Ну, есть только один способ это выяснить.

— Я не знаю, он выглядит раздосадованным.

— Давай же, Юлиан. Я никогда не выиграю это пари, если буду все делать наполовину.

Юлиан, который даже в лучшие дни был человеком, который все делал на четверть, неохотно пошел за мной к боковой линии поля, где стоял Николай Черный, и спросил, нельзя ли мне встретиться с игроками после матча. Президент ответил, что запросто, и эти новости подняли мое настроение на вторую половину игры.

Как объяснил Юлиан, «Зимбру» означает «Зебра». Естественно, потому команда и играла в полосатой форме — желтые и зеленые полосы. Яркий момент второй половины матча возник, когда защитник «Олимпии» из Бельцев ударил по мячу, и бутса слетела с его ноги. Это могло бы показаться забавным, не будь я настолько изможденным, утомленным и раздраженным из-за того, что «Зимбру» никак не может забить. Нулевая ничья станет для меня катастрофой, так как игроки, которые должны были с легкостью выиграть, наверняка расстроятся и не захотят ни с кем общаться.

Свисток судьи ознаменовал окончание матча. Нулевая ничья. Мы с Юлианом побрели к боковой линии, и Николай Черный сказал, что футболисты, ожидавшие легкой победы, расстроены и не желают общаться. Похоже, сегодня вечером мне не удастся посидеть в одном из баров веселого городка Кишинева с Тестимициану, Митеревым, Ребежей, Романенко или Фистиканом.

Я убедил Юлиана послоняться вокруг тренера «Зимбру» в надежде завести разговор с одним из футболистов после того, как они примут душ, переоденутся и получат хорошую словесную трепку. Я вился вокруг Юлиана, уговаривая его остановить игроков и представить меня. На его лице была написана история о парне, который работал на другого парня, у которого съехала крыша, но который платил первому, и поэтому второму приходилось потакать. Нам удалось перехватить одного футболиста с бритой головой, и он оказался одним из тех, кто был мне нужен — Ионом Тестимициану. Юлиан обратился к нему на румынском и показал на меня, видимо, представляя. Разумеется, он вполне мог сказать:

— Слушай, извини, пожалуйста, но этот парень платит мне тридцать долларов в день, чтобы я надоедал футболистам. Просто пожми ему руку, и я обещаю, что тут же уведу его прочь с твоих глаз.

Я подошел и пожал Тестимициану руку. Он выглядел так, будто вот-вот расплатится. Должно быть, беседа после матча была жесткой. Футбольные тренеры, очевидно, во всем мире одинаковы. После того как их игроки дали маху, они мотивируют их на следующую игру словами о том, что футболисты — ленивые и бездарные куски дерьма. То, что это помогает, кое-что говорит о футболистах.

— Вы получили мою футболку из Уимблдона? — спросил я у изнеможенного на вид Тестимициану.

Уставший футболист завел долгую речь, которая звучала не слишком радостно. В чем проблема? Ему не подошел размер XL? Наконец замолчав, он отвернулся и, даже не попрощавшись, отошел в сторонку.

— Что он сказал? — спросил я Юлиана.

— Что устал.

И все? Знаю, я не специалист в румынском, но как мог Тестимициану столько говорить, только чтобы сообщить о своей усталости? Либо Тестимициану — мастер поразглагольствовать, либо Юлиан переутомился. Но когда он успел переутомиться? Может, он спасал меня от жестокой правды слов Тестимициану, чтобы мой угасающий оптимизм не получил новый удар?

— Поехали домой, — сказал я, оценив всеобщее похоронное настроение.

Все были подавлены — и Тестимициану, и Юлиан, и я сам. Делать нам здесь было нечего. Когда тренер «Зимбру» уехал, мы снова забились в машину Юры и протряслись час обратной дороги до Кишинева. Весело.

Въезд в столицу Молдавии обозначают так называемые «Ворота Кишинева». Но это, к моему разочарованию, не древние ворота, а, скорее, две высокие треугольные многоэтажки по обе стороны главного шоссе, ведущего в город. Возможно, не слишком красивые, но внушительные. Я попросил Юру ехать помедленнее, чтобы я мог снять дома на видео для потомков, и он радостно согласился, хотя, как я заметил, продолжал ехать по левой полосе. Через мгновение за нами прозвучал гудок. Видя, что я еще снимаю, Юра не прибавлял скорость, несмотря на громкие протесты позади.

— Все в порядке, Юра, я закончил съемку, — сказал я, не желая стать свидетелем последствий дорожных разборок в Молдавии.

Но я опоздал. Новехонький темно-синий «мерседес» поравнялся с нами, и человек на пассажирском сиденье начал осыпать Юру ругательствами. По крайней мере, я предположил, что это была ругань — не похоже, что он спрашивал, который час.

— О нет, это плохо, — занервничав, произнес Юлиан.

— Почему?

— Этот парень хорошо известен — очень влиятельный человек. Его прозвали «Телевизор».

— Почему?

— Потому что все знают, что он разбил свою машину, когда смотрел в ней телевизор.

Вероятно, молдавские мыльные оперы требуют неотрывного внимания. Думаю, Телевизора могло бы утешить, что после происшествия он увидел себя в новостях. «Смотрите! Это я! Меня вырезают из той машины!»

Так или иначе, что бы он ни смотрел сейчас, это точно не успокаивало нервы. Интересно, он подвержен влиянию экрана? Если да, остается лишь молиться, чтобы он не был поглощен просмотром фильма об автогонках с перестрелками.

— Он псих, — застонал Юлиан. — Он пытается заставить нас съехать с дороги.

И правда. Синий «мерседес» продолжал нас подрезать, а Телевизор неистово размахивал руками, указывая на обочину.

— Мне кажется, Юлиан, он хочет, чтобы мы остановились, — сказал я как можно спокойнее.

— Согласен. Этого он и хочет, — ответил бледный, как смерть, Юлиан. — И, думаю, мы должны остановиться.

Юлиан попросил Юру притормозить, и синий «мерседес» остановился перед нами, из него вышли Телевизор и еще один человек в костюме; и они, как дорожная полиция, подошли к нашей машине. В уме проносились варианты

развития событий, которые могли ожидать нас в ближайшие несколько минут. Ни один из них не предполагал, что нас пригласят на чашку чая с печеньем.

Взволнованному Юре приказали выйти из машины, и он благоразумно подчинился. Телевизор прочел ему пятиминутную лекцию, тему которой легко можно было угадать и которая, видимо, включала список негативных последствий, уготованных нашему водителю, если он не извинится за свое тупое поведение. Юра робко кивал на каждое слово. Очень правильно, подумал я. Нет никакого смысла вступать в длительные споры по поводу уточнения разделов правил дорожного движения с этим типом — широкоплечим и не слишком доброжелательным на вид. Беда этого Телевизора состояла в том, что, если тебе не нравилось зрелище, ты не мог просто переключить канал: «Довольно гангстерских фильмов, я лучше посмотрю спокойный документальный фильм о животных».

Должно быть, извинения Юры приняли, потому что двое парней, которые настолько обеспокоились нашей безопасностью на дороге, вернулись в свою машину и уехали, даже не потребовав дальнейших сатисфакций.

— Юра говорит, что это все-таки был не Телевизор, — сказал Юлиан, когда Юра вернулся на свое место.

— Правда?

— Да, я ошибся.

— Неудивительно, — хмыкнул я. — Сейчас все телевизоры на одно лицо.

Юлиан не улыбнулся. Либо он все еще думал о том, что только что произошло, либо счел, что ничего смешного я не сказал. Облегчение на лицах попутчиков навело меня на мысль, что, возможно, мы были в большей опасности, чем я себе представлял. Приятно думать, что теперь мы могли продолжить путешествие в Кишинев без остановок по пути в какой-нибудь больнице.

Наша машина снова выехала на дорогу, все были слегка напуганы, но успокаивались, осознавая, что опасность миновала. У Юры очень хорошо получалось изображать кротость. На самом деле его кротость была чем-то вроде гордыни и определенно вызвала бы восхищение у Иисуса, который высоко ценил это качество.

— Блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю, — сказал он как-то со всей искренностью.

Но вот кроткий почему-то ответил:

— О, я, наверное, не смогу. Возьми себе.

В тот вечер я смог поесть чечевицы, хлеба и сыра фета без того, чтобы увидеть что-нибудь из съеденного в ночи. Григор посоветовал мне запить еду молдавским коньяком, который, как он убеждал, полезен для желудка. Мой доктор.

— Отец хочет знать, пойдешь ли ты с нами утром в церковь, — сказала Елена.

— Да, с удовольствием. Спасибо, — ответил я.

Мне требовалась помощь, и я был готов на все. Обратиться к молдавской православной церкви за поддержкой казалось столь же логичным, как и любой другой вариант действий.

Я не был уверен, сколько у меня времени, переоделся в то, что казалось наиболее подходящим для посещения церкви, и терпеливо ждал в своей комнате начала церковной вечеринки.

— Я думал, мы договорились в одиннадцать, — заметил я Адриану, изо всех сил стараясь не сбиться на жалобный тон.

— Верно, в одиннадцать. Прошлой ночью часы перевели на час назад.

— О, верно. Прости.

Вот и зима. С этого времени темнело все раньше. Как я ненавижу искусственное сокращение светлых часов суток! Никогда не понимал, зачем это надо, но мне говорили, что всему виной шотландские фермеры. Какой стыд, что Молдавия тоже сдалась под их напором.

Григор был в костюме, Елена — в прекрасном голубом платье, плаще и шляпке под цвет. Она выглядела именно так, как любой отец мечтает увидеть свою 11-летнюю дочь. Григор, должно быть, гордится ею, подумал я. И мы пошли втроем, так как Дина собиралась навестить больного родственника, а Адриан засел в своей комнате за закрытой дверью. У него это неплохо получалось, но, полагаю, он решил потренироваться на будущее.

— Мой папа говорит, — сказала Елена, когда мы сели в макси-такси, — что после обеда хочет показать тебе больницу.

Местом поклонения Григора оказалась базилика, которую я видел из окна своего номера в отеле в первое утро моего пребывания в этой стране. Она поразила меня, показавшись пережитком прошлого, возвратом к дням, когда религия оказывала огромное влияние на общество, до того, как коммунистические догмы выкорчевали ее из человеческих душ. Похоже, у людей хорошая память. На пешеходной дорожке перед входом в базилику было столько людей, что мне вспомнилась толпа на вокзале в час пик. Мы пробрались через толчею и вошли в базилику. Внутри, как оказалось, народа было еще больше, верующие бродили, крестились и иногда опускались на колени, чтобы поцеловать пол. Вот это набожность. Вот это страсть. Ничего схожего с консервативными прихожанами средней Англии. Здесь я видел событийный ряд. Здесь нечто происходило. Очевидно, пятидесяти лет тоталитаризма недостаточно, чтобы грубой силой насадить атеизм и вырвать из людей веру в высшую справедливость, достойную поклонения.

Меня окружала красота. Пусть она была чрезмерной и показной: разноцветные фрески, богато украшенные золотые канделябры и великолепный алтарь, в окружении букетов цветов. Думаю, я бы предпочел эту красоту суровой сдержанности протестантских церквей, которая будто напоминает, что жизнь трудна и тяжелая работа — все, на что вы можете надеяться. Может, поэтому в наших церквях все больше свободных скамей по воскресеньям? Бог его знает.

Хор, разместившийся на балконе над дверьми, через которые мы вошли, начал петь. Завораживающий и сладкий звук эхом разнесся по всему зданию и возвестил о начале службы, проводимой отцом Феодором. Этот человек, о котором Григор постарался рассказать мне по пути, был его хорошим другом. Мне пообещали, что я смогу познакомиться с ним после службы, но предупредили, что по-английски он не говорит и что Елене снова придется быть моим толмачом.

Отец Феодор просветил меня относительно того, какую роль играла церковь в годы коммунизма. Религия, очевидно, не была полностью уничтожена, однако государство устраивало организованные гонения на тех, кто все еще ходил в церкви. Прихожан осмеивали в школе, на работе, им отказывали в трудоустройстве. Не удивительно, что в советский период в церковь ходили почти одни старики, кому было мало или вовсе нечего терять.

Отец Феодор вручил мне брошюру о базилике, на восхитительно безнадежном английском. Перевод изобилует ошибками, больше всего мне понравилось постоянное использование слова «битва» вместо «молитва». Это была своего рода оговорка по Фрейду, признание роли религии в провоцировании войн.

Мы покинули место «битвы» и направились туда, где шла настоящая война. В больницу Григора. Ее полуразрушенные стены предупреждали о том, что ждет внутри. Тем-

ные сырые коридоры с осыпающейся штукатуркой вели в отделения, которые демонстрировали антикварное медицинское оборудование, выглядевшее так, будто его стащили из декораций к сериалу шестидесятых «Продолжайте, доктор».

— Мой папа просит, чтобы ты рассказал врачам в Англии, какие здесь условия, — сказала Елена.

— Конечно, конечно, — ответил я, зная, что у меня нет ни одного знакомого врача в Англии, и подумал, что мог бы затронуть эту тему во время очередного визита терапевта. — Елена, спроси своего папу, не собираются ли местные власти выделить им больше денег?

Маленькая девочка передала мой вопрос, и ее отец ответил:

— Он говорит, что власти много обещают, но он думает, что они скорее потратят деньги на машины и загородные дома.

— Это печально, — сказал я.

— Да, это печально, — отозвался Григор.

Поразительно, это было единственное правильное выражение на английском, которое я от него услышал.

Пока мы наблюдали, как Григор на обочине пытается поймать маршрутное такси, которое отвезло бы нас домой, Елена повернулась и посмотрела на меня.

— Так тебе понравилась больница моего папы? — спросила она.

Непростой вопрос. Елена явно гордилась своим отцом, да и почему ей не гордиться? Он был способным человеком, главврачом педиатрического отделения, и в этом огромном здании у него имелся личный кабинет. Для Елены, которая никогда не видела других больниц, это было чрезвычайно внушительное место. Я посмотрел в ее воодушевленное личико. Она с нетерпением ждала ответа. Понравилась ли мне больница ее отца?

— Да, понравилась, — сказал я, помолчав, — но им нужно больше денег.

Едва я произнес эти слова, большой «мерседес», промчавшись мимо, обдал Григора грязной водой из лужи. Машина стоимостью 50 тысяч долларов только что облила грязью главврача педиатрического отделения прямо у стен обветшалой больницы, пока он терпеливо ждал общественного транспорта. Григор отряхнулся со всем достоинством, на какое только был способен.

Такое ощущение, что он делал это сотню раз.

Глава 9

Вселенская задница

Юлиан решил, что будет здорово взять обед с собой в автобус, и мы пошли в государственный магазин, чтобы купить еду. Магазин напоминал большой пассаж с отделами, где основу декора составляли пустые полки, а за прилавками сучали работники в белых халатах. Все они демонстрировали полное отсутствие интереса к тому, купит ли кто-нибудь что-нибудь или нет, а также умение делать идеально мрачное лицо для покупателей. Видимо, когда из словарного запаса владельца магазина вычеркивают слово «прибыль», остается только это.

Необъятная тетушка в отделе сыров подала нам наш заказ. Я улыбнулся ей, но вызвал лишь дальнейшее помрачение и без того сурового лица.

— У вас есть карта на скидку, сэр? — спросила она.

Шучу, конечно. Эту строчку написало мое богатое воображение. В этом магазине, скорее, предлагали карты на взыскание. Подаете такую в хлебном отделе и получаете скалкой по голове.

До Приднестровья было недалеко, всего около сотни миль, но для меня это казалось грандиозным путешествием. Это место, куда, как мне говорили, ехать не стоит. Выйдя из Центра журналистики, Коринна напоследок напутствовала:

— Будьте осторожны!

— Хорошо, постараюсь больше не пить, — сказал я, стараясь ее развеселить.

Правда была в том, что я шел на абсурдный риск. Юлиан рассказал мне об одном американском журналисте, Патрике Коксе, который провел какое-то время в Приднестровье и искренне отозвался об этом месте так: «Без сомнений, один из последних гадючников в мире». Последних и опасных. В 1992 году в войне за независимость народ Приднестровья сражался с Молдавией, все мужчины вооружились, и оружие до сих пор не запрещено. Более того, Приднестровье в русских криминальных кругах имеет репутацию идеального места для отмыwania денег. Также можно добавить, что власти Приднестровья сохранили КГБ, которое сажает в тюрьмы политических оппонентов и закрывает независимые средства массовой информации, и установили контрольно-пропускные пункты на так называемой «границе» с Молдавией: там дежурит охрана, облаченная в советскую униформу. В общем, это вряд ли место, куда первым делом хочется съездить на выходные весной.

Юлиан, который бывал в Приднестровье всего раз и столкнулся разве что с небольшими трудностями бюрократического свойства на границе, теперь, что удивительно, выразил уверенность: мол, все будет нормально.

— Я уверен, все будет в порядке, — сказал он, — потому что мы гости важной персоны. Я только советую не снимать на улице. Полно воришек. Кто-то что-то видит и тут же тащит. На самом деле, считаю, тебе вообще не стоит брать с собой камеру.

— Но я должен. Как еще я докажу Артуру, что играл со Строенко и Рогачевым?

— Ладно, но тогда лучше спрячь ее на дно сумки. Полиция или армия на границе могут ее конфисковать, если увидят.

— Как это? Без всякой причины?

— Они могут делать все, что им заблагорассудится. В каком-то смысле там почти анархия.

Потому мы и решили ехать автобусом, а не арендовать машину с водителем. На границе легковые машины досматривали и задавали много заковыристых вопросов. Иностранцев, особенно с Запада, часто не пропускали через границу без объяснений. А в автобусе пограничники, как правило, производили беглый осмотр, и Юлиан считал, что меня даже, возможно, не попросят предъявить паспорт.

Учитывая, куда мы едем, я должен был волноваться, но, на самом деле, у меня было отличное настроение. Для меня этот день был не просто понедельником, началом недели, он также знаменовал судьбоносные перемены и начало новой эры. Наконец должны произойти какие-то события. В Григории Корзуне, президенте ФК «Тилигул» из Тирасполя я нашел человека, который хоть немного оживился, услышав о моих планах.

— Приезжайте к нам, — пригласил он. — Можете остановиться в нашем отеле, при котором есть теннисный корт, и, если захотите, сыграть с нашими футболистами.

Невероятно: единственный положительный отклик, который я получил, поступил из мест, носивших прозвище «бандитского края», оттуда, куда мне настойчиво советовали не ездить. Может, там не так уж плохо. Может, все страшилки, которые я слышал, связаны с предрассудками. Я намеревался оставаться беспристрастным. А сумку держать закрытой. Мне хотелось вернуться домой с камерой.

Пусть меня воодушевляла мысль, что я наконец-то смогу воспользоваться теннисными ракетками, которые привез с собой, я все равно немного нервничал. Готов ли я к теннису? Я не играл уже неделю, и мои недавние проблемы с желудком не могли не сказаться на моем состоянии. Будет слишком унижительно, если я проиграю первому же футболисту. Я пытался об этом не думать. Не лезь в дебри, Тони, думал я, лучше займись своей половиной нашпигованного сыром обеда. Едва я это сделал, Юлиан оторвался от бумаг, которые он тщательно изучал.

— О боже, — произнес он.

Ничего хорошего это не сулило.

— Что?

— Я ошибся. Я думал, что Строенко играет с Рогачевым в одном клубе, «Тилигул», но по бумагам, которые дал нам Андрей из Молдавской футбольной федерации, он играет в другой команде Приднестровья — ФК «Шериф».

— Ясно. Значит, придется открывать еще один фронт, когда приедем.

— Да.

— Ну ничего.

Это был удар, и это определенно все усложняло, но я убедил себя, что Строенко и Рогачев, вероятно, хорошие приятели, и потребуются лишь один телефонный звонок одного из них другому. Я решил оставаться оптимистом.

Автобус подъехал к границе.

— Удачи, — сказал Юлиан. — Постарайся не выглядеть подозрительно.

— Хорошо, — ответил я, не совсем понимая, как это сделать.

Я осмотрелся. До Тирасполя ехали всего десять человек, в большинстве своем молодые матери. Если бы кто-нибудь выделил мне на денек своего малыша, я бы идеально смешался с толпой. Я решил изо всех сил уподобиться

молдаванину и потому выбрал из своего мимического репертуара самое угрюмое выражение лица. То самое, что я приберегал для парней, которые пытаются вымыть лобовое стекло твоей машины, пока ты стоишь на светофоре. Мы остановились у пограничного поста, в автобус зашел военный с автоматом и заговорил с водителем. Не впервые за время своей поездки я испытал неподдельный страх. Вскоре он пойдет между рядами, высматривая подозрительных личностей. Если я не сойду за молдаванина, меня могут засыпать вопросами, вывести из автобуса и запретить въезд в страну. Если это произойдет, то пари в любом случае будет проиграно, поскольку два нужных мне футболиста окажутся вне досягаемости. Я вспомнил об Артуре в Англии. Он, скорее всего, еще спит. Я ввязался в пари, из-за которого мне каждый день грозит опасность, а все, что оставалось ему, — спуститься в паб, сесть на задницу и ждать, пока я засыплюсь? В будущем надо быть осмотрительнее с пари.

Разговор военного с водителем, похоже, близился к завершению. Я чувствовал себя военнопленным, сбежавшим из замка Колдиц; если меня заметят — все пропало, если не заметят — я буду на свободе. Все, что мне требовалось, — вялый и уставший солдат, погруженный в собственные мысли. И чтобы хоть раз все прошло по плану. Чего мне вовсе не было нужно, так это того, чтобы сидевшая за мной женщина похлопала меня по плечу и дерзко спросила:

— Вы американец?

О нет. Да что же это такое? Что она делает? И почему именно сейчас? Я посмотрел вперед и с облегчением отметил, что солдат все еще разговаривает с водителем и не слышал ее вопроса. Я развернулся, собираясь незамедлительно оборвать разговор с этой дамой.

— Нет, я не американец, простите, — холодно ответил я, с ярко выраженной точкой в конце предложения.

И снова сел прямо, молясь, чтобы на этом мы и закончили. Не судьба.

— Но я слышала, что вы говорите по-английски, — продолжала женщина. — Откуда вы?

Вот засада. Везет, как утопленнику. Я встретил первую разговорчивую молдаванку, и это должно было случиться именно сейчас.

— Из Англии, — прошептал я, снова стараясь положить конец разговору.

— А, так это еще лучше! — объявила она весьма громко.

Я посмотрел на Юлиана, который качал головой.

— Надо ее успокоить, — процедил он.

Легко сказать, потому что дама поднялась со своего места и встала в проходе, размахивая передо мной листком бумаги.

— Вы не прочтете это? — спросила она. — Я учу английский в вечерней школе, это мое домашнее задание. Вы не могли бы посмотреть, много ли там ошибок?

— Пожалуйста, я помогу, только когда уйдет солдат, — сказал я, с мольбой посмотрев ей в глаза. — Хорошо?

Она милосердно кивнула и села.

Не знаю, либо солдат ничего не слышал, либо мне крупно повезло и попался ленивый тип, которому все было по фигу; так или иначе, он полностью меня проигнорировал, проверил пару сумок на полках и вышел наружу. Ура! Тройное ура в честь лени! Без нее у нас бы ничего не получилось.

Сочинение той дамы оказалось весьма неплохим. Потрясающая грамматика. Оно повествовало о том, как она надеялась когда-нибудь навестить своих друзей в Англии, которые жили в Слау. Она была уверена, что это прекрасное место. Единственная ошибка, но исправлять ее я не стал. Не хватило духу.

Мы прибыли на пустынный автовокзал Тирасполя, который на самом деле представлял собой пять расположенных рядом автобусных остановок, и я впервые ступил на землю Приднестровья. Практически музейный экспонат. Пока остальной бывший Советский Союз занимался перестройкой и осуществлял реформы, это относительно маленькое государство упорно строило коммунизм как в эпоху до 1991 года. Оно не было сильным в экономическом отношении. При нынешней инфляции один обед обходился в миллион рублей. За один доллар давали 360 000 рублей. Завтрашний обменный курс никто не знал. Зато здесь по-прежнему были в чести колхозы, государственные предприятия и безумные пятилетние планы.

— Тони, если думаешь, что в Молдавии тяжелая жизнь, ты должен побыть здесь подольше, — сказал Юлиан, когда мы забрали свои сумки. — Это отсталое место. Дикое.

— Совсем ничего хорошего?

— Для меня — нет. Единственное, чем здесь лучше, — по ночам у них включают уличное освещение.

— Почему?

— Потому что все молдавские электростанции находятся здесь, и власти Кишинева вынуждены покупать у них электричество. Вот почему наши улицы темные — местные усатанавливают грабительские цены.

— Досадно.

Еще досаднее было то, что Григорий Корзун не явился нас встретить, как мы договаривались, хотя мы и не слишком волновались, потому что договорились на четыре, а сейчас было всего пять минут пятого. Григорий, как решили мы, занятой человек, и никакой необходимости начинать всерьез волноваться раньше половины пятого нет.

В половине пятого я запустил процесс, отправив Юлиана к телефонной будке, чтобы он выяснил, что происходит.

— Тебе нужна мелочь? — спросил я.

— Нет, здесь звонки бесплатные.

— Правда?

— Да, посмотри на телефоны, — он указал на аппарат, который висел на стене рядом с нами и был похож на новую модель консервной банки со шнурком. — Они сделаны очень давно, и ни у кого нет денег на то, чтобы переоборудовать их для приема монет.

— Ага, что ж, еще один плюс этого места, — сказал я, поддразнивая Юлиана. — Бесплатные звонки.

— Да, вот только ничего хорошего никто никому сказать не может.

Пока Юлиан звонил, я сидел на холодной ступеньке и изо всех сил пытался сохранить тот боевой дух, который сопровождал меня всю дорогу в автобусе. Я старался не думать о том, что будет, если Григорий не объявится. Как и окружающий пейзаж, перспективы выглядели слишком безрадостными. Юлиан вернулся и сказал, что поговорил с секретарем клуба; тот был уверен, что господин Корзун уехал смотреть тренировку своей команды, и ничего не знал ни о каких англичанах, которых надо забрать с автовокзала. В ответ я предпочел промолчать. Сказать было нечего. Все, что нам оставалось делать, — ждать. Ждать и надеяться.

От ступеньки, на которой я сидел, мой зад замерз так, как никогда раньше не замерзал, и даже больше, чем следует замерзать любому заду, почти полностью онемел. У меня чувствительный зад. Предчувствуя неудачу, он так и стремился онеметь. Именно в этот миг мне хотелось, чтобы онемело все тело, чтобы заглушить боль от постоянных ударов, которые наносила мне эта страна.

— Многообещающе, — произнес Юлиан, мгновенно выведя меня из состояния неумолимого падения и бросив в бездну отчаяния.

Я поднял взгляд и увидел, как из-за угла появляется блестящий «мерседес» и направляется к нам. Это он? Элегантно одетый мужчина средних лет помахал нам из окна машины. Юлиан что-то ему крикнул, и тот отозвался.

— Это он, — сказал Юлиан, поворачиваясь ко мне с возбуждением, которого я никогда прежде у него не наблюдал. — Тебе везет — хотя он, похоже, не в слишком хорошем настроении.

Это не важно. Он приехал, и еще не все потеряно, подумал мой зад. Он радостно затрепетал, когда дверь машины распахнулась, и опустился на роскошное кожаное сиденье шикарного авто. Теперь зад был счастлив.

Григорий Корзун и водил, и разговаривал очень быстро. Его разговоры с Юлианом были настолько стремительными, что лишь через десять минут наступило небольшое затишье, и я смог поинтересоваться, что происходит.

— Что он говорит? — спросил я у слегка скисшего Юлиана.

— Ничего хорошего, — последовал настораживающе знакомый ответ. — Говорит, что его футболиста Строенко вчера ограбили, и он не пришел сегодня на тренировку. Еще он говорит, что его команда играет в среду, и никакого тенниса до этого быть не может — он не хочет, чтобы игроки отвлекались.

У меня внутри все похолодело. Нет. Не сейчас. Только не очередное разочарование.

— Значит, я не смогу сыграть со Строенко, по крайней мере, до четверга?

— Верно.

— Может, я попробую до этого найти Рогачева?

— Не думаю, потому что в среду они будут играть с клубом «Шериф», а так как это команда Рогачева, он тоже будет готовиться к матчу.

О боже.

— И куда он нас везет? — спросил я.

— В отель.

— Нам придется оставаться там до четверга?

— Да, но есть новости и похуже.

Я собрался с духом.

— Что же?

— Ну, это его отель, и он говорит, что тебе придется заплатить за проживание, и что это будет стоить 200 долларов за ночь.

Возмутительно. Юлиан считал дорогим государственный отель в Сороке, а тот стоил 20 долларов за ночь.

— 200 долларов? Он издевается?

— Да, думаю, издевается. Но сейчас я не могу представить, что нам делать. Мы — в его машине, а он — за рулем.

Юлиан выразил очевидное, однако безошибочно определил сущность затруднительного положения, в котором мы оказались. Мы были в машине Корзуна, а он сидел за рулем. Мы ничего не знали ни о нем, ни куда он нас везет, ни что собирается с нами делать. Не считая возможности вцепиться в руль и заставить Корзуна остановиться на обочине, мы были бессильны. Мой зад снова начал неметь.

Григорий Корзун вез нас все дальше через сельскую местность, а мы с Юлианом хранили молчание. Временами Юлиан и наш хозяин обменивались короткими фразами, но я даже не просил мне переводить. Я решил, что сейчас лучше не знать, что происходит. Наконец мы свернули на узкую дорожку и подъехали к огромному дому, который напоминал трансильванский замок; готический стиль во всей его красе — с башенками и горгульями. События и так разворачивались не слишком радостно, а нас привезли в место, которое похоже на декорации к фильму ужасов. Скуби-Дуни за что не вошел бы внутрь, сколько бы «скуби-вкусностей» ему ни предложили.

Григорий вышел из машины и направился к большой деревянной двери, жестом предложив нам догонять. Я неохотно выбрался с заднего сиденья и тут же ступил в лошадиный навоз. Это был явно не мой день. Григорий, увидев, куда я наступил, обернулся и что-то сказал.

— Он хочет, чтобы я снял туфли перед тем, как войти? — спросил я Юлиана.

— Нет, он говорит, что это хороший знак.

Хороший знак? Если лошадиный навоз приносит удачу, то, судя по тому, как шли дела прямо сейчас, требовалось не просто в него наступить, а изваляться с головы до ног.

Григорий вошел внутрь, ожидая, что мы последуем за ним, но мне нужен был короткий тайм-аут с Юлианом.

— До того как войти, — сказал я, — давай обсудим, что происходит.

— Хорошо.

— Нас забрал с автовокзала на вражеской территории незнакомый человек, которого никто из нас раньше не видел, увез в какую-то глушь и предложил остановиться в месте, похожем на дом принца Винсента из «Кровавой бани в доме смерти».

— Да, это не то, чего мы ожидали.

— Да, совсем не то.

Я вздохнул. В такой момент это позволительно.

— Проблема в том, — сказал Юлиан, — что он настаивает, чтобы мы остановились здесь. Он говорит, что, если мы поедем искать отель в Тирасполь, то не найдем ничего дешевле пятидесяти долларов за ночь, и там не будет ни отопления, ни горячей воды, а тебе придется регистрироваться в полиции.

— Хм, мне не очень хочется регистрироваться в полиции, — ответил я, подумав. — Им может понравиться моя камера, и они ее запросто конфискуют. Какого черта, давай войдем; если я здесь умру, мои близкие это поймут.

— Не думаю, что у нас есть выбор.

Мы вошли. За дверьми был короткий коридор, который вывел нас в большой двор, окруженный множеством построек. Это был не отель, а скорее огромный и довольно доходный комплекс — база отдыха для статистов из фильмов ужасов. Григорий устроил нам экскурсию. По благоустроенному ландшафтному дизайном саду, мимо большого колодца с декоративными, вырезанными вручную гномами и затем на теннисный корт. Он очень гордился, несмотря на то что это был самый маленький теннисный корт в мире. Да, он был размечен, как полагается, но забор проходил прямо по периметру корта, поэтому такой роскоши, как стоять за задней линией, не предвиделось, а побежав за мячом, который вылетал за пределы поля, вы мгновенно врезались в вышеназванный забор. Потом Григорий с гордостью указал наверх, на сетку над головами на высоте около двадцати футов. Похоже, на этом корте ни одна сумасшедшая подача не приводила к потере мяча, зато и невозможно высоким ударом обвести соперника. Григорий посмотрел на меня, конечно же, в ожидании похвалы абсурдной сетке. Это было непросто, но я все же выдал великодушную улыбку.

— Господин Корзун спрашивает, — сказал Юлиан, — есть ли у англичан такие корты?

Мне хотелось сказать, что ни у кого в мире нет такого корта, но вместо этого я попросил Юлиана сообщить, что у тех немногих частных домов, которые имеются в Англии, слишком мало земли, чтобы разбивать теннисные корты.

— Может, в Америке, но не в Англии, — добавил я.

Григорий заявил, что до этого показывал свой теннисный корт американцам, и они сказали, что в их садах нет теннисных кортов, а у британцев есть. Этот парень явно считал, что все иностранцы — миллионеры, и, очевидно, подумал обо мне, что я попросту вру, скрывая этот факт. Я еле удержался, чтобы не сказать:

— Слушай, друг, если бы я был миллионером, коим я не являюсь, я бы точно не сделал того, что сделал ты, и не строил бы себе замка — такого вульгарного и выпендрёжного, — особенно если большинство моих соседей жили в полной нищете, кретин.

Не думаю, что это как-то помогло бы делу.

Пока продолжалась экскурсия, я пытался понять, почему этот довольно странный и мрачный человек пригласил меня в гости. Не похоже, что им двигало альтруистическое желание помочь, так как он ясно дал понять, что с его футболистом поиграть в теннис не удастся, по меньшей мере, до четверга. Мое первое предположение — все это для того, чтобы ловко выкачать из меня доллары — казалось вероятным, хотя, судя по хоромам, Корзун не ощущал недостатка в паре долларов. Возможно, он просто хотел показать иностранцу, что, несмотря на коммунистическую систему, человек может сколотить огромное состояние. На какое-то мгновение мне пришла в голову абсурдная мысль, что, возможно, он сделал деньги на похищении иностранцев, и скоро за меня потребуют огромный выкуп.

Но я был очень далек от истины. Настоящая причина приглашения оказалась неожиданной и странной. Все стало ясно, когда нас провели через спортзал, мимо крытого бассейна, в подвал, чтобы показать коллекцию выдержанного коньяка.

— Господин Корзун предлагает, чтобы ты привозил сюда туристов из Англии, — сказал Юлиан, — они будут останавливаться в его роскошном отеле, а ты будешь получать проценты.

О, нет, только не это. Он хочет со мной сотрудничать?

Мне с трудом удалось сдержать первый порыв и не рассмеяться в лицо хозяину и пришлось постараться, чтобы сформулировать вежливый отказ. Это было непросто и едва не оказалось выше моих сил.

— Очень интересное предложение, — начал я, все еще понятия не имея, к чему веду, — и будь я бизнесменом, я бы, несомненно, заинтересовался им; здесь так красиво, и мне, несомненно, хотелось бы чем-нибудь помочь.

Неплохо, учитывая слова, которые на самом деле вертелись у меня на языке. «Слушай, приятель, ты, должно быть, шутишь, никто в здравом уме не захочет сюда тащиться».

После непродолжительного развития темы, во время которого мой потенциальный партнер расписывал, какое это отличное место для охоты, а я, в свою очередь, пообещал написать много хорошего о комплексе (обещание, которое мне сейчас приятно нарушить), нас повели в подвал. Григорий сказал, что ведет нас туда для того, чтобы мы посмотрели на его огромную коллекцию коньяка, более трех тысяч бутылок, но какая-то часть меня вздрагивала от мысли, что нас ведут на казнь, так как я не выразил достаточно энтузиазма по поводу сотрудничества с «Турами в Приднестровье».

Мы спустились по мраморной лестнице, под необычными люстрами, мимо зеркал в деревянных резных рамах и вошли в небольшое помещение, все стены которого были заставлены бутылками. Если правда, что Юрий Гагарин провел в винных погребах Криковы двое суток, здесь он задержался бы недели на две. Тут, казалось, были бутылки всех возможных размеров, форм и цветов. Нам объяснили, что помимо трех тысяч бутылок коньяка в коллекции Григория также более 750 бутылок водки, а еще он совсем недавно начал коллекционировать виски и ром.

Он указал нам на большую бочку на полу и похвастался, что это коньяк сорокалетней выдержки. Он наполнил стакан и всунул мне в руку, наказав Юлиану снимать, как я буду пить. Без сомнений, это должно было стать украшением рекламы «Развлечения для отдыхающих», о которой Корзун так мечтал. Я сделал глоток и сказал в камеру: «Ка-

кой отменный вкус!», немного раздосадованный тем фактом, что лгать мне не пришлось. Коньяк был очень хорош, хотелось же, чтобы напиток не понравился мне так же, как не нравился его поставщик. Этот человек не заслуживал столь тонкого вкуса. Нависая надо мной, Григорий настоял, чтобы я допил коньяк одним глотком, и я послушался. Это была хорошая идея, по трем причинам: вкусно, я угодил Григорию и, самое главное, слегка опьянел. Я бы с радостью утратил чувство реальности, так как в данный момент реальность была не слишком приятной.

Когда мы наконец покинули этот алкогольный рай и стали подниматься по лестнице, Григорий обернулся и произнес нечто, предназначенное, похоже, для моих ушей; однако, до того как Юлиан успел мне перевести, я треснулся головой о балку на потолке. Почти неизбежное последствие недавнего поглощения коньяка. Через несколько мгновений, которые ушли на то, чтобы присутствующие убедились, что со мной все в порядке и что кровь не пролилась, мы продолжили путь.

— Что он сказал до того, как все случилось? — спросил я Юлиана. — Похоже, что-то важное.

— Он сказал, чтобы ты не ударился головой, — последовал незамедлительный ответ.

О!

— Мне нужно поговорить с тобой о скорости перевода.

Помимо удара головой еще одним последствием алкоголя, курсировавшего по моим венам, стало то, что я начал меньше бояться. Прямо как плюгавый парнишка, перебравший в пабе, я уже не опасался ткнуть увальня за барной стойкой и сказать:

— Эй! Пошли-ка выйдем, если думаешь, что ты такой крутой!

Проблема была в том, что в девяти случаях из десяти этот увальень на самом деле крут, и плюгавому парнишке

достается новый удар по его гордости и по голове. Мне всегда казалось, что поэтому на бутылках с алкоголем, как на сигаретах, надо писать:

«Предупреждаем: это пиво может заставить вас нарваться на кого-нибудь гораздо крупнее, чем вы».

Ненадолго взбодрившись от алкоголя, в следующий раз, когда Григорий попросил меня сняться для «Развлечений отдыхающих», я решил повеселиться. Меня проводили в комнату для переговоров, усадили напротив камина с вырезанной по камню надписью «ФК “Тилигул”, Тирасполь» и попросили еще разок благоговейно отозваться о волшебном мире Григория.

— Я нахожусь в переговорной Григория Корзуна, — начал я, улыбаясь в камеру и приняв самую что ни на есть доброжелательную позу, — человека, чьим главным достоинством является то, что он совершенно не говорит по-английски и потому не понимает, что я сейчас говорю. Поэтому, хоть я и показываю вокруг себя и делаю вид, что говорю, как здесь красиво, на самом деле я пользуюсь этой возможностью, чтобы сказать, что этот человек — просто «вселенская задница».

Григорий зааплодировал. Потрясающий миг. Я взглянул на Юлиана, который еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Небольшая победа — за нами. Да, фактически мы были пленниками этого человека, и никаких подходящих способов побега у нас не имелось, но идея в том, что, если уж вас похищают, почему бы тоже не повеселиться?

Полагаю, что, если перебрать всех неприятных, самоуверенных и недоброжелательных хозяев, Григорий был не так уж плох. По крайней мере, он предложил нам поесть, и коньяк лился рекой. Мы оказались в своего рода столовой зоне, на одной из стен висело большое резное деревянное блюдо, на котором были изображены сцены охоты, а на

другой, по диагонали, три ружья, прямо как три птички в типичном доме британского пролетария — главное отличие состояло в том, что птичек вряд ли можно использовать в качестве оружия. («Выберете оружие. Хорошо — на рассвете деремса на воробушках»). Григорий начал рассказывать о том, как был в Англии с национальной футбольной сборной и завершил день в баре отеля в Манчестере. Пиво и сэндвич, сообщил он, обошлись ему в 25 фунтов.

— Да вас обобрали, — сказал я.

Когда Юлиан перевел, настроение в комнате резко изменилось. Григорий не обрадовался. Его лицо исказилось от гнева, и внезапно он обрушил на меня злую и саркастическую тираду. Я явно задел его за живое.

— Господин Корзун говорит, что ты ошибаешься, — сказал Юлиан, явно смягчая выражения, — вы получаете огромные зарплаты и платите те же 25 фунтов, что и он.

Двадцать пять фунтов за пиво и сэндвич? В Манчестере? Настоящий псих.

— Я действительно не хочу здесь оставаться, Юлиан, — сказал я, пока Григорий кричал на какого-то своего сотрудника в смежной комнате. — Когда он вернется, давай попробуем его убедить, что нам до смерти хочется сюда вернуться, но мы не можем позволить себе потерять три дня на отдых, как бы красиво тут ни было.

— Ладно, я постараюсь, но до сих пор он был очень настойчив насчет того, чтобы мы остались.

— Да, но я хочу, чтобы ты очень постарался. Скажи, что я влюбился в это место и что хочу переговорить кое с кем в Британии. А еще, что большая часть моих долларов в Кишиневе, а я хочу иметь возможность как следует оплатить ему за гостеприимство, но не смогу это сделать, если не вернусь туда за деньгами.

— Я постараюсь.

Бедный Юлиан, он никогда в жизни ни на чем не настаивал. Это никак нельзя назвать типичной молдавской чертой.

Когда вернулся Григорий, Юлиан сделал все возможное. У меня было чувство, что шанс есть, особенно потому, что я упомянул, что мои деньги в другом месте. Было подозрение, что Григорий принял бы меня с большей радостью, будь у меня полные карманы денег. Еще один довод в нашу пользу — настроение Григория, похоже, улучшилось после того, как он налил себе коньяка, и на какой-то миг меня, похоже, простили за клевету по поводу стоимости пива в Манчестере.

Юлиан с Григорием общались несколько минут, а я мог только наблюдать, не в силах повлиять на происходящее. Наконец Юлиан обернулся ко мне, и я приготовился выслушать, что нас ждет.

— Удивительно, — сказал Юлиан, — но господин Корзун сказал, что мы можем вернуться в Кишинев сегодня вечером. Он сказал, что двое его футболистов доведут нас до автовокзала через несколько минут.

— Невероятно. Как думаешь, что заставило его передумать?

— Я сказал, что ты хочешь вести с ним бизнес.

— Ясно. Это может стать проблемой, если мы сюда вернемся.

— Да. Но, по крайней мере, сейчас мы свободны.

Я поблагодарил Григория и пообещал вернуться с детальным бизнес-планом, забыв упомянуть, что понятия не имею, что такое детальный бизнес-план. Мы пожали друг другу руки, он изобразил легкую обезоруживающую улыбку, и мы с Юлианом пошли к поджидавшей нас машине, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

В автомобиле футболисты нас проигнорировали и вместо этого завели оживленный разговор на русском. Когда мы приехали на автовокзал, Юлиан сказал, что они обсуждали, что Строенко мог вернуть часть денег, которые у него украли, если бы согласился играть со мной в теннис — при условии, что я за это заплачу. Потенциально дорогостоящая акция. Плата за каждый гейм от англичанина-миллионера.

Единственное, в чем нам повезло за целый день — то, что мы успели на последний автобус до Кишинева за пять минут до отправления. Опоздать означало бы брать такси и подвергнуться риску допроса на границе. Кстати, меня все же расспросили на рубеже Приднестровья, но я ни капли не испугался. Мои чувства притупил коньяк, а случившееся за день приблизило к состоянию «мне все равно».

Солдат спросил, что у меня в сумке, и слегка удивился, когда я сказал, что там теннисные ракетки. Для человека, которого учили поднимать тревогу, обнаружив контрабандные сигареты или автомобильного вора, это был необычный поворот разговора. Озадаченно нахмурившись, он попросил открыть сумку и убедился, что так все и есть. Две теннисные ракетки. Он пожал плечами и прошел мимо. Под ракетками лежала видеокамера, которая заинтересовала бы его больше и, без сомнений, привела бы к дальнейшим расспросам, но теннисные ракетки так удивили солдата, что он предпочел возобновить поиски традиционных нарушителей. Везунчик Тони.

Да, везунчик. Все так, как должно быть. Только пессимист посчитал бы этот день потраченным впустую. Я съездил в Приднестровье на старом разбитом автобусе, и, хотя не сыграл ни с одним футболистом в теннис, а Григорий Корзун не оказался идеальным хозяином, по крайней мере, я с удовольствием размазал лошадиный навоз по его при-

хожей. Да, во всем всегда есть что-то хорошее — надо просто поискать.

Поиски хорошего в Молдавии отнимали очень много сил. Оно пряталось в самых потаенных местах. Я выглянул из окна автобуса в кромешную тьму неосвещенных улиц и вздрогнул. Воздух казался колючим, что, без сомнения, возвещало о начале молдавской зимы. Я начал волноваться, что могу упасть духом. В этой части света духа на всех не хватало.

Просто некоторые эгоистичные негодяи прячут все, что поднимает дух, в своих подвалах.

Глава 10

Зеленый

Ночь выдалась холодной. Для меня это был новый тип холода — сухой, более пронизывающий, пробирающий до костей. И приятнее не становилось, поскольку центральная отопительная система дома, как выяснилось, пребывала в постоянном простое. Несколько дней назад Григор провел меня в заднюю часть дома и показал бойлер. Было непонятно, пытался ли он рассказать о неизбежности ремонта или просто гордился тем, что у него есть бойлер, и был рад им похвастаться, не важно — работал тот или нет. Тепло, как я понял, в Молдавии было роскошью.

Дрожа в постели, я вспомнил, как Анита в Сороке сказала, что школа, в которой она преподавала, как-то закрылась на три месяца, потому что не было отопления, а температура упала настолько, что казалось сущим безумием проводить уроки в классах, где было не теплее, чем в холодильнике. Для меня тепло, как свобода и еда, разумелось само собой. Его регулируешь по желанию, а не так, как я сейчас — количеством надетых свитеров или наброшенных сверху одеял.

Мне не хотелось выбираться из кровати. Снаружи было холодно. Не хотелось видеть за завтраком оживленное личико Елены, которая поглядывала бы на меня с вопросом, обыграл ли я приднестровских футболистов. Я не был готов признаться, что мне удалось только съездить туда и вернуться обратно. Я не собирался признавать, что провалился. Снова. Короче, выбраться из кровати означало погубить мое единственное за всю поездку настоящее достижение, а именно — что под одеялами я наконец согрелся.

Была и еще одна проблема — я не знал, чем мне сегодня заняться. Я бы договорился встретиться с Юлианом в Центре журналистики, но беда заключалась в том, что какие-либо идеи по поводу того, что нам делать, когда мы встретимся, начисто отсутствовали. Идеи попросту закончились, кровать казалась вариантом куда лучшим, нежели попытки что-то придумать. В голове крепла мысль, что, возможно, сегодня я добьюсь большего, оставшись под милыми и теплыми одеялами, чем если пойду встречаться с Юлианом. Он ведь не станет возражать, если я на время о нем забуду; ему, вероятно, до смерти надоело помогать безумному чудику в безнадежном преследовании футболистов. У него были другие, более интеллектуальные занятия.

От одержимости кроватью и уныния меня спасла идея, причем довольно дерзкая. Если предположить, что президенты местных футбольных клубов по характеру похожи на Григория Корзуна, существует подход, способный привлечь их внимание. Самолюбие. Это было рискованное предприятие, но у него имелась важная особенность — у меня появилась причина выбраться из постели.

В Центре журналистики я рассказал о своей идее Юлиану.

— Я не уверен, что это сработает, — моментально возразил он.

Разочаровывающий ответ, и, боюсь, я впервые начал терять терпение.

— Конечно, не уверен, — процедил я, едва скрывая раздражение. — Я тоже не уверен. Но если бы мы всегда делали то, в чем уверены, мир был бы довольно скучным местом.

Молдавия, в частности.

— Ну же, Юлиан, — продолжил я, — давай попробуем. Давай позвоним Зеленому.

Валерий Ротару был президентом ФК «Конструкторул», клуба, в котором мне требовался один игрок — Олег Шишкин. Все знали Ротару по прозвищу — Зеленый, а его команда играла в ярко-зеленых футболках. По словам спортивного журналиста Леонида, у этого человека была аховая репутация. Неизвестно, как насчет деловых отношений, но в мире футбола ходили слухи, что он избивал арбитров, чьи решения ему не нравились. Правда это или нет, Леонид не знал, но Зеленый определенно пользовался огромным влиянием. По крайней мере, вы знали, как с ним общаться — стоять от него как можно дальше. Он был не из тех, кого называют душой компании, этот президент, владелец, менеджер и тренер «Конструкторула», а в те редких случаях, когда заболел, он передавал бразды правления своей дочери. Кому еще он мог доверять, как не своей кровинке? Зеленый явно отличался безмерным самолюбием и потому был именно тем, кого я искал. Я, несомненно, выжил из ума, но, оказавшись так близко к провалу, я был готов на все. Этот человек будет моим кроликом для опытов. Пора браться за выполнение плана, который подразумевал толику вранья.

— Это поразительно, — сказал Юлиан, повесив трубку, — он согласился встретиться с тобой прямо сейчас, потому что потом он едет на тренировку.

— Черт, а ты сказал ему то, что я просил?

— Да, думаю, потому он и хочет встретиться с тобой сейчас. Пошли.

Юлиан схватил пальто и бросил мое мне. Так быстро здесь еще никогда ничего не происходило. Новый план сработал на славу.

Мы выбрались из переполненного макси-такси у офиса ФК «Конструкторул», у офиса, где от нас отмахнулись и ничем не помогли во время первого визита — в мое второе утро в этой стране. Теперь все было по-другому — мы пришли как гости большого босса. Тем не менее я немного замешкался, когда мы подошли к дверям.

— Что такое? — спросил Юлиан.

— Я просто пытаюсь продумать, о чем буду его спрашивать. Нервничаю немного.

— Я тоже. Постарайся его не злить.

— Ладно.

Охранник, чья решительная угрюмость выдавала в нем человека, просто созданного для этой работы (успеха в шоу-бизнесе он бы точно не добился), проводил нас наверх, на один пролет лестницы. Нас ввели в светлый просторный кабинет и попросили подождать. Я уселся в одно из черных кожаных кресел и начал репетировать вопросы, пока Юлиан устанавливал на штатив камеру.

Через несколько волнительных минут за дверью послышался громкий разговор на русском, а потом в кабинет вошел крупный человек лет пятидесяти с пивным брюшком и морщинистым лицом. Зеленый. Слегка вспотевший Юлиан быстро представил нас друг другу.

— Господин Ротару — Тони Хоукс.

Мы пожали друг другу руки, и этим мгновенно смешали два совершенно разных образа жизни. Мой — мягкий и творческий, его — категоричный и агрессивный. Чувствуя

себя слегка беспомощно, я так старался изобразить твердое рукопожатие, что все закончилось искривлением моих лицевых мышц, отчего я стал похож на человека, которого сейчас хватит сердечный приступ. Возможно, это было самое твердое рукопожатие, которое я только мог изобразить, и все же моя рука была раздроблена силой Зеленого, который, без сомнений, имел больше опыта в искусстве приветствия соперников. Для меня это был новый опыт. Я никогда раньше не встречал таких людей. Вряд ли вы встретите много подобной публики во время записи шоу на «Радио 4» или подписывая книги в Чиппин-Нортоне.

Хозяин клуба прошел к своему рабочему столу, демонстрируя фигуру, которая смотрелась бы лучше в смокинге, чем в тренировочном костюме. Я внезапно задумался, почему люди с избыточным весом носят тренировочные костюмы? Им кажется, что так они выглядят подтянутыми и спортивными? Если да, то они занимаются бесконечным самообманом. У них может быть огромный живот, зато тренировочный костюм подтверждает, что они не забывают о своем теле (даже если уже месяц не видели собственные гениталии), а еще они знают, что до спортзала можно доехать на такси. Господин Ротару поразил мое воображение — будучи в тренировочном костюме, он закурил сигару. И что это означало? Вероятно, что он был владельцем спортзала.

— Камера включена? — спросил я Юлиана, который кивнул в ответ. — В таком случае приступим.

Юлиан занял место переводчика, я откашлялся и задал первый вопрос президенту ФК «Конструкторул», который наблюдал за происходящим с неким подозрением.

— Господин Ротару, вы тренер и президент клуба в одном лице. Сложно совмещать обязанности?

Юлиан перевел.

— Да, — сказал господин Ротару.

— Хорошо. А правда, что два года назад вы выиграли чемпионат?

И снова Юлиан перевел вопрос, на который мы получили прямолинейное «да».

— Хорошо. Вы гордились победой?

Еще одно «Да». Как-то слишком лаконично.

Господин Ротару заерзал в кресле и стал ворошить бумаги на своем столе. Потом пыхнул сигарой. Мы, похоже, собираемся испытывать его легендарное терпение? Я воспользовался мгновением, чтобы посмотреть в камеру, тихо жужжавшую за моей спиной. Она казалась совсем крошечной. И это камера, которую Би-би-си способна выделить для съемки документального фильма о футболе в Молдавии? Я надеялся на невежество Зеленого в области телевизионных технологий, а также на собственный апломб, способный скрыть, что я вовсе не являюсь ведущим телевизионным экспертом в области спорта. Но пока ни то, ни другое, похоже, не работало. Нить, которую мы сучили, могла вот-вот распуститься. Второй день подряд мне приходилось терпеть неприятное и чреватое последствиями общение с молдавским предпринимателем. Оно сильно отличалось от того, через что я ожидал пройти, чтобы выиграть пари. Я-то думал, что поймаю веселых полупрофессиональных футболистов по пути с работы домой и договорюсь сыграть с ними в теннис, а потом пойду ужинать с их семьями и друзьями. Но нет. Все шло ужасно неправильно.

— Господин Ротару, — продолжил я с показной резкостью, которая говорила о том, что на самом деле я жутко боялся. — Стало ли для вас завоевание титула огромным личным достижением?

К моему облегчению, я услышал новые звуки, не только скучное «да», которое до сих пор изрекал герой интервью.

По какой-то необъяснимой причине этот вопрос вызвал более восторженную реакцию, и Зеленый заговорил страстно и с такой скоростью, что Юлиан с переводом едва за ним поспевал. Ворота шлюза распахнулись, и нас внезапно окатило потоком самолюбования — да, победа в чемпионате была его личным достижением, в конце концов, он организовал клуб всего пять лет назад, полностью на свои деньги. Это единственный частный клуб в Молдавии, и, когда он смотрел, как парни играют в Европе после победы в чемпионате, его сердце наполнялось гордостью. Пусть они проиграли «Галатасараю», но здесь нечего стыдиться, потому что в одном из последних раундов этот турецкий клуб обыграл «Манчестер Юнайтед».

— Как вы думаете, вам удастся победить в чемпионате в этом году? — спросил я с энтузиазмом, продиктованным не искренним любопытством, а ощущением того, что наживка проглочена.

Зеленый засыпал нас фактами и статистикой предстоящего сезона, видимо, наконец-то решив, что это настоящее интервью и что британская публика должна увидеть, какой он потрясающий человек. Ему понравилось нежиться в лучах софитов, несмотря на то, что их у нас не было. Лжесъемочные группы редко ими пользуются.

В какой-то момент я оборвал его хвастливые разглагольствования, спросив, сколько он платит своим футболистам, и он гордо ответил, что они получают по 3 тысячи долларов в месяц. Щедро, учитывая, что средний месячный заработок в Молдавии равняется 30—40 долларам. Большую часть этой суммы, как оказалось, составляли бонусы, которые команда получала, если выигрывала, хотя Зеленый имел свое представление о бонусной системе. Если его футболисты проигрывали матч, который, как он считал, они должны были выиграть, он штрафовал их точно на такую сумму,

какую составлял бонус. Как человек, который вырос при коммунизме, он остро, практически прямолинейно понимал, какими должны быть стимулы. Он не мотивировал своих игроков призывами к командному духу, а, скорее, позволяя говорить деньгам. Победитель получает все. Очевидно, у него и миссис Тэтчер много общего, помимо того, что им обоим не слишком идут спортивные костюмы.

— Как вы платите футболистам, — спросил я, — если нет ни доходов от зрителей, ни спонсорских контрактов, ни продаж прав на телетрансляцию?

Ответ Зеленого был бесстыдно честным. Он платил из собственного кармана отмытыми деньгами. В этой стране, заявил он, официально заработать невозможно, потому что все теряешь на налогах. Шокирующее замечание, не потому, что оно сообщило что-то новое, о чем я и не подозревал, а потому, что он заявил это в камеру для трансляции по всей Великобритании. Никакой осторожности, никакой вины, ни страха, ни совести. Он был слишком влиятелен для всей этой чепухи. Этот парень мог поступать, в общем-то, как захочет. Он был представителем нового правящего класса Восточной Европы, класса, чей успех, похоже, основывался на переименовании законов в свою пользу.

Зазвенел телефон, и Зеленый, извинившись, ответил на звонок, причем поистине стремительно. Я постарался не задумываться о том, какое беспринципное действие он только что совершил, и вместо этого занялся составлением следующего вопроса. Главного вопроса. Объясняющего причины того, почему я оказался в этом кабинете.

— Помимо съемок телевизионной программы, — произнес я довольно робко, — я также приехал в эту страну, чтобы попытаться выиграть пари. Вы ничего не слышали об этом?

— Нет, — последовал лаконичный ответ.

— Что ж, я позволю Юлиану объяснить.

Я посмотрел на Юлиана и кивнул. Бедный Юлиан. Вот и свежий материал для ответа на вопрос: «Какой была ваша худшая работа?»

Зеленый внимательно выслушал, в какой-то момент рассмеялся, видимо, после упоминания о пении гольшом молдавского гимна. Затем его лицо снова обрело серьезное выражение и вернулось к настройкам суровой несокрушимости от производителя. Он вновь зажег сигару, которая не пережила длинных речей о величии его футбольного клуба, и молча застыл в кресле. Меня начало беспокоить отсутствие какой-либо реакции. Вдруг он раскусил мои мотивы? Я почувствовал, что должен нарушить тишину.

— Конечно же, пари — это просто повод узнать больше о Молдавии и местном футболе.

Я терпеливо ждал, пока он отвечал по-русски, не давая мне ни малейшего шанса угадать, как он теперь ко мне отнесется.

— Господин Ротару говорит, — перевел Юлиан, — что в Молдавии рады твоему приезду и что в этой стране умеют и встречать, и провожать гостей.

Это звучало неплохо, хотя меня немного напрягла двусмысленность последней фразы. Как господин Ротару провожает своих гостей? Особенно тех, кто ему не нравится? Мне доведется об этом узнать?

Он изрек еще что-то по-русски, после чего оставалось лишь с нетерпением дожидаться разъяснений моего застенчивого наемного работника.

— Господин Ротару говорит, — наконец сказал Юлиан, — что разрешает тебе сыграть в теннис с его полузащитником Шишкиным и что ты можешь сделать это когда угодно, после того, как состоится матч с «Ромой» из Бельцев.

На меня накатило огромное облегчение, а затем прозвучали еще более добрые вести. Господин Ротару счел, что

для Шишкина теннисный матч в один из выходных дней будет полезным упражнением, и перед нашим уходом дал нам номер домашнего телефона футболиста, чтобы мы могли созвониться и договориться о поединке.

Более того, нас пригласили на матч с клубом «Рома», который должен был состояться на следующий день, и после него я мог, если захочу, встретиться с Шишкиным. Я откинулся в кресле, не удержавшись от самодовольной ухмылки. Подумать только — этим утром я собирался сдать.

Я выходил из офиса Зеленого, неожиданно и беспричинно полюбив владельца клуба. И не потому, что этот человек дал мне то, что я хотел. Он был в своем роде обаятелен. Когда расслабился, он оказался веселым и остроумным, и уже трудно было себе представить, что у него имеются жестокие и суровые черты характера. Потом мне пришло в голову, что обаяние — обязательный инструмент для завоевания власти. Беспощадный диктатор должен уметь манипулировать, заговаривать зубы потенциальным врагам с фальшивым спокойствием, а это проще сделать за завесой учтивости.

Все безжалостные диктаторы владеют этим мастерством. Взять Саддама Хусейна. Когда бы его ни показывали по телевизору, он всегда меня поражал — у него внешность довольно мягкого парня, даже, можно сказать, приятного. Он молодец. Он может быть радушным хозяином, а через минуту поднять телефонную трубку и приказать кого-нибудь убить. От хорошего к плохому за 6,4 секунды. Именно поэтому он сейчас там, где он есть. У того, кто постоянно старается быть злым, на самом деле никогда ничего не выйдет. Этот мир несправедлив, верно?

Ужин с семьей принес новые доказательства этой теории. Из обсуждения, во время которого я упомянул чрезвычайную разницу между зарплатами, которые получали

футболисты Зеленого, и месячным заработком среднего молдаванина, я узнал, что для тех, кто работал на государство, настоящей проблемой был даже не размер заработной платы, а тот факт, получают они ее вообще или нет. Дине не платили с мая. В это было сложно поверить, так как уже стоял октябрь. Григор не получал зарплату два месяца.

— Но на что же вы живете? — спросил я.

— Пациенты помогают папе и маме, — объяснил Адриан.

Я узнал, что здесь развита примитивная и неофициальная социальная структура, в рамках которой пациенты приносят подарки продуктами или деньгами всякий раз, когда идут к врачу. Им приходится это делать — государство могло предложить лишь пустые обещания, а на них не проживешь. Иногда государство платило рабочим не деньгами, а товарами. Мама Дины, пенсионерка, живущая в деревне, получала вместо денег сахар, рис или муку. Как-то она даже взяла ковер вместо пенсии за полгода. Для рабочих на заводах было привычно получать зарплату товарами, которые они производили, будь то обувь, стремянки или лампочки. Мне рассказали, как один бедняга по имени Виталий, который работал на заводе, изготавливающем насосы для велосипедов, в конце каждого месяца получал сотни этих адских изобретений, и ему приходилось идти с ними на рынок. Как ни ужасно, его выживание зависело от инфляции.

Я пошел спать, чувствуя себя немного виноватым за свою жизнь. Мои хозяева были хорошими и добрыми людьми, работали не покладая рук в полуразрушенных, почти нефинансируемых больницах, а им даже не платили за их труд; я же слонялся по этой стране, тупо пытаюсь доказать свою правоту и выиграть пари для младенцев. Пока я лежал в кровати, погружаясь в сон, мой разум атаковали вопросы, на которые не было ответов. Что вообще происходит? Кто

обращается с нами так по-разному? Правильно ли Он перетасовал карты? Чем все это может закончиться? Стоит ли мне купить здесь несколько велосипедных насосов и взять их с собой в Англию? Столько вопросов, и только «хр...» могло ответить на все.

— Хр-р... хр-р-р-р...

Уже не в первый раз сон приходил мне на помощь.

Сегодняшний день с Юлианом был последним перед четырехдневным перерывом в его работе. Он с самого начала сообщил мне, что у него договоренность — перевод на конференции, — а я совершенно об этом забыл.

— Интересно будет посмотреть, как я без тебя справлюсь, — сказал я, пока мы шли к республиканскому стадиону. — За последние две недели ты стал моими голосом и ушами.

— Да, интересно.

Республиканский стадион был естественным выбором для проведения домашних матчей клуба из Кишинева. Потому что он был в Кишиневе. Вот здесь-то ФК «Зимбру» явно дал маху. Им, вероятно, не хватило тех навыков убеждения, какими владел Зеленый, которому удалось заполучить стадион, на котором играет национальная сборная, для проведения домашних матчей своей команды. Мы с Юлианом не смогли найти вход на трибуны и оказались возле туннеля, по которому игроки выходят на поле.

На мгновение меня охватил тот же трепет, который должен охватывать игроков, когда они шагают рука об руку к ожидающему их волшебному зеленому ковру. У меня разыгралось воображение, и, когда мы вышли из туннеля, я уже был готов махать предполагаемой толпе, которая с нетерпением ждала многообещающее выступление вундеркинда Хоукса, но тут из громкоговорителей заревела бодрая музыка, и настоящие игроки выбежали в центральный круг

и начали махать толпе. Если бы там действительно была толпа, все это выглядело бы не так трагично. Но места вокруг нас пустовали. Только маленькая кучка, около дюжины фанатов «Конструкторула», причем они подозрительно смахивали на фанатов, которых я уже видел и которые всего пару дней назад кричали речевки в поддержку ФК «Зимбру». Мне стало интересно, может, в Молдавии всего десяток футбольных фанатов, и потому им приходится маскироваться, меняя по необходимости свои привязанности? Может, их нанимают, и они болеют за того, кто больше платит, и сегодня Зеленый воспользовался их услугами? Может, он еще оштрафует их за то, что они скандировали не слишком громко.

«Конструкторул» в ярко-зеленых футболках начал игру неплохо, многообещающими атаками, которые, к сожалению, быстро сошли на нет.

— Господин Ротару надеется сегодня на крупную победу, — сказал Юлиан. — Если что пойдет не так, он не обрадуется.

Я посмотрел на скамейку «Конструкторула», где сидел большой босс, на лице которого отражались все эмоции. Он пытался одновременно со злостью кричать на свою команду и пускать клубы табачного дыма, в общем, вел себя так, что это вряд ли способствовало снижению кровяного давления. Возникло ощущение, что в любую минуту он может схватиться за сердце и умереть. Это могло стать проблемой, не будь у меня телефонного номера Шишкина.

Футбольный матч оказался ровно таким же ужасным, какой я уже наблюдал несколько дней назад. Когда бессобытийная игра подошла к концу, до меня дошло, что два с лишним часа я смотрю молдавский футбол, но еще не видел ни одного гола. На восемнадцатой минуте право забить предоставили Шишкину, которого опознали три маленьких мальчика. «Конструкторулу» присудили довольно сомни-

тельный пенальти, и для удара выбрали Шишкина — гибкого, темноволосого и симпатичного. Это было неудивительно, потому что в этой игре он был выше классом всех остальных футболистов. Его работа с мячом и умные пасы куда лучше смотрелись бы на других стадионах. Он заслуживал того, чтобы его игру наблюдали толпы восторженных зрителей.

Шишкин вышел вперед. Вратарь запрыгал на линии, дергаясь, как марионетка на ниточке, а Шишкин сосредоточился. А потом сделал то, чего, как я подозревал, не делал уже много лет. Этот олух промахнулся. Мяч просвистел вдали от левой штанги. Как и я, Шишкин повесил голову. Я повернулся к Юлиану.

— Невероятно, черт его дери.

— Да, не слишком здорово.

Как говорят, футбол — веселая древняя игра, хотя сегодня веселой я бы ее не назвал. Скорее, я бы назвал ее выводящей из себя. После промаха с пенальти Шишкин продолжал активно участвовать в игре, и хотя после случайного гола на последней минуте «Конструкторул» выцарапал победу 1:0, атмосфера матча вряд ли способствовала плодотворному общению. Несмотря на это, я настоял, чтобы мы с Юлианом подождали снаружи, у раздевалки «Конструкторула», в надежде встретить Шишкина и сообщить ему, что мы позвоним, однако через сорок долгих и холодных минут я признал свое поражение. Разговор Зеленого с игроками после матча длился дольше, чем позволяла отопительная система моего организма. Может быть, разговор длился так долго, потому что он никак не мог решить, выдать своим футболистам бонус за победу или оштрафовать их за то, что они играли как тупицы. В любом случае, они вряд ли выйдут из раздевалок с чем-то большим, чем велосипедный насос.

— Желаю удачи на конференции, — сказал я Юлиану, прощаясь с ним на автобусной остановке. — Увидимся в понедельник. Ты же обещаешь позвонить Шишкину?

— Если будет время, я буду очень занят в ближайшие несколько дней.

Честное слово, надо же было связаться с тем, у кого есть своя собственная жизнь.

— Покажи им там.

— Хорошо.

И он исчез в бескомпромиссной темноте молдавской ночи. Был вечер среды, и у меня не осталось ни малейшей надежды сыграть с каким-нибудь футболистом, по крайней мере до понедельника, особенно теперь, когда я потерял переводчика. Я столкнулся с новой и в некоторой степени судьбоносной проблемой.

Мне выпали четыре выходных дня.

Глава 11

Жизнь по-молдавски

В четверг вечером мысль о четырех абсолютно свободных днях внушала страх. Как и ожидалось, в Центре журналистики с предложениями, как провести время, было негусто.

— Ты был в Старом Орхее? — спросил американец Том. — Там здорово.

Вот, в общем-то и все.

К несчастью, я был вынужден самостоятельно разнообразить досуг.

В отличие от Румынии, в Молдавии нет туристического бизнеса. Саму идею зарубили на корню, едва она возникла, ввиду полного отсутствия туристических аттракционов. Ни гор, ни побережья, ни водных видов спорта, ни транспорта, ни милых маленьких деревенок, ни ночной жизни, ни уличного освещения, ни национальной кухни, ни улыбок, ни, черт возьми, чего-либо еще. Это место настолько не походило на Венецию или Ибицу, насколько лишь возможно себе представить.

У меня мелькнула мысль провести это время в Санкт-Петербурге и попытаться найти игрока Александра Курти-

яна, но я отказался от нее, когда узнал, что российское посольство делает визу четыре дня. Также я думал о том, чтобы съездить в Румынию, поскольку Трансильванские горы и курорты Черного моря совсем недалеко, но для этого требовалось провести скверные сутки в поезде, не считая административных проблем, ведь у меня была однократная виза.

В общем, пришлось остаться в Молдавии. Ну, или вернуться в Англию. Сдаться и вернуться домой. Как бы я ни желал успеха, я все же не мог не рассматривать этот вариант. То есть, что вообще я тут делаю? Скоро две недели, как я здесь, а мне все еще не удалось сыграть ни с одним футболистом. Я не слишком весело проводил время — впрочем, надо признать, приключение с самого начала это предвещало. Есть ли смысл продолжать, по-прежнему добиваться абсурдной цели? Я чувствовал себя, как пес, вцепившийся в палку; челюсти сводит, десны с каждой минутой становятся все краснее от крови. И зачем мне это? Я готов лечь в свою корзинку; хочется, чтобы кто-нибудь бросил мне печенье, завернул в одеяло и погладил по голове. На кой хрен мне сдалась эта чертова палка? Она ведь не из мяса.

За завтраком, на который традиционно подали макароны, я, однако, вел себя как ни в чем не бывало.

— Что будете сегодня делать? — спросил Адриан.

— О, у меня полно дел в Центре журналистики.

— И когда вы сыграете с первым футболистом?

— Скоро.

Скоро. Хорошее слово. Звучит гораздо приятнее, чем «хрен его знает».

— Вы не придете к нам в школу на урок английского? — спросила Елена, порадовав меня переменной темы.

— Зачем?

— Чтобы поговорить с нами по-английски. Я рассказывала о вас всем, и все хотят с вами познакомиться.

— Правда?

— Да, пожалуйста, приходите. Я спросила нашу учительницу, и она сказала, что так можно. Почему бы не завтра утром?

— Э-э... ладно, хорошо, думаю, у меня найдется время.

После того как семья разошлась по городским больницам и школам, я решил пробежаться в ближайший парк и попытаться придумать, чем заняться. Иногда мне кажется, что физическая нагрузка и успокаивающий ритм переставления ног помогают сосредоточиться. На сей раз я бежал и думал очень старательно.

Возможно, я просто не хочу проиграть пари Артуру или отказываюсь признать, что моя оптимистическая философия безнадежно ущербна. Однако, по большому счету, дело ни в том и ни в другом. Кое-что еще заставило меня крепче вцепиться в палку. Впервые с тех пор, как я сюда приехал, кто-то чего-то от меня захотел. Елена просила, чтобы я пришел к ней в школу. Да, знаю, это мелочь, но она значила для меня очень много. Ни разу с тех пор, как я ступил на молдавскую землю, никто ни о чем меня не просил и не предлагал мне что-то сделать. Вечно приходилось самому все устраивать, выступать зачинщиком, и это утомляло и разочаровывало. Однако одиннадцатилетняя девочка все изменила. Своим приглашением в школу она показала, что кому-то есть до меня дело. По крайней мере, ей самой. И не важно, если никому больше; одной этой причины достаточно, чтобы остаться. В любом случае, пока.

В тот день события продолжали развиваться в позитивном ключе. Когда я позвонил в Центр журналистики и мне сообщили, что Марчел приглашает съездить в субботу в Старый Орхей, я буквально остолбенел. Две недели тишины — и сразу два приглашения за один день. Интересно,

связан этот внезапный всплеск общественной жизни с тем фактом, что я лишился Юлиана, и местные ощутили необходимость заботиться обо мне? Если так, стоило, наверное, сделать это раньше.

Я прошелся к Национальному теннисному центру в надежде сгонять партию, и мне опять повезло — я столкнулся со своим недавним франкоговорящим знакомцем Яном, который устроил для меня игру с многообещающим подростком Александром. На исходе часового поединка этот юнец практически в одну калитку вынес меня на тай-брейке. Внезапно я осознал, что нахожусь не в форме и, чтобы победить в пари, должен играть гораздо лучше. Может, потратить эти четыре дня, чтобы восстановить навыки до должного уровня?

После матча дружелюбный и довольно пухленький на вид Александр научил меня, как считать очки в теннисе на румынском. Через несколько минут я знал все, что, будем надеяться, понадобится при встрече с моими противниками.

Cincisprezece — ноль

Trezece — ноль

Patruzece — ноль

Avantaj Хоукс

Ghem Хоукс

Александр отчего-то решил, что я эксперт по теннису, и спросил меня, не знаю ли я, почему в теннисе такая необычная система счета. Да уж, хороший вопрос, я сам им задавался. Почему одно очко — это «пятнадцать»? Почему «deuce» значит «равно»? Почему «love» — это «ноль»? Что значит «преимущество» того или этого? В Лондоне, проведя целый день в библиотеке, я выяснил лишь, что точного ответа на этот вопрос нет ни у кого и что теннис — очень

древняя игра, которая появилась во Франции еще до того, как люди стали все записывать. Считается, что система счета по 15 за очко берет начало в Средних веках, а 40 — есть сокращение от первоначальных 45. «Deuce» — искажение французского «à deux» и значит, что для полной победы игрок должен заработать два очка подряд. Никто точно не знает, откуда взялся термин «love» вместо «ноля», но есть предположение, что он произошел либо от французского «l'oeuf» — «яйцо», которое по форме напоминает ноль, либо от нашего слова «love», когда появилось выражение «любовь — пустышка». (Дикие времена, раз любовь называют пустышкой.) Подача называется подачей потому, что игру начинал за своего хозяина слуга. Практичный игрок вполне мог этим воспользоваться:

— Ах, мой дорогой лорд Солсбери, мне не терпится с вами сыграть. Вы знакомы с моим слугой Сампрасом?

Александра, похоже, не слишком удовлетворил мой ответ, когда я попытался передать суть рассуждений простым английским языком.

— Ты что-нибудь понял, Александр? — спросил я.

— Да, почти все, — ответил он.

— Знаешь, я всегда говорю, — продолжал я, — что, по-моему, лучше бы мы воспринимали слова судьи в начале каждого матча как совет: «Love all» — «Любите всех». Следуй мы этому совету, мир стал бы намного приятнее. Однако мы живем в дерьме, потому что все озабочены лишь преимуществами.

Александр озадаченно посмотрел на меня.

— Я не понимаю.

Не ты один, Александр.

Елена волновалась. Может, она думала, что я откажусь, но ее личико засветилось от радости, когда я встретился с ней у школьных ворот.

— Это моя подруга Марианна, — сказала она, указав на хорошенькую девочку, которая сделала что-то вроде реверанса. — Пойдемте, мисс Тудореяну ждет.

Учительница и вправду ждала. Она проводила меня в класс и продолжила вести урок так, будто я был школьным инспектором. Будь это на самом деле так, я бы поразился тому, насколько прилежно дети читают. Вскоре я уже был поглощен захватывающей историей о дяде Оскаре и тете Агате.

— Мой дядя Оскар замечательный человек, — начала Елена, которая вызвалась читать первой, тянула руку с таким рвением, что, казалось, рисковала ее вывихнуть. — Каждое утро по понедельникам, вторникам, средам, четвергам и пятницам он садится на 745-й автобус и едет на работу...

Изредка мисс Тудореяну поправляла ошибки и не давала мне полностью увлечься драматическими событиями жизни дяди Оскара.

— Каждое утро дядя Оскар ходит в банк и возвращается домой довольно поздно. Он не занимается спортом. Он любит музыку, но не играет ни на пианино, ни на скрипке, ни на флейте, ни на каком-либо другом инструменте. Он практически не бывает в театре или кино и не ходил на выставки и в музеи...

Реальный чувак этот дядя Оскар. Интересно, кто-нибудь уже приобрел права на экранизацию этой истории?

Насколько я понимал коммунистическую систему, образование, похоже, было единственной сферой, с которой у них все обстояло в порядке. Школы финансировались хорошо, учителя были уважаемыми членами общества, дети соблюдали дисциплину. Терпеть не могу рассуждать как консервативный старикан, но детям нужна дисциплина. Да они до смерти ее любят. Жить без нее не могут, и, по моему опыту, им ее вечно не хватает. Сейчас я в том дурацком

возрасте, когда ходишь на вечеринки, а люди приводят с собой детей. В результате слишком часто на многих пикниках в течение слишком многих лет вечера портил какой-нибудь маленький избалованный сорванец, пытаясь выколотить мне глаз или выдавить кетчуп на голову. Многие говорят в пользу режима, который за подобное поведение ссылал в сибирский ГУЛАГ. По крайней мере, на пикниках при коммунистическом режиме вы бы ни за что не услышали такую фразу:

— Милый, не втыкай туда шампур, не думаю, что Тони это нравится.

Когда урок подходил к концу, мисс Тудореяну обратилась ко мне.

— Тони, вы не расскажете что-нибудь детям? — спросила она, застав меня практически врасплох.

— О чем?

— О Лондоне. Может быть, о Британском музее?

До того, как я успел объяснить, что абсолютно ничего не знаю о Британском музее, меня вывели к доске и представили так, будто я был ведущим мировым экспертом по музеям.

Все, что последовало далее, представляло собой поразительное сочетание полного бреда и сплошных домыслов. Надеюсь, ни один ребенок меня не слушал, а удивительные иностранные звуки, лившиеся с моих уст, воспринимались не более как фоновый шум в мире грез. Однако я опасаюсь, что однажды какой-нибудь молдавский подросток в Британском музее потребует показать ему сокровища короны и спросит, где же дворцовая стража. Я закончил, дети обрадовались и восторженно зааплодировали. Такой аудитории легко угодить. Если честно, все, что для этого требовалось, — не быть мисс Тудореяну; впрочем, признался я себе, даже будь я ею, все прошло бы на высшем уровне.

За последние дни я совершенно не продвинулся к цели, которая меня сюда привела, но, что важно, мне стало несколько комфортнее. Вместо зарождавшегося презрения постепенное знакомство со страной медленно, но верно всеяло в меня уважение и любовь. Я научился видеть не только угрюмые лица на улицах, но и улыбки, которые невозможно вызвать обыкновенной вежливостью. В этой стране люди страдали, страдают и, возможно, будут страдать. В этой культуре не было места общественным банальностям. Это не то общество, где вы желаете людям хорошего дня, а они оборачиваются и говорят в ответ: «Нет, спасибо. У меня другие планы на сегодня». Я начал понимать, что надо набраться терпения и подождать, пока люди сами тебе откроются, вместо того чтобы их к этому принуждать. Доверие, как и многое другое здесь непросто добыть, но стоило им обзавестись, как двери распахивались сами собой.

Семья Дины и Григора окружила меня теплом, ничего подобного я не мог даже представить. Возможно, поначалу ко мне отнеслись прохладно, когда я прибыл в их страну, самонадеянный и преисполненный оптимизма. Однако с тех пор, как все пошло наперекосяк, я стал проявлять смирение, и это сблизило меня с ними. За обеденным столом мы больше смеялись. Язык, безусловно, оставался преградой, но я нашел способ добиться понимания — благодаря пантомимам. Дина, увидев, как я изображаю перебравшего водки человека, которого заметил как-то у бара однажды вечером, сказала, что я напоминаю мистера Бина. (После этого я решил немного умерить пыл.)

Теперь я участвовал в семейной жизни. Адриан все чаще вылезал из своей комнаты, чтобы поговорить со мной. В глазах Елены, которая всегда была на моей стороне, я был почти идеальным заезжим дядюшкой, тем более что в школе она сама сделалась популярной личностью, после моего появления на уроке английского. Григор, который, казалось,

искренне удивлялся всякий раз, когда я возвращался домой, что со мной по-прежнему невозможно поболтать по-румынски, проявлял расположение по-своему: хлопал по спине, клал руку мне на плечо, когда проваливалась очередная попытка завязать беседу. Преграды рушились. Я начал чувствовать себя членом семьи.

Однажды меня пригласили в гостиную выпить со старым школьным товарищем Григора Анатолием, офицером, который пришел обмыть свое повышение и новое звание полковника. Гордо стоя посреди комнаты в парадной форме, он обеспокоенно покосился на чужака; очевидно, таких, как я, он рассматривал исключительно в качестве потенциального противника. Однако после стопки коньяка он успокоился, мы сфотографировались вместе и исправили пару неверных суждений, которых придерживались, о лидерах наших стран. Теперь я знал, что Горбачев — придурок, а Анатолий — что Маргарет Тэтчер выжила из ума.

Марчел был оперным певцом, братом Андрея из «Флайинг поустрмен», парнем с чрезвычайно громким голосом; мы с ним познакомились в первое утро моего пребывания в стране. Он пообещал организовать машину с водителем, чтобы съездить в Старый Орхей, где мне предстояло снимать на камеру, как он поет молдавский национальный гимн на вершине утеса. Лучшего способа продемонстрировать Артуру музыкальный номер, который проигравшему в пари придется исполнять самому, и придумать нельзя было. Единственной разницей между выступлениями будет то, что Марчел станет петь одетым, а Артур — голышом. Я позволил себе мысленно хохотнуть, отважно забыв о том, что, судя по течению событий, петь нагишом, скорее, буду я сам.

Стояло морозное осеннее утро. Марчел пообещал забрать меня из дома в девять. В десять я начал сомневаться в том,

Все, что я знал о Молдавии — это имена одиннадцати человек, напечатанные на предпоследней странице газеты

Путь в Молдавии никогда не был прямым

Мой верный переводчик Юлиан — мы были неплохой командой

Сегодня мы выступаем не как ранние «Битлз» — а как «Флайинг поустмен»!

«Будете жить в семье врачей с двумя детьми. Типичные молдаване. Они вам понравятся»

Naroc!

Друг Григора Анатолий доказывает, что у полковников невероятно длинные левые руки

Марин изобразил столь ослепительную улыбку, что в глазах чуть не забегали солнечные зайчики

Мои новые молдавские друзья-цыгане

Зеленый. Не душа компании

Справедливый обмен — круглый стол...

...на ужасное нижнее белье

Люди шли по своим делам с неизменно мрачным видом, и атмосферу, хоть и не враждебную, никак нельзя было назвать добродушной

«В Приднестровье все звонки бесплатные, но людям нечего сказать друг другу»

*Молитва у Стены Плача.
Прямая линия с Богом?*

Марин Спыну

Александр Куртиян

Сергей Рогачев

Денис Романенко и Юрий Митерев

Ион Тестимициану

Сергей Строекко

Олег Фистикан

Виталий Кулибаба

Олег Шишкин

Радун Рубежа

«Полгода Тони провел, гоняясь за молдавскими футболистами по всему миру, и сегодня он устроит нам скучную презентацию»

Толпа получила то, что хотела, — наготу

что он приедет. К одиннадцати моя злость иссякла. Я понял, что ненадежность — еще одна характерная молдавская черта. Коринна дважды договаривалась с неким местным журналистом об интервью со мной, и оба раза никто не явился. Никто не перезванивал с извинениями, ничего не объяснял и даже не пытался назначить встречу на другой день. Вероятно, газете не было интересно, что английский комик приехал в Молдавию, чтобы обыграть национальную футбольную сборную в теннис. Страшно подумать, что нужно сделать, чтобы молдавская газета снизошла до упоминания твоего имени где-нибудь на внутренней полосе. Я спросил Коринну, и та ответила: прессу так долго контролировали, что она до сих пор не обрела собственный голос.

— Надо помнить, — довольно поэтично выразилась Коринна, — что более полувека мы были птицами в клетке. Теперь клетка открыта, но летать мы разучились.

Эта фраза помогла мне понять многое из того, с чем я здесь сталкивался.

— А можно добраться до Старого Орхея на автобусе? — спросил я Адриана, который был только рад отвлечься субботним утром от рутинных занятий по дому и выключил на время пылесос.

— Думаю, да, но ведь Марчел заказал машину.

— Возможно, однако он не затруднил себя тем, чтобы заехать за мной.

— Это меня не удивляет. Мне кажется, он странный, — заметил Адриан, который составил мнение о Марчеле после разговора по телефону, в процессе подготовки к сегодняшнему несостоявшемуся событию.

— Может, меня и подставили, — торжественно объявил я, — но сегодня слишком чудесный день, чтобы его пропускать, поэтому я собираюсь съездить в Старый Орхей на автобусе.

— Думаю, это непросто, — осторожно заметил Адриан.

— Может, и так, — сказал я, принимая горделивую позу великого путешественника, который отправляется в эпический поход. — Но увидишь, я справлюсь, ведь мне неведомы неудачи.

Вместо улыбки, на которую я рассчитывал, Адриан молча включил пылесос. Пусть он и справился со своей первоначальной холодностью, но все еще оставался единственным членом этой семьи, кого я никак не мог рассмешить. Крепкий орешек.

Первая часть путешествия прошла довольно легко. Я стал своего рода специалистом в искусстве поездок на макситакси и поэтому, когда пришел на автобусную станцию, чувствовал себя вполне уверенно. А почему не быть уверенным? Я бывал здесь дважды, перед поездками в Сороку и Приднестровье, и никаких трудностей не испытывал. Правда, я был с Юлианом, но, право, что сложного в том, чтобы купить билет и сесть на автобус? У билетных касс толпились люди, такой сумятицы субботним утром я еще не наблюдал. Я встал в очередь за билетами в четырнадцатую кассу и через десять минут приблизился к заветному окошку. Однако всякий раз, едва я собирался открыть рот, чтобы начать переговоры с кассиршей, кто-нибудь бесцеремонно влезал передо мной. Это продолжалось до тех пор, пока не осталось никого, кто хотел бы влезть без очереди, и я наконец смог обратиться к женщине, которая сидела за разделявшим нас поцарапанным стеклом.

— Orheiul Vecchi, va rog, — сказал я, как смог, по-румынски.

Женщина покачала головой. Я повторил. Она снова покачала головой. Что она хочет сказать? Что Старый Орхей не существует? Что я должен смириться? Я попробовал еще разок.

— Orcheiul Vecchi, va rog.

В этот раз она показала куда-то в сторону. Бесполезно. Мне не нужно направление. Мне нужен билет. Я молча стоял перед кассой, а женщина произнесла что-то по-румынски, чего я не понял. Сообразив, что перед ней иностранец, она повторила то же самое, громче и быстрее. Я кивнул, развернулся и побрел в сторону, решив, что просто не понравился этой женщине и что, возможно, мне больше повезет в пятнадцатой кассе.

Не знаю, может, в этой стране абсолютно иные правила стояния в очередях, но я определенно не мог их понять. Мне очень не нравилось правило, которое можно сформулировать так: когда подходит очередь англичанина, огибайте его справа и отпихивайте левой рукой.

Все десять минут, в течение которых я был соблазнительно близок к тому, чтобы меня обслужили, я смотрел на кассиршу в будке и успокаивал себя тем, что, хоть мне это и начинало порядком надоедать, я никогда не буду выглядеть таким злобным, как она. На фотографии с именем, приклеенной к окошку, она выглядела ужасно, но, честно говоря, фото ей льстило. Ее звали Лолита Левченко. Лолита — имя, которое вызывало в мыслях образ чувственной юной красоты. Вызывало до сих пор. Здешняя жирная Лолита средних лет, чтоб ее, дождалась момента, когда я соберусь упомянуть место своего назначения, и решила позвонить. Думаю, звонила она вовсе не агенту по поводу съемок для модельного агентства в Сан-Тропе.

— Orheiul Vecchi, va rog, — сказал я, когда она наконец занялась делом и закончила общаться с парнем; который влез передо мной.

— Casa patruzese, — сказала она, махнув куда-то вдаль.

Ага! Это я понял. Это означало, что мне требовалась сороковая касса. Почему именно она, выяснить я не сумел, но, судя по энергичным жестам маленьких толстых пальцев, сороковая касса была где-то в соседнем здании.

Я пошел туда, куда указал палец кассирши, и очутился на улице, точнее на многолюдном рынке, по которому люди бродили с курами и другими птицами и животными, зажатыми под мышками или засунутыми в сумки. Предположив, что это не сороковая касса, я вернулся на вокзал. Однако после четырех кругов по зданию удача так и не улыбнулась, поэтому я снова вышел наружу, где один парень тут же попытался продать мне живую индюшку. Я отклонил предложение, отчасти потому, что вообще-то мне требовался билет в Старый Орхей, а не индюшка, а отчасти потому, что только полный идиот купит первую попавшуюся индюшку. (И вообще, мудрый покупатель, до того как направиться в сторону ближайшего рынка, сперва прочтут журнал «Индюшка-ревью».)

Рынок изобилует людьми, и на миг-другой меня взбодрила эта безостановочная суeta. Казалось, здесь можно купить все на свете — одежду, электротовары, инструменты, кухонные принадлежности, живых животных, рыбу и даже лекарства. Несколько дней назад Юлиан сказал, что большая часть лекарств на прилавках пожертвована правительству иностранными благотворительными организациями, но оказалась выставленной на продажу из-за царящей в стране коррупции. Бедняки, роившиеся вокруг, вынуждены были платить за безвозмездные дары их стране, и в результате кому-то из них приходилось продавать индюшек, чтобы приобрести здоровье для семьи.

Поток клиентов принес меня к одноэтажной кособокой постройке, я поднял взгляд и увидел над стеклянными окошками цифры 40—44. Ага! Касса номер сорок здесь. Мудрые компетентные органы, очевидно, считали, что продажа билетов в случайных местах сделает жизнь путешественника гораздо интереснее, чем если продавать все в каком-нибудь привычном месте, вроде автовокзала.

Я встал в очередь, смирившись с неизбежным отсутствием уважения к себе со стороны местных жителей, и всего через двадцать минут уже общался с женщиной, которая не послала меня прочь при одном упоминании Старого Орхея. Она даже немного говорила по-английски и нарисовала примитивную карту, объяснив, что мне придется ехать на двух автобусах, сесть на тот, который идет до Орхея, и там, где дорога поворачивает к Иванче, пересесть на другой. Если я сойду в нужном месте, этот второй автобус доставит меня в пункт назначения. Звучало сложновато, но, несомненно, тот, кто только что успешно нашел сороковую кассу, в состоянии с этим справиться.

Я показал карту, нарисованную кассиршей, водителю, и он издал множество приятных звуков, которые, похоже, означали, что это правильный автобус. Девушка, которая заходила в салон следом за мной, также кивнула в подтверждение. Отлично. Я отправляюсь в путь, и на это ушло чуть больше полутора часов. Все места были заняты, поэтому я прошел в глубь салона, где было достаточно просторно, чтобы стоять. Я облокотился о бортик у запасного колеса, которое находилось под задним окном, и приготовился смотреть на уплывающий вдаль город. Девушка, которая зашла после меня, встала рядом и одарила меня милейшей улыбкой, обнажив несколько ужасно запущенных зубов. Она, вероятно, немного удивилась, увидев иностранца, путешествующего в одиночку на автобусе. Те редкие представители Запада, которые приезжали в эту страну, старались не пользоваться общественным транспортом, так как их предупреждали, что разбитые автобусы почти всегда переполнены, особенно в субботу утром. Хотя все было не так уж плохо — пусть сиденья не досталось, зато вокруг было достаточно свободного пространства, а автобусы я видел и похуже.

Двадцать минут спустя мы все еще стояли на автовокзале, но людей в автобусе стало в два раза больше. Водитель втиснул в автобус безумное количество народа, масса которого теперь расплющивала меня по заднему окну. Пожелай я развернуться, это было физически невозможно. Я оказался в западне. Я хотел выйти, но не мог. Мои причиндалы прижали к запасному колесу, так что в штанах все встопорщилось, и стороннему наблюдателю могло показаться, что он видит перед собой сексуального маньяка. Девушку с запущенными зубами буквально вдавили в меня, но это не помешало ей снова мило мне улыбнуться. Боюсь, я не мог ответить ей тем же. Мне было слегка неудобно. Мое состояние слишком напоминало сексуальный акт с колесом. Причем на людях.

Когда водитель наконец убедился, что автобус полон и что он единственный, кто по-прежнему может позволить себе роскошь пошевелиться, мы отъехали. Поездка была не слишком приятной. (Нечасто езда на колесах, впрочем, бывает приятной.) Через полчаса, как раз тогда, когда чрезвычайное неудобство моего положения начало причинять боль, а трение тела о колесо угрожало расплавить резину, мы остановились в небольшой деревеньке под названием Драсличень, где сошли довольно много пассажиров. Я снова обрел способность дышать и понял, что вспотел. А ведь было начало ноября. Как же страдают местные жители в этих поездках в разгар лета?

Когда мы двинулись дальше по ухабистой дороге, в основном, скучной и ничем не примечательной, я твердо решил отказаться от первоначального плана. И речи нет о том, чтобы выйти из автобуса и сразу же сесть на другой. Я не собирался в здравом уме подписываться на новую пытку. Этот автобус шел в Орхей, не в Старый Орхей, но, насколько я знал, для дневной экскурсии и просто Орхей — неплохой вариант. На карте он выглядел довольно большим

городом, в котором должно найтись что-нибудь интересное. Поброжу, пообедаю немногим позже обычного, выпью пива и уеду. Единственным автобусом, на который я был готов сесть, виделся тот, что отвезет меня домой.

Еще один душный и всецело неприятный час пути, на протяжении которого я продолжал ловить улыбки своей спутницы. Похоже, я ей понравился, несмотря на мои интимные отношения с колесом. Очевидно, ревнивой она не была. Надо сказать, девушка довольно симпатичная, по крайней мере когда не улыбалась и не демонстрировала неадекватность молдавской стоматологии. Я, как человек, который всегда первым делом ищет в женщине красивую улыбку, был немного расстроен, оказавшись в стране, где это редкость. Не столь мелочный тип разглядел бы истинную красоту внутри — не смотрел бы на зубы, — но мне успешно промыли мозги лучезарные улыбки актеров западной телерекламы, и я, как ни старался, не мог найти ничего хорошего в том, что видел — то есть в девичьем ротике с испорченными зубами. Нужно над этим поработать, а заодно и над тем, чтобы привести себя в порядок и убедить молдавских футболистов сыграть со мной в теннис.

Автобус притормозил, и девушка постучала меня по плечу.

— Вы... вам тут выходить, — робко сказала она.

Здесь? Я огляделся. Вокруг полно народа, который мог бы здесь выйти, пошутил я про себя.

— Вам выходить, — повторила она. — Сейчас. Тут.

Я все понял. Не зная о том, что я передумал, девушка привлекла мое внимание к развилке дорог, на которой я должен был пересесть на другой автобус.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Я решил остаться в автобусе и поехать в Орхей.

Она не поняла и повторила свой совет немного настойчивее. Ничего страшного, через секунду автобус поедет, и

этот краткий миг неловкости минует. Собравшись повторить, что у меня новый маршрут, я заметил суету на передней площадке. На передней площадке, выключив мотор и выбравшись из своего закутка, стоял водитель. Он что-то кричал и размахивал руками. Что случилось? Вспыхнула какая-нибудь семейная вражда?

Небольшой скандал начал разрастаться, когда пассажиры поблизости от водителя тоже принялись кричать и жестикулировать. Объект их внимания, похоже, находился где-то рядом со мной, но я не мог понять, кто это. Нетерпеливый водитель полез сквозь толпу, продолжая громко ругаться. Пассажиры, которые поначалу не участвовали в споре, начали переживать, что автобус задерживается, и стали выражать свое недовольство вслух. В итоге все голоса слились в громкий гул. Однако оставалось непонятным, кто вызвал раздражение водителя; правда, учитывая накал страстей, этому парню скоро понадобится предоставить ну очень убедительные аргументы в свою защиту.

И тут произошло кое-что ужасное. Невероятно ужасное. Я вдруг понял, что этот парень — я сам. Это на меня все кричали. Это я задерживал автобус. Я поежился. Для тех, кто никогда не попадал в автобус, битком набитый молдаванами, которые в голос орут на вас, уточняя: именно такой будет ваша реакция, независимо от того, какая на улице температура. Я посмотрел на пассажиров: раскрасневшиеся лица, неистовые взмахи рук, загадочные звуки чужеземной речи. Это уже чересчур. Что происходит? Что я такого сделал? Ответов не было. Мой разум породил одну единственную мысль, и она повисла у меня перед глазами, точно газетный заголовок.

Боже, мне срочно нужен Юлиан!

Он бы растолковал мне, что тут происходит, и объяснил остальным, что я хороший, я не убивал их президента и не

делал ничего, что могло бы их расстроить. Я не виноват! Они не могут со мной так поступить, разве эти люди не знают, что я полностью оплатил членские взносы «Международной амнистии»? Единственной надеждой оставалась моя вновьявленная поклонница.

— Что такое? Чего они хотят? — спросил я у нее.

— Чтобы вы вышли. Идите. Туда. Сейчас, — последовал ответ.

— Но почему?

— Потому что отсюда вы едете в Старый Орхей. А мы едем в Орхей. А вы — в Старый Орхей.

И все? Водитель с пассажирами подняли восстание из-за того, что хотели убедиться, что я выхожу там, где собирался? Невероятно, совершенно не сочетается с молдавским характером; до сих пор я наблюдал повсюду лишь одно его проявление — кому какое дело. Однако факт оставался фактом. Я тоже замахал руками.

— Нет, нет! — прокричал я. — Я передумал. Я хочу остаться в автобусе и поехать с вами в Орхей!

Реакция меня потрясла. Автобус мгновенно затих, несмотря на то, что никто, похоже, не понял моих слов. Пассажиры обернулись к водителю. Они явно собирались вести себя, исходя из его реакции. Он на мгновение уставился на меня, а затем указал на дверь и что-то весьма эмоционально произнес. Несколько пассажиров его поддержали. Я оказался в затруднительном положении. Эти люди пытались помочь. Они изо всех сил старались высадить меня там, куда, как и сказал, я хотел попасть. Они задержались на пути ради того, чтобы я не сбился со своего. У меня было всего несколько секунд на раздумье. Автобус стоял слишком долго, водитель наверняка должен продолжить доставку пассажиров до пункта назначения согласно расписанию. Так что, выйти из автобуса и удовлетворить этим водителя и

пассажиров? Или упорствовать и продолжать всех расстраивать? Ладно-ладно, это не «Выбор Софи», но очень близко к тому.

Я выглянул из окна и увидел не просто перекресток дорог в молдавской сельской глуши. Я увидел человека, иностранца, англичанина по имени Тони, брошенного в захолустье — человека, которому не удалось втиснуться в автобус, ставшего жертвой бандитов и дрожащего в канаве с приближением ночи. Нет уж. Я остаюсь. Я посмотрел на водителя и потряс головой. Он потряс в ответ. Я опустил взгляд. Я достаточно ясно дал понять, что не сдвинусь с места. Я услышал, как водитель пробормотал что-то себе под нос, и краем глаза заметил, как он в отчаянии потрянул головой и повернулся. По салону пронесся рокот неодобрения. Потом завелся мотор. Девушка посмотрела на меня.

— Вы едете в Орхей? — спросила она.

— Да, я еду в Орхей.

Я ехал в Орхей.

— Куда вы теперь? — спросила девушка, когда я оказался на какой-то пустоши, которая была центром города Орхей.

— Не знаю. Я думал что-нибудь съесть. В Орхее есть ресторан?

— Ресторан? Нет, не думаю.

— Нет ресторана? Но должен же быть хоть один?

— Может быть. Идите за мной.

Может быть. Чем закончится мое пребывание в стране, задумался я, где в ответ на вопрос «Здесь есть ресторан?» отвечают «Может быть»?

Пока мы поднимались по ступеням к той части города, где мог быть ресторан, я узнал, что мою спутницу зовут Родика, ей 21 год, она работает секретарем в Кишиневе и ездит в Орхей на выходные к родителям. Ее знание англ-

лийского было столь ограниченным, что на установление этих фактов ушли все десять минут прогулки к страшной бетонной многоэтажке, у которой она собиралась меня бросить.

— Спасибо, — сказал я. — Вы очень милая.

— И вы тоже.

— Спасибо еще раз. — Я показал на обветшалое здание слева от нас. — Ресторан там?

— Думаю, да.

Посмотрев на здание, я понял, почему у девушки возникли сомнения. Это были заброшенные на вид руины. Если, познакомившись с милым англичанином, Родика и хотела что-то рассказать, то определенно не за ужином. Не в этом городе, в любом случае.

— Что ж, тогда до свидания, — немного грустно сказала Родика.

— Да, до свидания, — сказал я, пожимая её руку.

Прекрасная Родика. Она была так мила; если бы не ее отношения с дантистами, мы вполне могли бы оказаться созданными друг для друга.

— Могу я позвонить вам в Кишиневе? — спросил я, подумав, что в знак благодарности за помощь мне следует пригласить ее на ужин на следующей неделе.

— Да, — ответила она, широко улыбувшись и тем самым выставив себя не в лучшем свете.

Почти с восторгом она аккуратно написала номер на листе бумаги и вручила мне.

— Спасибо, — сказал я. — Я позвоню.

— Надеюсь. Приятного аппетита.

— Ладно, до свидания.

Родика снова улыбнулась, а потом довольно застенчиво повернулась и пошла прочь. Я смотрел ей вслед; она уходила в мир своих родителей, в мир своей молодости. Заметил ли я, что ее походка слегка пружинистая? Истолковала ли

она мою просьбу о номере телефона как дружеский жест, который нарушил однообразие скучного дня, или как знак того, что я — рыцарь с Запада в сияющих доспехах, готовый увезти ее в страну, где ресторанов больше, чем проблем? На углу она обернулась и увидела, что я все еще на нее гляжу.

— Надеюсь, вы отчистите брюки! — крикнула она, помахала на прощание и исчезла в узком проходе между зданиями.

Я опустил взгляд и увидел, что мои брюки в районе ширинки черны от резины автобусного запасного колеса. Это выглядело некрасиво, неопрятно. Будто я проводил свободное время с нездоровой изобретательностью. Может, поэтому Родика не стала сегодня представлять меня своим родителям:

— Это Тони из Англии. Он любит трахаться с колесами. Это я. Всегда готов быть послом своей страны.

— Ну и как вам Старый Орхей? — спросил Адриан. Мы сидели на кухне в ожидании, пока чайник наконец закипит.

К моему облегчению, я успел проскочить наверх и сменить брюки до того, как столкнулся с членами семьи.

— Я не ездил в Старый Орхей. Я ездил в Орхей, — ответил я.

— Но Орхей же скучный.

— Да. Поэтому я и сел сразу на автобус обратно.

— Жаль, что вы не доехали до Старого Орхея.

— Угу.

— В Старом Орхее интересно.

Ладно, замнем для ясности.

На самом деле Адриан злорадствовал. Он понял, что попытка добраться до нужного пункта назначения обернулась полным провалом, а ведь утром я хвастался, что не

знаю, что значит это слово. Мягко и скромно он доказал свою правоту. В неофициальном споре, который возник между нами, по поводу надежности моей позитивной философии, Адриан набрал ценные очки. А вечером его отрыв, который и без того был существенным, еще увеличился.

Поводом к тому послужил сольный концерт Рахманинова в филармонии, одном из концертных залов Кишинева. Пациент Дины, скрипач престижного городского оркестра, подарил ей два билета на вечерний концерт, и мне предложили составить компанию Адриану, если я не против. Пролистав свой ежедневник и выяснив, что, оказывается, этим вечером абсолютно свободен, я с радостью согласился.

Филармония оказалась еще одним образцом строгой советской архитектуры. В ней было холодно (ввиду отсутствия какой-либо обогревательной системы публике пришлось весь вечер просидеть в пальто), и, когда мы с Адрианом уселись на деревянные скамьи, возникло ощущение, что мы на школьном собрании, а не на музыкальном вечере. Единственными признаками эстетики были огромный канделябр, свисающий с потолка, и несколько не самых искусных портретов знаменитых композиторов на стене. Тусклый свет потускнел сильнее прежнего. Концерт начался.

Я не ценитель классической музыки, но, как оказалось, меня удивительно трогает живое исполнение. Концерт Рахманинова си-минор № 2 для фортепиано с оркестром лишний раз это доказал. Наслаждение доставляла не только страстная музыка, но и то, что мы видели, — наклоны в унисон струнных инструментов, экстравагантные движения пианиста и быстрые руки и мелькающая палочка дирижера. Это вдохновляло, захватывало, успокаивало, воодушевляло и преображало. Да, имелись изъяны в исполнении, а именно — музыканты не удосужились выучить ноты и играли по бумажкам, а вторая часть концерта оказалась бесовестно списана с хита Эрика Кармена «Совсем один»

(Рахманинов частенько этим грешил — то же самое он проделал с темой к «Саутбэнк-шоу»), но я решил не обращать на это внимания. Все подошло к идеальному завершению, когда музыкант с тарелками, который весь концерт просто-ял с восхитительным спокойствием, наконец добил публику кульминационным крещендо, ознаменовав начало антракта. Уверен, спускаясь со сцены после трех ударов в тарелки за сорок минут, он думал: «Сегодня я великолепен».

— Тебе понравилось? — спросил я, повернувшись к Адриану.

— Здорово.

— Я тоже так думаю. Что теперь?

— Ну, мы подождем вторую часть.

— Мы пойдем в бар?

— Здесь нет бара.

— О. А как насчет мороженого? Хочешь мороженого?

— Здесь нет мороженого.

— О. Ну, кофе или чай должны быть?

Адриан покачал головой.

— А кто-нибудь продает программки?

Снова тот же жест.

— И что люди делают во время антракта?

— Ждут вторую часть концерта, — невозмутимо ответил Адриан.

Для меня это было нелепо.

— Ну, я не собираюсь тут сидеть, хочу немного пройтись. Идешь со мной?

— Зачем?

— Для разнообразия. Может, произойдет что-нибудь интересное.

— Я бы на вашем месте на это не надеялся.

— Нельзя так думать, Адриан. Если будешь так думать, то никогда ничего не произойдет. Я считаю, если думать в

нужном направлении, кое-что может измениться. Посмотри на меня. Я собираюсь встать и побродить вокруг и думаю, что-нибудь интересное обязательно случится.

— Что, например?

— Не знаю. Может, встречу каких-нибудь знакомых. Или влюблюсь. Или приму участие в политических дебатах. Посмотрим. Хочешь со мной?

— Нет, спасибо. Я ничего интересного не жду.

— Ну, поглядим.

Я встал и пробрался между рядами через сидящих на своих местах людей, которые, похоже, разделяли мнение Адриана о том, что вставать в антракте — сущее безумие. Я вышел в фойе, надеясь увидеть вокруг оживленные толпы, обсуждающие представление. Никого. Только трое парней явно направлялись в туалет, а женщина в гардеробе сидела на стуле и разглядывала свои ноги, будто те транслировали телепрограмму. Я поднялся на пролет лестницы, но там человек в униформе строго покачал головой; это, вероятно, означало, что лестница наверх закрыта, так что я вернулся в фойе и стал ждать. Что-то должно было произойти. Хоть что-нибудь. Я же пообещал Адриану.

Ничего не произошло. Конечно же. Адриан был прав, а я ошибался — и мне пришлось на собственной шкуре в этом убедиться. Однако я не мог просто так вернуться на свое место, я должен был постараться спасти репутацию, а потому возвратился в зал и начал спускаться к центральному проходу. Убедившись, что Адриан смотрит на меня, я принялся старательно изображать из себя человека, только что заметившего нескольких закадычных друзей в разных углах зала. Исполнение было весьма показательным — мистер Бин мог бы мною гордиться. Я показывал пальцем, махал, смеялся и постоянно вскидывал в изумлении голову — надо же, сколько моих друзей здесь, в кишиневском концертном

зале. Толпа хмурых людей в грубых пальто глядела на меня как на сумасшедшего. Но мне было все равно, потому что, к своему удовольствию, я одержал победу гораздо больше той, какую собирался одержать.

Адриан смеялся. Не улыбался, не хихикал, а громко смеялся. Я не мог в это поверить. Я с удивлением смотрел, как он вытирает слезы со своих щек и зовет меня скорее вернуться на место. Я пожал плечами и улыбнулся. Чувствовал я себя великолепно. Мне хотелось объявить: «Что ж, дело сделано, я тут больше не нужен», — и исчезнуть.

Но дел оставалось еще много.

— Я, должно быть, не туда приехал, — сказал я сам себе, обзревая пустое футбольное поле.

И все же я был там, где надо. Воскресный вечер, национальный стадион, время матча совпадает. Большая табличка у центральной линии подтверждала, что я на месте.

«МОЛДОВА-ГАЗ» ПРОТИВ «НИСТРУ»

Но почему нет футболистов? Я осторожно приблизился к группе людей в кожаных пиджаках и поинтересовался местонахождением игроков, но никто не говорил по-английски, так что я ничего не добился.

— Parlez-vous français? — с надеждой спросил я.

— Oui, un peu, — отозвался один голос.

Невысокий человек с аккуратно постриженными усами, который произнес эти слова, объяснил мне на ломаном французском, что матч не состоится, потому что команда «Нистру» не затруднила себя приездом. Вот оно! Именно то, чего я и ждал от молдавского футбола. Чистой воды любительство. Мне просто не повезло, что никто из игроков, которых я для себя наметил, не выступал за столь неорганизованные команды, как «Нистру». Команды, которые не

приезжают на матчи, вряд ли сильно заботятся о своих игроках.

— Vitalie Culibaba — il joue pour Moldova Gaz, n'est se pas? — спросил я, начав раскрывать истинные причины моего пребывания на стадионе.

— Oui.

Придя на эту игру и, следовательно, достигнув большего, чем удалось достичь ФК «Нистру», я был достойно вознагражден. Человек, с которым мы обменялись мыслями на ломаном французском, оказался менеджером команды «Молдова-Газ». Обрадовавшись этим новостям, я тут же применил привычную тактику «Я спортивный корреспондент Би-би-си» и представил в доказательство видеокамеру. Начал снимать тренера и задавать вопросы, которые вряд ли мог задать настоящий журналист, а он купался в пристальном взгляде камеры. Его коллеги пораженно наблюдали. Точно так же, как во время интервью с Зеленым, я, будто невзначай, упомянул о своих личных делах в Молдавии и снова получил домашний телефон нужного игрока и благословение на проведение теннисного матча.

— Merci beaucoup, — сказал я, пожимая руку тренеры. — J'espère que tous vos jeux seront assez facile que ce match contre Nistru.

Он улыбнулся той улыбкой, которая говорила, что он совершенно ничего не понял, и дружелюбно помахал в камеру, покидая со свитой сцену.

Я оставил камеру включенной и развернулся, чтобы снять пустое футбольное поле, но тут перед объективом появилось счастливое улыбающееся лицо и красные, в подтеках вина губы, с которых сбивчиво слетали приветствия. Я отвел камеру от глаз и увидел перед собой крупного розовощекого парня средних лет, нос картошкой, а рядом еще троих довольных жизнью мужчин.

— Привет, Лондон! — крикнул один из них прямо в камеру.

Остальные смотрели так, будто я держал в руках ответ на все тайны вселенной. Камера действовала как магнит, притянула их ко мне, и теперь им хотелось помахать руками и передать приветы молдавского народа жителям Британии. Кто я такой, чтобы их останавливать? К моему удивлению, парни довольно неплохо говорили по-английски и забросали меня вопросами.

— Ты водишь «БМВ»? —

— Сколько ты зарабатываешь? —

— У тебя большой дом? —

— Как тебя зовут? —

Я выбрал последний вопрос в качестве того, на который стоит ответить.

— Меня зовут Тони, — сказал я.

— А, Тони! Тони Блэр! — К моему большому удивлению, вступил в разговор самый голосистый из ребят. — Меня зовут Спартак. А это мои друзья — Юра и Леонид, а это наш приятель Эмиль, с которым мы познакомились сегодня днем.

Услышав свое имя, Эмиль, старший из всех, приобнял меня и стал куда-то звать.

— Эмиль говорит, что никогда раньше не встречал англичан, — объяснил Спартак. — Он хочет с тобой выпить.

— Где? —

— У него дома. Мы все идем.

— Ладно.

И я со своими новыми друзьями отправился к Эмилю в гости. Между вопросами о жизни в Англии и уточнениями, сколько именно англичан водят «мерседес-бенц», я смог выяснить, что эти ребята — студенты университета, а Эмиль счастлив и пьян в стельку.

Когда мы добрались до жилища Эмиля, довольно милого особнячка в небольшом дворе за футбольным стадионом, хозяин сразу же повел нас в подвал, забитый банками с солеными огурцами. Количеству огурцов, которое может хранить человек, должен быть предел. Эмиль неоспоримо этот предел преодолел. Полки вдоль всех стен от пола до потолка были заставлены банками с отвратительными на вид овощами. На мгновение меня поразила непредсказуемость жизни. По справедливости я должен был смотреть футбольный матч, однако очутился в грязном подвале с молдавским супергероем — Повелителем огурцов.

— Эмиль хочет угостить тебя вином, — сказал Спартак. — Он делает его сам.

О боже, нет. Этого я не вынесу. Огуречное вино? Спасибо, не надо.

— Дай мне камеру, — сказал Юра. — Я сниму тебя.

Я передал ему камеру, на минуту засомневавшись, что снова когда-нибудь ее увижу.

— *Este vin*, — объявил Эмиль, предлагая мне огромную кружку, наполненную красной жидкостью. — *E foarte bun!*

Цвет жидкости успокаивал, однако размер тары, из которой меня попросили выпить, настораживал. Когда я взял кружку в руки, Эмиль схватил мой локоть и попытался заставить меня осушить емкость за раз. Мой желудок все еще требовал нежного обращения, и я не собирался радовать Эмиля и выпивать залпом пинту подозрительного домашнего вина. Однако, несмотря на то что я сопротивлялся, как мог, меня все же заставили сделать большой глоток. Уф! Как я и ожидал — отвратительно. Спартак и Леонид подбадривали, Юра снимал, а Эмиль оставил мокрый поцелуй на моей щеке. Ну, может, это не тот поцелуй, о котором я грезил в последние ночи, но тем не менее он был по-

своему дорог. Еще один признак того, что Молдавия наконец меня приняла.

Высвободившись из страстных объятий Эмиля и прослушав альтернативную экскурсию по Кишиневу, которую провели мои приятели-студенты, я остановился у телефонной будки, чтобы доложить обстановку Юлиану.

— Шикарные новости, Юлиан, — гордо сообщил я. — Я добыл еще один телефонный номер — Виталия Кулибабы.

— Отлично, Тони, — ответил Юлиан. — Мне сегодня тоже крупно повезло. Я позвонил Шишкину, и он сказал, что сыграет с тобой во вторник. А еще он дал мне номер вратаря Дениса Романенко, который оказался отличным парнем. Он сказал, что сыграет с тобой завтра и приведет Раду Ребежу и Юрия Митерева.

— Ты хочешь сказать, завтра я играю с тремя молдавскими футболистами?

— Да. Тебе лучше лечь пораньше.

Глава 12

Никаких сетов, пожалуйста, я молдаванин

Я выглянул из спальни. За окном было свежее ясное осеннее утро. Такое утро, которое доказывало неправоту Юлиана.

— Думаю, завтра будет дождь, — сказал он накануне вечером, когда мы заканчивали обсуждать подробности предстоящих матчей.

— Юлиан, понимаешь, в этом ты весь: «Думаю, завтра будет дождь». Давай просто представим, что хоть раз все пройдет так, как мы хотим.

— Ладно, — сказал он без какой-либо уверенности в голосе.

Я прошел на кухню. Живот подводило, и не просто от последствий недавнего отравления. Настал судьбоносный день. Я слишком хорошо сознавал, что если сегодня уступлю кому-нибудь из трех футболистов, то все, пари проиграно. У входной двери я столкнулся с Адрианом, который был чрезвычайно взволнован тем, что я наконец собираюсь участвовать в теннисном матче.

— Не приходите домой без победы! — сказал он и умчался в институт.

Меня удивляло, как он стал ко мне относиться. Я смотрел, как он шагает к автобусной остановке; уверен — он держался увереннее, энергичнее. Могло ли случиться так, что и его стали заботить перспективы нового дня?

В Центре журналистики меня ждали еще более приятные новости. Уже снаружи я услышал громкий голос с американским акцентом, который заполнил обычно тихий офис. Приехал Большой Джим.

Джим был в меру полным человеком, чье одутловатое умное лицо украшали седые усы, по внешнему виду напоминающие пластиковые накладки вроде тех, что кладут в рождественские хлопушки. Он был председателем совета директоров какой-то радиовещательной корпорации в Миннесоте, а в Кишиневе помогал молдаванам создавать коммерческие радиостанции. Позже я узнал, что он начинал с утреннего шоу на радио Кей-эс-ти-ти в Айове и добрался в своей профессии до самого верха, до кресла руководителя. Он так и не признался, что значит Кей-эс-ти-ти. Мне пришлось в голову, что американские радиостанции всегда называются подобным образом Дабл-ю-би-кью-экс или Дабл-ю-кей-ай-эм, но никто и никогда не мог выяснить, что это означает. Исходя из того, что я слышал по американскому радио, они все должны называться Эм-эн-ви-че, то бишь «Мы несем всякую чушь». Джим мне понравился. Его оптимистичный подход к жизни вселил в меня уверенность, что как раз и требовалось. Реакция Джима на мою историю о том, чем я занимаюсь в Молдавии, была однозначной.

— Терри, ты выиграешь пари, без вопросов.

Это предложение выявило две черты характера, которые мне больше всего в нем нравились, — оптимистичный взгляд на жизнь и то обстоятельство, что он упорно не мог

запомнить мое имя. Все вокруг называли меня Тони, но Большой Джим словно оглох. По какой-то причине он зациклился на Терри и не собирался именовать меня иначе. Короче, Джим звал меня так и только так.

— Что ж, удачи, Терри, — сказал он, когда мы с Юлианом отправились на корт. — Иди и сделай свое дело!

По пути мы остановились, чтобы купить пива, предположив, что не только британские футболисты равнодушны к этому напитку. Я бы купил еще фотомодель и светского фотографа для скандальной съемки, но их всех уже раскупили. Вот что такое государственные магазины.

Так как корты в Национальном теннисном центре всю неделю использовались в качестве тренировочной базы для молодых спортсменов, нам с Юлианом пришлось искать другое место для игр. После недолгих поисков нам разрешили воспользоваться кортом на республиканском футбольном стадионе. Подходящее место, учитывая профессию моих оппонентов. За кортами, которые были зажаты между трибунами и дорогой, присматривал парень по имени Сергей, резкие черты лица и грубые руки которого наводили на мысль, что недавнему рывку в коммерческий спорт предшествовала жизнь заводского рабочего. Он оказался довольно симпатичным парнем и, более того, не стал брать с меня втридорога за аренду корта. Пусть я заплатил немного больше, чем обычный молдаванин, но я же был богатым заморским гостем, так что — почему бы нет? Эта небольшая корректировка тарифов резко отличалась от той, которую произвел Вселенская задница Приднестровья, полагавший, что все приезжие с Запада — миллионеры и потому их следует доить досуха.

Лицо Сергея засияло, когда Юлиан объяснил, что именно будет происходить на его корте.

— Он большой фанат футбола, — сообщил Юлиан. — И знает всех этих футболистов.

В этом отношении Сергей отличался от соотечественников. Большинство молдаван проявляли мало интереса к национальной сборной, предпочитая следить за успехами либо Румынии, либо Украины, в зависимости от корней. Однако Сергей знал имена всех игроков и был очень рад, что они скоро появятся на его теннисном корте. Он улыбался так широко, как только мог. Его корт сдавался по хорошей цене, и он собирался лично познакомиться со своими героями. Неплохой расклад.

Сергей с интересом наблюдал, как в ожидании первого именитого гостя я нервно измеряю шагами площадку. Было десять минут третьего, а первый футболист должен был приехать в два. Я изо всех сил старался не думать о том, что меня кинут, но ничего не мог с собой поделать. К четверти третьего я уже убедил себя, что слишком наивно было предполагать, будто профессиональные футболисты променяют свободное время на игру в теннис, особенно если с этого они ничего не получают.

— А! Юрий Митерев! — радостно возопил Сергей, узнав одного из троих молодых людей, выбравшихся из автомобиля, который только что припарковался на стоянке возле кортов.

Я благоговейно взглянул в ту сторону. Неужели это происходит? И я наконец сражусь с молдавским футболистом на теннисном корте?

Трое молодых людей направились к нам, и стало очевидно, кто из них футболист. Высокий, подтянутый на вид. Мое огромное облегчение от его появления мгновенно сменилось страхом, когда я увидел, что Юрий Митерев — образец физически здорового человека и, на первый взгляд, очень опасный противник. Всего несколько дней назад я уже получил достаточно серьезный отпор, а теперь был близок к тому, чтобы снова продуть в хлам.

Юлиан представил нас друг другу, я пожал руку объекту моих страхов, и тот направился в деревянный сарайчик, который Сергей назвал раздевалкой. Пока он готовился к битве, я познакомился с двумя его друзьями, и они с радостью приняли предложение выпить пива. Я попытался заставить Юлиана выяснить у них, много ли Митерев играл в теннис, но парни лишь пожалы плечами и посмеялись. В моей голове промелькнули ужасные мысли. Почему они смеются? Может, Юрий — теннисный ас и собирается раздевать меня всухую? Он лучший среди всех футболистов? Будет законом подлости, если первый, с кем я намерен сыграть, окажется лучшим. Я постарался припомнить, что сказала о Митерева Наташа, цыганка-гадалка из Сороки. Чем больше я об этом думал, тем больше убеждался, что он относится к числу тех игроков, с которыми она советовала не связываться. Погодите-ка, а не тот ли он футболист, который, по ее словам, попытается меня отравить? Может, поэтому с ним пришли двое друзей — они помогут избавиться от моего трупа. Я должен быть очень осторожен. Очень-очень.

Юрий вышел из раздевалки. На нем были красная футболка и зеленые шорты, однако пробирки, извергающей токсичные испарения в атмосферу, в руках не наблюдалось. Это хорошо, никаких ядовитых зелий. Как и никакой теннисной экипировки. Хороший знак, подумал я. На мгновение мне вспомнились соревнования по теннису в детские годы, в которых я обычно участвовал на летних каникулах: противник появляется в лучшей, нежели твоя, экипировке, и ты поневоле думаешь, что и играть он будет лучше тебя. А, бывало, сыграешь полсета — и вдруг поймешь, что его игра куда хуже, чем новенькие ракетки и дорогая теннисная форма от Фреда Перри, и что ты можешь его победить. А временами — наоборот. Противник приходил с одной ра-

кеткой, в разных носках и старой футболке, но оказывался чрезвычайно талантливым. Обманщики. За ними нужен глаз да глаз.

Разговоры тоже имели большое значение, особенно когда игроки шли на корт. Выпендрей, хвастовство титулами или победами над серьезными противниками — это говорило о многом. Еще игроки могли сказать что-нибудь такое, что позволяло судить об уровне их подготовки. Через много лет после юниорских выступлений в престижном соревновании в Королевском клубе мне выпало сыграть с радиоведущим, который, можно сказать, давно слез с пика славы. Чтобы не давать повода сплетням, назовем его Дэвид «Додди» Гамильтон. По пути к корту Дэвид спросил:

— А зачем тебе две ракетки?

После этой фразы я понял, что он либо не часто играл, либо не часто применял крученые удары. (Человек, который играет профессионально, знает, насколько велика вероятность порвать струны ракетки, и потому всегда имеет запасную ракетку.) Когда мы вышли на корт и взяли мячи, Дэвид повернулся ко мне и самоуверенно улыбнулся. Внезапно мне подумалось, что он притворялся и что у него в машине спрятаны запасные ракетки. Но оказалось, что я зря беспокоился. Карьера Дэвида была в гораздо лучшем состоянии, чем теннисные навыки.

Приятно было увидеть, что Юрий зашел дальше Дэвида «Додди» Гамильтона. У него вовсе не было личной теннисной ракетки. Это говорило о многом, однако мне все еще было не по себе. Может, он притворялся. Может, столько играл, что сломал все свои ракетки и отдал на перетяжку. Может, он продал свои ракетки, чтобы купить яд.

Пока Юлиан устанавливал камеру на штатив, я вручил Юрию свою запасную ракетку и мы разошлись по сторонам корта. Вот-вот начнется бой. Проехав тысячу миль и

более двух недель проваляв дурака, я никак не мог поверить в реальность происходящего. Я на самом деле встречаюсь с первым соперником? Митерев в разноцветном оперении — зеленом и красном — выглядел слишком нетерпеливым.

Я сделал первую подачу. Высокий, аккуратный, дугообразный удар, нацеленный прямо в лоб. И наблюдал, как он готовится принять, резко и крайне устрашающе изогнувшись назад. Этот парень собирался отбить мяч ну очень сильно. Его лицо, выразившее сосредоточенность, исказила гримаса, когда сетка ракетки коснулась мяча, и... бам!.. он отбил мяч прямехонько за забор. Поглощавшие пиво приятели разразились хохотом, я облегченно вздохнул, а Юлиан умчался, чтобы вернуть улетевший желтый снаряд.

Следующая попытка Юрия отбить мяч, хоть и была полной противоположностью первой, также не увенчалась успехом. Второй мяч несколько раз отскочил от земли еще до того, как подлетел к сетке. Ему надо было выбрать среднее между этими двумя ударами, но я знал, что в течение дня у него вряд ли получится. И слава богу.

Вернувшись в четвертый раз после очередного сильного удара Юрия, Юлиан стал свидетелем небольшого собрания у сетки, на котором мы с Юрием решали, как будет проходить матч. Вначале я предлагал сыграть один длинный сет — из девяти геймов с тай-брейком при счете 8:8. Однако Юрий был против, так как в тот же день у него была тренировка, и время поджимало. Он предложил сыграть длинный тай-брейк — до одиннадцати очков. Сначала мне это не слишком понравилось. Я чувствовал, что в скоротечном тай-брейке могу пасть жертвой неожиданного отпора и тогда шансов отыграться у меня не будет. Однако, подумав минуту, я согласился, в основном, по двум причи-

нам. Во-первых, потому, что тогда сберегу силы для двух оставшихся матчей этим же днем, а во-вторых, потому, что как игрок Юрий никуда не годился. И не было никакой разницы, играй мы до трех очков или до тысячи трех.

Когда после первых шести очков, а счет был 6:0 в мою пользу, мы поменялись сторонами, я прошел мимо покрывшегося испариной Юрия у самой сетки и хорошенько позаботился о том, чтобы у него не было возможности приготовить яд. Было бы глупо упустить победу по недосмотру. Я-то знал, на что он способен.

Перемена сторон никак не повлияла на успехи Юрия, и если бы не двойная ошибка на подаче и нарочный промах при ударе справа, я разбил бы его всухую.

— 11:2. Победа в матче за Тони, — объявил Юлиан у сетки, готовясь заснять рукопожатие, которое будет доказательством для Артура.

— Один готов. Следующий, — пробормотал я себе под нос, подходя к сетке.

Юрий благородно принял поражение и не продемонстрировал никаких признаков разочарования, когда я поблагодарил его и предложил пива. Я бы присоединился к нему, чтобы отметить неожиданную победу, если бы не въехавший на парковку роскошный «БМВ». Из машины вышел стройный парень в зеленом спортивном костюме.

— Раду Ребежа! — радостно объявил Сергей.

И тут же еще один парень, в черном кожаном пиджаке и со спортивной сумкой в руках, свернул с улицы на парковку.

— Денис Романенко! — провозгласил Сергей, который начал напоминать мне комментатора Джона Мотсона.

Пока двое парней приближались к нам, я не мог поверить, что все это взаправду. Я пережил за время своего пребывания в Молдавии столько ударов и неудач, что

было трудно поверить, будто эти парни приехали сюда ради меня. Пожимая им руки, я не смог удержаться от подобию японского поклона, настолько я был благодарен за их появление.

Оба молодых человека поздоровались с коллегой Митеревым, и пока он сообщал, что проигрывать мне совсем не больно, я улучил минутку, чтобы приглядеться к своим противникам. Раду Ребежа, левый защитник команды, был недурен собой, а Денис Романенко, вратарь, напоминал боксера, проигравшего бой с облысением. Он выглядел приятно, тепло улыбался и, похоже, был настроен повеселиться, а Ребежа выглядел слегка скучающим и явно хотел поскорее закончить. Однако важнее всего было то, что ни у одного из игроков не имелось собственной теннисной ракетки. Многообещающе, подумал я.

Ребежа выразил желание сыграть первым, так как он уже был в тренировочном костюме, а Романенко требовалось переодеться. Я вручил ему запасную ракетку, и он отправился на дальний конец корта, помахивая ракеткой так, будто это был совершенно неизвестный ему предмет. После нелепо короткой разминки Ребежа объявил, что готов.

— Начнем игру, — объявил Юлиан на языках обеих сторон.

Митерев и двое его приятелей, к тому времени уже выпивших немало пива, принялись поддерживать земляка. Продемонстрирую Ребежа способности Митерева, то к тому моменту, когда из раздевалки возник Романенко, тай-брейк бы еще не завершился. Однако это был не тот случай. Раду Ребежа играл в теннис еще хуже, чем Юрий Митерев. Скажу вам, полное отсутствие каких-либо навыков. Несмотря на стильный внешний вид, с ракеткой в руках он, без сомнений, выглядел немного придурковато. Он суетился, переступал с ноги на ногу, взмахивал ракеткой, рубил ею воз-

дух, но выступал не лучше Турции на Евровидении. Ноль оказался его лучшим результатом.

— 11:0 в пользу Тони, — объявил Юлиан под хохот трех зрителей.

Раду воспринял итог с легкой досадой. Изобразить улыбку ему удалось с трудом, он не проявил никакого интереса к пиву и не остался на мою игру с Романенко. Он попрощался и направился к своему большому черному «БМВ». Будем справедливы, у него, вероятно, были дела поважнее. Но мне было все равно. Хотя и не слишком общительный, он все равно был моим героем. Он пришел, а это все, что требовалось, чтобы завоевать этот титул.

Денис Романенко оказался совершенно другим. Активный, веселый, энергичный, жизнерадостный и, что самое приятное, полный новичок в теннисе. Я ошибался, когда подумал, что хуже Раду Ребежи выступить невозможно. Денису удалось углубить марианскую впадину теннисной несостоятельности. Его проблема заключалась в том, что он попросту никак не мог перебросить мяч через сетку. Юрий со своими приятелями умирали со смеха, когда очередная подача Дениса приводила к схожему результату — мяч отскакивал от корта пять раз, еще не долетев до сетки. Сергей так расстроился выступлением своего героя, что ощутил необходимость вмешаться. Он вышел на корт и преподал короткий урок. Денис быстро понял, что к чему, и вскоре уже перебрасывал мяч за забор.

Я выиграл у Романенко со счетом 11:4. Я подарил ему четыре очка, потому что он мне очень понравился. Когда мы пожали друг другу руки, он объявил, что хочет сыграть еще один тай-брейк, выказав удивительный интерес к игре, которая настойчиво ему не давалась. Тут же Юрий Митерев вскочил на ноги и потребовал, чтобы ему тоже дали шанс отыграться, и остаток дня прошел в ком-

пании с пивом, футболистами и в обмене безобразными ударами.

Денис с Юрием были отличными ребятами, и мне так хотелось с ними поболтать, однако языковой барьер стал непреодолимым препятствием. Было жаль, потому что вот пара человек, которых я хотел бы узнать получше. К моменту расставания я узнал, что матч, который они провели на «Уэмбли», был для них великим событием, а из всех английских игроков наибольшее впечатление на них произвел Пол Гаскойн, но, к сожалению, я мало что узнал об их жизни, устремлениях и о том, не планируют ли они как можно скорее записаться в теннисный клуб.

Юрий с приятелями попрощались, я совершил несколько ненужных поклонов, однако Денис упорно сражался с пивом и сказал, что попытается помочь связаться с другими игроками, которые мне нужны. Пусть Юлиан ему позвонит, и, возможно, он даст несколько номеров.

Когда наконец попрощался и он, я ощутил к нему необъятную симпатию. В отличие от Ребежи, он ушел пешком, а не уехал на блестящем черном «БМВ», чтобы ускользнуть от исчезновения. Он был достаточно крут, чтобы не спешить, потому что был парнем, которого вполне можно подождать. Девять раз из десяти какому-нибудь чудачку в сверкающей спортивной машине нужна скорость, чтобы добраться туда, куда ему надо, до того, как все, не дождавшись, разойдутся. Но только не Денису Романенко. Он передвигался с собственной скоростью, а это означало, что у него больше времени на других. Уверен, он знал — если ехать слишком быстро, ничего не увидишь.

Я не спеша направился к Центру журналистики. Какой смысл спешить, если столько поводов насладиться прогулкой? За один день я расправился с четвертью своих противников. Учитывая навыки футболистов, с которыми мне

удалось встретиться, никаких причин подозревать, что я проиграю пари после встречи с отличным теннисистом, не было. Проблема состояла лишь в том, как заставить этих ребят приехать на корт.

— Я только что обыграл в теннис сразу трех молдавских футболистов из национальной сборной! — гордо объявил я с центра главного кабинета Центра журналистики.

Я так ждал этого момента. Возможности доказать скептикам, что у меня все получится. Не знаю, какой реакции я ожидал — может, радостных восклицаний или громких аплодисментов; все, чем меня удостоили, — шесть приподнятых бровей и одно скупое «О, это замечательно». Миг славы обернулся моментом отчаяния. Что же мне надо сделать, чтобы народ очнулся?

— Эй! Так держать, Терри! — послышался спасительный голос Большого Джима. — Я так понимаю, ты надрал их молдавские задницы?

Боже, до чего хорошо, что этот парень здесь. Он знает, как поддержать. Вот что он должен преподавать, подумал я, забыть обо всей радио-чепухе и учить людей радоваться.

— Трое футболистов за один день? — продолжил он. — Да ты чертовски хороший теннисист, Терри!

Не совсем правда, но тем не менее приятно услышать такое о себе, даже если приходится принимать похвалы под псевдонимом.

— У меня есть новости, Тони, — сказал Юлиан, повесив телефонную трубку, и по его вечно невозмутимому виду было практически невозможно угадать, хорошие это новости или плохие. — Тестициану и Фистикан согласились сыграть с тобой завтра, а Шишкин и Кулибаба сказали, что свободны в среду.

— Вот это да.

— Эй, Терри, — добавил Джим, — похоже, ты управишься до выходных.

Дома Григор никак не мог поверить. Накануне вечером он работал допоздна, а потом уехал на работу рано утром, так что не имел ни малейшего понятия о том, что я наконец собираюсь участвовать в теннисных матчах. Елена, прыгающая вокруг и обнимающая меня, пробудила его любопытство. Добрых пятнадцать минут ушло на то, чтобы он понял, что мне удалось совершить, а потом Григор лишь недоверчиво покачал головой. Когда он рассказал новости своей жене, Дина объявила, что приготовит праздничный ужин в мою честь. На ужине мне довелось получить еще одно имя.

— Мой отец говорит, — сказал Адриан, доедая вкуснейший фруктовый салат, — что после трех ваших побед у нас появился новый национальный герой, такой же как Штефан чел Маре. Это вы — Тони чел Маре.

— Тони чел Маре, — повторил я. — Тони Великий. Да, я смогу с этим смириться. Обещаю, что постараюсь оправдать свое имя.

— Думаю, сможете, — подтвердил Адриан.

Что происходит? Один раз я рассмешил этого парня на концерте, и теперь его характер полностью изменился. После ужина я решил этим воспользоваться.

— Адриан, ты не мог бы позвонить за меня? — спросил я, протягивая ему клочок бумаги с телефонным номером. — Этот человек говорит по-английски очень плохо.

— Конечно, — ответил он.

— Когда дозвонишься, попроси Родика.

Удивительно, но в моменты передышки между матчами с молдавскими футболистами я думал о ней. Я мысленно переделал ей зубы и начал видеть ее истинную красоту. Ее доброта заслуживала благодарности — в форме ужина на двоих, — а я, естественно, заслуживал свидания с красивой женщиной в качестве награды за победу над первыми противниками.

— Ладно, — согласился Адриан. — Но что мне сказать, когда подойдет Родика?

Я задумался.

— Спроси, не хочет ли она поужинать со мной завтра вечером.

Адриан притих.

Мы словно поменялись ролями. Я сделался нервным подростком, а Адриан — опытным и ответственным взрослым.

— Кто такая Родика? — почти неодобрительно спросил он.

— Это девушка, с которой я познакомился в Орхее.

— А, значит тот день был не так уж плох, — подколот он меня, почти как родитель, смакующий смущение ребенка.

— Это я и говорил — если постараться, можно горы свернуть, — заявил я, пытаясь восстановить статус взрослого.

— Что мне сказать...

Вопрос Адриан не закончил, так как на том конце сняли трубку и ему потребовалось незамедлительно переключиться на родной язык. Начался разговор, и я, мужчина далеко за тридцать, стал наблюдать за стараниями 17-летнего парня, которого попросил устроить мне свидание с девушкой. Этим я вряд ли мог гордиться. Про себя я решил постараться не выпалить: «Ну, и что она сказала?», когда разговор прекратится, и поудобнее устроился на стуле, позволив себе наслаждаться непонятными звуками, подобно тому, как наслаждаешься музыкой в гостиничном холле. А затем, довольно резко, Адриан повесил трубку. Он посмотрел на меня со знакомым выражением лица, прежним, бесстрастным и непроницаемым, и не произнес ни слова. Я нарушил тишину.

— Ну, и что она сказала?

Черт, я же не должен был этого говорить.

— Я не говорил с ней. Это был пьяный русский, который нес какой-то бред. Ты уверен, что номер правильный?

— Ну, она сама записала.

— Ладно, может, попробуем еще разок завтра вечером.

Может, и не попробуем, подумал я, раздеваясь перед сном. Мне не хотелось снова через это проходить. Если я и соберусь пригласить Родикю на ужин, то приглашать буду сам, несмотря на языковой барьер. Я вспомнил, каково быть подростком, — ничего приятного. Больше не буду сожалеть об ушедшей юности.

— У меня самый лучший возраст, — сказал я себе, забираясь под одеяла и подбирая ту позу, в которой легче всего отключиться.

Я чувствовал теплую, сладкую и заслуженную усталость, но, главное, впервые с тех пор, как прибыл в Молдавию, я был доволен.

Удивительно, что победа над несколькими футболистами может принести подобное ощущение.

На следующее утро я проснулся от звонка в дверь. Я посмотрел на часы и увидел, что сейчас 5.45 утра. Явно рано для дружеского визита. Я услышал голоса и выбрался из теплой постели, чтобы посмотреть из окна, что происходит. Григор в халате разговаривал с двумя довольно подозрительными личностями в черных кожаных куртках. Я забеспокоился. Может, это мафия? Может, Григор в опасности? Явно секретный разговор продолжался некоторое время, а потом один из мужчин медленно прошел к машине и вернулся с огромной рыбиной, которую вручил благодарному Григору. Я вернулся в постель, немного озадаченный. К чему такая конспирация? Это же всего лишь рыба.

— Ее, должно быть, выловили браконьеры, — сказал Юлиан в ответ на мой вопрос, пока в Центре журналистики мы готовились к началу второго дня соревнований. — Уверен, таким образом эти парни выразили Григору благодарность за лечение их детей. Они знают, что государство платит мало, и поэтому так поступили.

— Понятно, получается, это своего рода вторичная экономика, которая заменяет деньги.

— Да. Это потому, что денег меньше, чем рыбы.

Пока я пытался понять, является ли это замечание перлом мудрости или просто избитой банальностью, мои мысли прервал знакомый голос.

— А! Терри! Как дела? Надеюсь, готов обыграть очередных футболистов? Как провел вечер? Отпраздновал?

— Да.

Меня поражало, как легко общаться с Большим Джимом. Он просто задавал ряд вопросов, на которые можно было отвечать «да» и «нет» и поощрять его энтузиазм небольшим количеством своего.

— Семья, у которой я остановился, — добавил я, — отдала должное моим достижениям, назвала меня в честь великого молдавского героя Штефана чел Маре.

— Отличная идея. Значит, они назвали тебя Терри чел Маре? Мне нравится, хорошо звучит.

Когда мы пришли на корт, по выражению лица Сергея было видно, что он ждет не дожидается, чтобы узнать, с кем у меня встреча сегодня.

— Ион Тестимициану и Олег Фистикан, — объявил я.

— Очень хорошо, — сказал он с диким акцентом, подняв большие пальцы рук. — Тестимициану — очень хорошо. Фистикан... — он помедлил, начав мучительный и абсолютно безуспешный поиск каких-нибудь еще слов по-английски. — Фистикан... очень хорошо.

Мы могли бы говорить часами, но нашу беседу перебил Юлиан с края корта, где он устанавливал камеру на штатив.

— Кажется, штатив сломался! — крикнул он.

Быстрый осмотр подтвердил, что одна из ножек сломалась, и штатив нельзя установить на максимальную высоту.

— Тогда будем снимать с более низкого угла, — предложил я.

— Ладно, — сказал Юлиан. — Когда вернешься в Англию, вероятно, сможешь починить.

Я посмотрел на дешевый сломанный штатив, который никогда не был прочным приспособлением.

— Да дешевле будет купить новый, — подумал я вслух.

— Что ты хочешь сказать? — спросил ошеломленный Юлиан.

Я попытался объяснить, что общая стоимость запчастей и работы почти наверняка будет означать, что ремонт — не самый оптимальный выбор. В ходе объяснений я начал сам задаваться вопросом о мудрости экономической системы, в которой господствуют подобные ситуации. Это явный абсурд. Мы не ремонтируем вещи, мы выбрасываем их и покупаем новые и не обращаем внимания на то, что истощаем мировые ресурсы. Это очевидное безрассудство, а мы на Западе убеждаем страны бывшего СССР следовать нашему примеру, и они с радостью на это идут, полагая, что мы должны знать, что делаем, потому что владеем большим числом «БМВ», чем они.

Камера была установлена, и Юлиан удалился, чтобы сделать несколько звонков и убедиться, что завтра придут Шишкин и Кулибаба, оставив меня ждать прихода сегодняшних футболистов и немножко поболтать с Сергеем. Это было не слишком продуктивно. Все, что я успел выяснить, — что примерно десять жизненных явлений Сергей считает очень хорошими, а потом на корты через дальние ворота вошел парень спортивного телосложения в сером спортивном костюме. Сергей сообщил, что это Олег Фистикан, повторив свое «очень хорошо».

Фистикан обладал сразу несколькими качествами — он хорошо выглядел, был общительным и веселым, — однако

в теннисном мире он достиг новых глубин несостоятельности. Этот человек вышел на корт, размахивая ракеткой так, что на его фоне Митерев, Ребежа и Романенко выглядели профессиональными теннисистами. Едва завладев ракеткой, он взмахнул ею с такой силой, будто пытался отогнать от себя рой пчел. Отсутствие какой-либо координации за время нетрадиционной разминки было очевидным: он дважды ронял ракетку, что едва ли вызвало у его английского оппонента трепет перед предстоящим состязанием.

Известно несколько игроков, которые умели отбивать мяч обеими руками, как справа, так и слева, возможно, самая знаменитая из них — Моника Селеш. Фистикан оказался еще одним из когорты, хотя техника у него, похоже, была иная, чем у Моника. Единственным сходством оказался хрип, который он издавал после взмаха ракеткой и промаха по мячу. Делал он это с завидным постоянством. Олег был королем взмахов. Говорят, Пит Сампрас однажды сломал четырнадцать струн за сорок минут тренировки. У Фистикана на это ушла бы вся жизнь, учитывая частоту попаданий ракеткой по мячу.

До начала тай-брейка произошло кое-что еще. На край корта, где стоял Фистикан, упал мяч, вылетевший из-за стены, отделяющей корт от футбольного поля. Он отскочил от земли, а затем Фистикан принял его на грудь, подбросил коленом и с исключительным мастерством вернул за стену. До этого момента все, кто видел, как Фистикан играл в теннис, предположили бы, что этот парень вообще лишен какого-либо чувства мяча или моторной координации, но истина заключалась в том, что он владел техникой лишь в одном виде спорта. Техника имела большое значение, и, похоже, Артур недооценивал этот фактор, когда спорил со мной.

Юлиан закончил со своими секретарскими обязанностями как раз, чтобы успеть стать свидетелем последнего очка

в тай-брейке, когда я подал, а Фистикан, держа ракетку обеими руками перед собой, как нищий шляпу, отбил мяч вверх. Он совершенно потерял мяч из вида, и секунду спустя тот довольно бесцеремонно приземлился ему на голову. Подходящий финал для бесконечно комичного выступления. Клоун Олег потряс головой, рассмеялся и подбежал к сетке, чтобы пожать мне руку. До чего потрясающий парень. Мой четвертый герой.

Пятого я смог узнать без помощи Сергея, потому что уже общался с ним, хоть и недолго, за спиной тренера после разочаровывающей победы «Зимбру» над «Олимпией». Заметная бритая голова Иона Тестимициану блеснула на осеннем солнце, когда он приближался к нашему корту.

— Привет, Тони, — сказал он.

Ух ты, он меня помнит. Хотя всякий бы запомнил.

Ион был облачен в спортивный костюм ФК «Бристоль-Сити». С помощью Юлиана он объяснил, что только что прошел просмотр в этом клубе и надеется, что его туда пригласят.

— Бристоль — это здорово, — сказал я, — хотя там часто идут дожди.

Иону пришлось обойтись без этой крайне важной информации, потому что Юлиан не стал утруждать себя переводом. У него были свои стандарты, и фраза «Бристоль — это здорово, хотя там часто идут дожди» явно не стоила трудов.

У Иона, как и у всех его коллег до сих пор, теннисной ракетки не было, зато он сказал, что играл немного в теннис как-то в отпуске. Этот опыт отразился на корте, где он стал лучшим на сегодняшний день, но все же оказал слабое сопротивление, проиграв со счетом 11:4.

— Спасибо тебе большое за то, что помог мне попытаться выиграть пари, — сказал я во время рукопожатия у сетки. — Может, увидимся в Бристоле.

— Может, — ответил он, сделав вид, что понял.

Может, и правда увидимся в Бристоле — когда он выучит английский, и я смогу пригласить его куда-нибудь перекусить в качестве благодарности. Той благодарности, которую я, вероятно, должен выразить всей команде.

Однако Родикю отблагодарить не удавалось. Попытки Юлиана дозвониться до нее заканчивались лишь очередным бесплодным разговором с пьяным русским.

— Может, все не так и плохо, — сказал Юлиан. — Если бы ты с нею встретился, мне кажется, она бы стала на что-то надеяться. Многие девушки ищут мужчин с Запада, чтобы сбежать из этой страны.

— А, значит, она видела во мне лишь свой собственный Бристоль?

— Точно.

Может, для нее и лучше. Нет ничего хуже, чем пройти ряд просмотров и так и не попасть в желанный клуб. Со мной это происходило достаточно часто.

Третий день теннисных матчей в точности повторил первые два — милые и отзывчивые футболисты появлялись без ракеток, с невероятной легкостью уступали на корте, желали мне удачи, а потом уходили из моей жизни навсегда.

— Сегодня я побил Олега Шишкина и Виталия Кулибабу, — объявил я в Центре журналистики, одержав победу.

— Здорово! Значит, семеро готовы! — искренне обрадовался Большой Джим. — Ты настоящий гигант, Терри.

— Звучит неплохо, Джим, — ответил я, — но я проделал относительно легкую работу. Семеро игроков, с которыми я сыграл, живут в Кишиневе. Не говоря о том, который в России, и том, который в Израиле, мне надо еще найти двоих в Приднестровье.

— Ну, уверен, Юлиан сможет это организовать. Он очень способный парень.

— Надеюсь. Он как раз сейчас пытается это сделать.

Мы оба посмотрели на Юлиана, тот как раз заканчивал разговор по телефону, об итогах которого должен был сообщить мне.

— Это был наш старый приятель Григорий Корзун, — сказал он, повесив трубку.

— Вселенская задница?

— Он самый. Но беда в том, что он оправдал свое имя. Он говорит, что глубоко оскорблен тем, что ты не остановился в его отеле. Он говорит, ты пил его коньяк, а потом уехал. Он говорит, ты хочешь получить все задаром, и что ты не был искренен, притворялся, будто хочешь заняться с ним бизнесом. Отчего он должен разрешать тебе играть с его футболистами? Он говорит, что ты можешь об этом забыть. Без вариантов.

Это были сокрушительные новости.

— Прямо так и сказал? — спросил я. — Можешь об этом забыть, без вариантов?

Юлиан кивнул, и у меня внутри все оборвалось.

— Должен быть способ, — сказал Джим. — Всегда есть способ.

Он прав, всегда есть способ. Проблема в том, что я не мог придумать ни одного. Джим не видел Корзуна и не знал, какой он решительный, властный и резкий человек.

Прогнозы были унылыми. Я привык к плохим новостям, но это, похоже, был финиш. Столкнись я с этим препятствием раньше, я, возможно, ощутил бы, что могу с ним справиться, но сейчас, через несколько недель, израсходовав все силы, весь энтузиазм и решительность, я воспринял новую проблему как трагедию. Я рухнул на стул, переводя дух. Героическая фигура, которая только что побила семе-

рых футболистов за три дня, теперь казалась воплощением мировой скорби.

— Это нехорошо, — сказал я, перенимая дар Юлиана преуменьшать.

— Ты должен привлечь прессу, чтобы она тебе помогла, — предложил Большой Джим, единственный, кто продолжал говорить бодрым голосом. — Ты должен использовать прессу, чтобы выставить этого типа разрушителем надежд, отравляющим жизнь.

Да, конечно, молдавская пресса и телевидение, которые назначают встречи и не являются на них. Они точно помогут, удрученно подумал я.

— Может быть, Джим. Посмотрим, — выдавил я, изобразив улыбку на лице. — Должен быть другой способ. Всегда есть другой способ.

Но в глубине души я знал, что пари проиграно.

Глава 13

«У моей мамы есть идея»

Уважаемый Григорий Корзун,

Мне жаль, что Вы считаете всех иностранцев миллионерами и что Вы построили отель у черта на куличках. Я также сожалею, что не смогу никого в Англии убедить потратить около 200 долларов за ночь в Ваших роскошных, но совершенно безвкусных номерах, но, боюсь, я не знаю больше таких тупиц, как Вы. Более того, я разочарован тем, что Ваша мелочная месть за мое нежелание стать Вашим деловым партнером и возить туристов в одно из самых дерьмовых мест на Земле выразилась в отказе позволить Сергею Строенко сыграть со мной в теннис.

Вам следует знать, что я нарек Вас «Вселенской задницей», и это прозвище Вы постоянно оправдываете. (Кстати, если не знаете, что значит «задница», загляните в словарь, где говорится: «задница — человек, который платит 25 фунтов за пиво и сэндвич в Манчестере».) Из-за Вашего тупорылого упрямства я признаю, что проиграл пари, и теперь должен сказать об этом семнадцатилетнему мальчику, чья вера в лучшее будущее каким-то образом неразрывно связана с успехом моего

проекта. Вы подвели не меня, а, скорее, одного из Ваших молодых соотечественников. И я не удивлюсь, если он далеко не первый.

Я не желаю Вам зла, но надеюсь, что однажды Вы как следует ударитесь пальцем ноги об угол своей кровати и, хотя бы недолго, Вам будет дико больно. Пожалуйста, вспомните обо мне, когда это произойдет.

Искренне Ваш, с манчестерским пивом и сэндвичем в руках (стоимостью 3,90 фунта),

Тони Хоукс

Я не отправил это письмо, отчасти потому, что не хотелось заморачиваться поисками марок, а отчасти потому, что Юлиан сказал: вероятность того, что оно дойдет до адресата — 50 на 50, настолько причудливой была почтовая служба Приднестровья. Тем не менее его написание было сродни катарсису, и для собственного успокоения мне требовалось это сделать. Я сразу почувствовал себя лучше. Мне еще предстояло рассказать о своем провале Григору, Дине, Адриану и Елене, и мысль об этом не доставляла никакого удовольствия.

Вина за провал лежала не только на Григории Корзуне. Вскоре после его отказа мне позвонили из другого приднестровского клуба, «Шериф», и сообщили, что они тоже не позволят своим игрокам участвовать в сверхурочных занятиях теннисом; тем самым Сергей Рогачев оказался полностью недоступен. Приднестровье не слишком хорошо ко мне отнеслось.

Хватаясь за то, что осталось от боевого духа, я сделал уставшему Юлиану еще одно предложение.

— Может, наш друг вратарь Денис Романенко поможет? Может, он знает номера этих двух игроков, и мы сможем обойти упрямые клубы.

Через два часа мы выяснили, что номера Строенко у Дениса нет, а номер Рогачева принадлежал его родителям, и они сказали, что он проживает в спортивном комплексе и связаться с ним можно только через официальных лиц.

Конец игры.

— Юлиан, пора заняться шопингом, — сказал я. — Будем покупать мне билет домой.

— Ребята, это финал, — робко произнес я за ужином. — Пари проиграно. Я испробовал все, но достать двоих игроков из Приднестровья я просто не могу.

Когда Адриан перевел, Григор и Дина озадаченно переглянулись. Как и при нашей первой встрече, когда я рассказывал, что намереваюсь сделать. Все это время я был упорно оптимистичен, и им оказалось сложно понять, что я смирился с поражением. Брови поползли вверх, еле заметное пожатие плечами сопроводили короткие замечания на румынском, оставшиеся без перевода. Настроение сделалось мрачным.

— Прости, Адриан, — сказал я, вставая после ужина из-за стола.

— Ничего, — ответил он. — Думаю, это не ваша вина.

Вероятно, да, не моя, однако нам было от этого не легче, и неприятный вечер завершился удрученными пожеланиями спокойной ночи.

В своей комнате я изо всех сил пытался отогнать мрачные мысли, твердя себе, что я молодец, ведь я одержал победу над семерыми футболистами, когда был на грани того, чтобы сдаться, не сыграв ни с кем. Я сделал интересные открытия в новой и загадочной стране и в каком-то роде стал членом теплой и чудесной семьи. Но не смог стать их Тони чел Маре. Это было ужасно.

Было утро четверга, ближайший рейс в Лондон значился в субботу, так что — ого-го! — у меня было два выходных. В первый из них я решил еще раз попытаться покорить Старый Орхей, но на этот раз избрал способ попроще — попросив Юлиана заказать такси.

— А что такое вообще этот Старый Орхей? — спросил я Юлиана, когда машина ехала по серо-черному городу в мягкую хмарь осенней сельской местности. — Я никогда раньше не спрашивал. Хотел устроить себе сюрприз, когда я туда приеду.

— Это монастырь, построенный в скалах.

— А как он выглядит?

— Не знаю, я никогда там не был.

Об этом месте, которое находилось всего в 45 минутах езды от Кишинева, столько говорили, а Юлиан ни разу не утруждал себя поездкой туда! Подозреваю, мечтой Юлиана было не искать красоту в своей стране, а найти способ из нее выбраться. Мне такой образ мыслей казался неправильным. Разве не лучше искать то, что ты хочешь, там, где ты есть, а не в каком-то другом месте? Тем не менее Юлиану, вероятно, было больно всего за день до этого наблюдать, с какой легкостью я купил билет домой. Может, надо было вести себя более чутко и сделать это одному?

Пока такси увозило нас все дальше от людей по грязным тропинкам вместо дорог, я начал понимать, насколько безумной была идея попытаться приехать сюда одному на общественном транспорте. Старый Орхей был не городом и не поселком, как я думал, а крохотной церквушкой, взгромоздившейся на вершине утеса над плодородной долиной реки. Однако я не был разочарован, настолько эффектным выглядело ее расположение — отдаленный уголок цивилизации, ненадежно балансирующий на краю дикого, каменистого и продуваемого ветрами ландшафта.

Мы остановились у одиноко стоящего дома у подножия утеса, и Юлиан заказал для нас услуги Лилии, нашего личного гида всего за десять леев, что равнялось 1 фунту. Ее продолжительная экскурсия была интересной, информативной и... на румынском. Если бы я приехал сюда один, несколькими днями ранее, и со мной не было Юлиана, готового перевести слова гида, я бы так никогда и не узнал потрясающую историю. Люди жили в этих местах со времен пещерного человека, а позже племена Дакии построили внизу, в долине, большой город, который ныне полностью погребен под развалинами и отходами последующих веков. Лилия провела нас по древнему каменному комплексу, который был для жителей Дакии священным местом, где они поклонялись бесчисленным богам. Она объяснила, что каждые пять лет старейшины поселения приводили сюда самого образованного и уважаемого члена общества и приносили его в жертву богам, толкая с края утеса на копья, воткнутые в землю в долине. Умереть таким образом считалось огромной честью. По мне, побудительные мотивы этой программы продуманы неважно. Если награда за успех — быть проткнутым копьями, то, простите, разве большинство не позвонит и не скажет, что заболели и на этой неделе на работу не выйдут?

Самым запоминающимся объектом экскурсии был пещерный монастырь, который действительно вырезан в известняке в тринадцатом веке православными монахами, искавшими уединения в попытках приблизиться к Богу и желавшими избежать гонений. Около десяти монахов отсиживались там, в самых стесненных условиях, у каждого из них не было ничего, кроме крошечной кельи для сна. Сознательно избрать такую жизнь — тут нужна либо исключительная вера, либо абсолютная тупость — либо то и другое сразу. День за днем, ночь за ночью они страстно

молились в попытках постичь Божество и услышать Его голос, голос, который почти наверняка говорил:

— Слушайте, вам не обязательно через все это проходить. Съешьте пиццу и расслабьтесь.

В тот вечер семья была в оживленном настроении. Я не мог представить, отчего они так развеселились.

— У моей мамы идея, — объявил Адриан за столом. — Сегодня днем она ехала в машине с крестной одного из игроков национальной сборной, и эта женщина говорила об отборочном матче чемпионата Европы. Они будут играть в Белфасте с Северной Ирландией всего через несколько недель.

— Да. И что?

— Ну, и я с родителями как раз говорил...

— И я тоже! — обиженно пропищала Елена.

— Да, и Елена тоже, — продолжил Адриан. — Мы подумали — а что если вы поедете в Белфаст и сыграете с футболистами там, раз не можете сделать этого здесь?

Я был потрясен. Великолепная идея, которая просто не приходила мне в голову.

— Фантастика! — вскричал я, с трудом сдерживая дикий восторг. — Дина, спасибо огромное. Спасибо всем вам. Спасибо. Спасибо.

— Мой папа говорит, что мы должны выпить молдавского шампанского, потому что с сегодняшнего вечера ваше пари снова в силе.

И мы выпили. Устроили небольшое празднование в честь этого события. Откуда-то появилась выдавшая виды гитара, и Григор запел и заиграл с неожиданным мастерством. Когда он запел старую русскую балладу, я заметил блеск в глазах Дины, что навело меня на мысль, что эта песня была для них обеих особенной, той самой песней, которая, веро-

ятно, сыграла важную роль на их свиданиях много лет назад. Они обменялись взглядами — и на какой-то миг снова стали студентами-медиками, молодыми и влюбленными, а их потомство и чудаковатый гость-англичанин были всего лишь зрителями, которым выпала честь наблюдать воочию ту особенную силу, которая связала их вместе и поддерживала все эти годы. Когда было достаточно выпито, я откинулся на стуле и окинул взглядом происходящее. Трубадур Григор и его красавица жена, окруженные двумя чудесными детьми.

Их объединяло нечто особенное, и на мгновение мне захотелось иметь то, чем обладали они. Немного удивительно. Не думал, что скажу такое о ком-то из Молдавии.

И только когда я наконец упал на кровать, до меня дошло все значение того, что произошло этим вечером. Дело не только в том, что семейный план снова направил меня к намеченной цели; впервые за все время моего пребывания в Молдавии кто-то проявил инициативу. До настоящего момента предложения всегда выдвигал я, изобретая дикие схемы или бросаясь из крайности в крайность. И вот кто-то другой что-то придумал, и его идея была чертовски хороша. Странно, что этот миг настал, только когда я полностью сдался. Может, это потому, что я впервые оказался беззащитен и нуждался в помощи, а как раз такому молдаване могли посочувствовать. А может, помощь подоспела, потому что они не хотели, чтобы я проиграл, а не хотели они этого потому, что им было не все равно.

Вернув к жизни пари, мне предстояло снова окунуться в работу, и мой последний день стал повторением первого. Я отправился с визитом в Молдавскую футбольную федерацию. Андрей, переводчик команды, похоже, был рад меня видеть.

— Как дела? — спросил он. — Как справляешься?

— Хорошо, спасибо, — гордо ответил я. — Кое-чего удалось достичь. Угадай, со сколькими футболистами мне удалось сыграть за три недели?

Андрей задумался и помедлил с ответом.

— Ну, думаю, — осмелился высказаться он, — ты сыграл с семерыми.

— Невероятно. Андрей, ты совершенно прав, откуда ты узнал?

— Я не знал. Просто подумал, что за это время можно было бы такого добиться.

Досадно — он попал в точку. Это даже немного омрачило мою радость.

Я рассказал Андрею о своих планах в Северной Ирландии, и он познакомил меня с Василием Ватаману, директором по связям с общественностью, который был крепок телом и остер на язык. Это лишь предположение, но у меня создалось впечатление, что за все годы жизни он, возможно, ни разу не отказался от лишнего стакана водки.

— Господин Ватаману говорит, — переводил Андрей, — что тренер команды любит такие причуды, и думает, что мы сможем помочь тебе в Белфасте.

Необычный поворот — оказывается, мое желание сыграть с футболистами в теннис можно назвать «причудой». Господин Ватаману постоянно решает подобные вопросы? Если так, мое предположение о том, что он неравнодушен к водке, вскоре может окрепнуть.

Лучшей новостью было то, что мои недостижимые приднестровцы Строенко и Рогачев оба были в команде, выезжающей на матч, как и Александр Куртиян, парень, который играл в России за «Зенит» из Санкт-Петербурга. Если в Белфасте все пойдет по плану, то я одолею всех футболистов, кроме одного — Марина Спыну, который выбыл из национальной команды после матча на «Уэмбли» и теперь

играл в Израиле. Возможно, придется совершить поездку в Святую Землю, чтобы подвести спор к успешному завершению.

Выбрав короткий путь, предложенный Юлианом, я добрался до Центра журналистики, когда все, кроме Большого Джима, который продолжал работать на ноутбуке, уже разошлись по домам.

— Терри, я слышал, ты улетаешь завтра, — сказал он, отвернувшись от экрана. — Я так понимаю, теперь ты едешь в Ирландию, а потом в Израиль.

— Да, план такой.

— Что ж, должен воспользоваться этой возможностью, чтобы пожелать тебе огромной удачи. Может, позвонить Тони Блэру и попросить тебе помочь?

— Думаю, у него есть пара более важных дел.

— Что ж, знаешь, как говорят: «Не попросишь — не получишь».

Пока Джим развивал идею о том, чего можно достичь, если очень постараться, я поставил в центр кабинета флипчарт и крупными буквами написал:

Всем до свидания и спасибо.

Тони чел Маре

Может, такой способ прощания и был слегка холодным, но я не стал из-за этого переживать. За исключением Коринны, которая уехала по делам в Румынию, я не произвел особого впечатления на ребят в этом офисе, так что был рад выскользнуть без свидетелей.

— Ты бы переписал, — предложил Джим. — Там «Терри», по-моему, выглядит как «Тони».

— Сойдет, — сказал я, так и не открыв ему правду.

— Ну, дело твое. Что ж, до свидания, Терри.

— До свидания, Джим.

Крепкое рукопожатие.

— Заглядывай в гости, если будешь в Миннесоте.

Вероятно, загляну.

Для человека, который не слишком любит прощаться, этот день был не самым приятным. Остановка такси на бульваре Штефана чел Маре стала сценой очередных прощаний. Счастливчик Юлиан наконец-то мог от меня избавиться. Он стоял передо мной, а я чувствовал странное оцепенение — невозможность понять, какие эмоции я должен ощущать. Мы работали рука об руку и разделили немало радостей и разочарований, но тем не менее отношения между нами не стали слишком теплыми. Мы уважали друг друга, и только. Мне хотелось думать, что Юлиан будет вспоминать время, проведенное с сумасшедшим англичанином, с нежностью, и что какая-нибудь моя позитивная идея надолго останется у него в памяти, однако почему-то сомневался. Юлиану нравилось, когда его не трогали. Ему не нравилось, когда кто-то появлялся и учинял беспорядок.

— Удачи, — сказал он, пожимая мне руку.

— Удачи, — сказал я, пожимая его руку в ответ.

Она была нужна нам обоим, но один из нас уже получил добрую порцию — просто по месту рождения. Больше я не воспринимал это как должное.

Это было довольно трогательно. Семья в честь меня устроила праздничный ужин, главным блюдом была огромная рыба, которую, как я предположил, специально выловили какие-нибудь пациенты, а в гости — приятный сюрприз — пришли Коринна и ее муж Аурел, только что вернувшиеся из Румынии.

— Значит, в своем прогнозе я ошиблась лишь на одного, — сказала Коринна, начав обсуждение последних событий. — Я говорила, что ты сыграешь с шестерыми, а, как я слышала, ты сыграл с семерыми. И выиграл!

— Конечно, выиграл, — скромно ответил я. — Как ты могла во мне сомневаться?

— Прости, — рассмеялась она. — Но ведь семерых недостаточно. Разве ты еще не проиграл пари?

Я рассказал ей о том, что собираюсь поехать в Белфаст и Израиль.

— А ты действительно настроен выиграть, — почти с недоверием заметила она.

— Думаю, да. Настроен.

У меня были на сей счет небольшие сомнения, но кто мог меня обвинять? После всего, что мне пришлось пережить, совершенно не хотелось новых проблем, вроде необходимости воспользоваться ракетками на дороге в Белхэм.

Ужин был замечательным, и если вино текло быстрее, чем разговор, то лишь из-за языкового барьера. Мы обменялись подарками; я подарил Дине цветы, а всем остальным футболки из Уимблдона и брелоки. Мне же надарили огромное количество молдавского шоколада и вина. Григор поблагодарил меня за влияние, которое я оказал на его детей, а я его — за доброту и поддержку семьи.

— Думаю, мы отлично поладили, — передал я через Адриана.

Дина и Григор кивнули. И я, и они знали, что отношения лучше и быть не может.

В полночь, веселый во всех смыслах этого слова, я поднимался к себе в комнату, когда услышал голос Адриана снизу.

— Тони, мне кажется, наш дом без вас опустеет, — тихо и искренне сказал он.

Я был сражен и не смог подобрать нужных слов.

— Спасибо, Адриан, — только и сумел произнести я.

Этого было недостаточно, но нужно было сказать хоть что-то.

Несмотря на то что такси заехало за мной в пять утра, все семья встала, чтобы меня проводить. Я обнял всех по очереди, чувствуя в каждом объятии искреннее тепло. Неважно, выиграю я или проиграю это пари, объятий на пороге дома было достаточно, чтобы оно того стоило.

Когда такси разворачивалось, отъезжая от дома, фары осветили семью, машущую мне вслед. Они были очаровательны. Это вполне мог быть финальный кадр оscarоносного фильма.

Если не считать того, что опускать занавес еще рано.

Глава 14

СОСИСКИ

Уехать из Молдавии не так просто, как могло показаться. На регистрации в аэропорту мою сумку взвесили и сообщили поразительные новости, что у меня перевес на 23 килограмма и я должен заплатить 225 долларов за лишние килограммы в багаже.

— Двести двадцать пять долларов? — завопил я на парня из «Эйр Молдова», которого вызвали специально ради меня. — Мои сумки со всем содержимым столько не стоят.

И это, возможно, было правдой, учитывая, что видеокamera я брал с собой в ручную кладь.

— Такие правила, — объяснил мне невозмутимый представитель авиакомпании, молодой человек, которому на вид еще не было тридцати. — Столько вы должны заплатить.

— Я не буду платить двести двадцать пять долларов. Это абсурд, — пожаловался я. — Кроме того, у меня осталось всего 50 долларов.

Три недели в этой стране закалили меня, и я не собирался выкладывать такую сумму. По крайней мере, не поднимая шум.

— Вы должны заплатить, — настаивал он.

— Не должен, если облегчу свой багаж, — объявил я, к недоумению служащего.

Я начал вытаскивать из сумок бутылки с вином и коньяком, которые купил за последние дни и которые мне подарили накануне вечером. Я поднял взгляд на служащего и улыбнулся.

— Вот. Можете повеселиться, — объявил я.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я не собираюсь платить 225 долларов за то, чтобы взять с собой эти бутылки, когда они стоят, вероятно, около 50 долларов. Забирайте себе. Можете устроить вечеринку с друзьями.

Я посмотрел на нескольких сослуживцев этого парня и знаками дал им понять, что алкоголь скоро будет принадлежать им. Похоже, эти новости их не расстроили. Однако представитель авиакомпании остался непоколебим.

— У нас в стране и так много вина, — сказал он.

— Ну, будет еще больше, потому что я не буду платить двести двадцать пять долларов, чтобы взять его с собой.

Мое отношение в каком-то роде обезоружило противника. Он уже признал во мне странного типа, но явно никогда раньше не сталкивался с пассажиром, чья странность выражалась в желании надарить спиртного чиновникам аэропорта. В учебниках ничего не говорилось о том, как общаться с такими парнями. Озадачившись, он пошел за советом, прихватив с собой мою сумку, которая заметно полегчала.

Через десять минут, слегка успокоенный, он вернулся.

— Вес вашей сумки теперь превышает норму всего на пять килограммов, — сказал он. — Я предлагаю сделку. Вы забираете свое вино и коньяк, а я штрафую вас только за лишние пять килограммов.

Звучало неплохо. Особенно если согласиться означало наконец улететь домой. А я хотел домой.

— Хорошо, согласен. Штрафуйте, — довольно нагло ответил я.

Служащий исписал страницу своего блокнота какими-то расчетами, а потом повернулся ко мне и объявил:

— Вы должны заплатить пятьдесят долларов.

Пятьдесят долларов? Какое совпадение. Его тщательные расчеты в итоге вывели именно ту цифру, о которой я упомянул ранее, заявив, сколько у меня денег в бумажнике. Почему бы просто не забыть о трепе насчет перевеса и не ввести правило изымать все деньги, которые у вас остались?

— Ладно, — согласился я, — вот ваши деньги.

Хоть я и посчитал, что меня надули, но, по крайней мере, мои довольно беззастенчивые действия снизили цену до приемлемого уровня. Теперь, когда приеду домой, я смогу взять одну из бутылок и поднять два тоста за Молдавию — один за тех прекрасных людей, с которыми я познакомился, и другой — за облегчение, что я наконец выбрался из этой страны.

— Ну что, Хоукс, ты справился? — спросил Артур, когда мы встретились пропустить по стаканчику в том же самом пабе, в котором произошло рождение дикого пари.

— Не совсем. Сначала я должен съездить в Северную Ирландию, — ответил я.

— Зачем?

— Чтобы встретиться там с моими футболистами.

— Боже. Только не говори, что после этого тебе надо будет съездить еще черт знает куда.

— Не черт знает куда, а в Израиль.

Он посмотрел на меня, абсолютно не понимая, шучу я или нет.

— Так со сколькими ты уже сыграл? — спросил он.

— Спокойствие, Артур. Я расскажу тебе все, когда закончу. А пока работай над загаром. И убедись, что он будет ровным.

Две недели спустя, после первого теннисного матча на родной английской земле с моим другом Тимом (который всегда был гораздо более серьезным противником, чем обычный молдавский футболист), мы распили у меня дома чайник чая, и я получил факс от Юлиана из Молдавии.

Плохие новости, Тони. Я только что говорил с Андреем из Молдавской футбольной федерации, и он сказал, что тренер сборной считает, что их график в Белфасте будет слишком плотным и вряд ли позволит сыграть в теннис.

Мне жаль. Полагаю, это значит, что ты все же проиграл.

С наилучшими пожеланиями, Юлиан.

Я опустил голову. Я снова смотрел в лицо поражению. Когда я уезжал из Молдавии, дела обстояли как нельзя лучше, однако сейчас мои надежды рухнули под тяжестью обычного факса. Тим, который знал, что я и так расстроен, проиграв ему на последнем тай-брейке, заметил, что я помрачнел еще больше.

— Ты все еще едешь в Белфаст? — спросил он.

— Не знаю, — вздохнул я. — Я хочу сказать, что, похоже, в этом нет смысла.

— Смысл в том, чтобы выиграть пари.

— Но тренер мне отказал.

— Как именно звучали условия пари с Артуром? — спросил Тим неожиданно радостным голосом.

— Что ты имеешь в виду?

— Как именно звучали условия?

— Ну, я должен выиграть у всей национальной футбольной сборной Молдавии в теннис.

— В теннис?

— Да, в теннис. Тим, к чему ты клонишь?

— Ну, почему бы тебе не пойти и не купить игровую приставку и побить всех в теннис на ней? Их менеджер точно не будет против того, чтобы они посидели перед телевизором и понажимали кнопки.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно. Игра называется «Теннис», и если ты обыграешь их в такой теннис, то выполнишь условия пари.

— Это самая дикая идея, о которой я слышал.

— Да, но почему бы ею не воспользоваться?

Я задумался. Это, без сомнений, была соломинка, но надо же было за что-то ухватиться. Я парень отчаянный. Зайдя так далеко, пережив Молдавию и собрав семь скальпов, я бы впал в безумие, признав поражение теперь. Кроме того, я купил билеты в Белфаст — и вполне мог туда рвануть. Пусть Артур однозначно не засчитает поражение молдавского футболиста в компьютерной игре как законную победу, но вполне может статься, что я смогу убедить его позволить собрать своего рода независимое жюри, которое вынесет решение, и, кто знает — может, они вынесут его в мою пользу, особенно учитывая время, усилия и деньги, которые я вложил в этот проект.

— Ладно, — наконец ответил я. — Пошли в магазин.

Продавец в «Диксонс» на Оксфорд-стрит сказал, что настроить «Сони плэйстэйшн» просто, с этим справится и двухлетний ребенок. Когда сорок пять минут спустя я все еще сидел на корточках перед телевизором, матерясь на инструкцию по эксплуатации, легче мне не становилось.

Срочно требовался двухлетний ребенок, который объяснил бы мне кое-какие моменты, но все младенцы были заняты в яслях, читая лекции воспитателям об относительных преимуществах процессора К6-2 3Д на 475 мегагерц. Пришлось разбираться самому.

Наконец, после того как я внимательно прочел инструкцию, вместо того чтобы пробежать ее глазами, я достиг уровня младенца и мог начинать играть. Как и во многом другом, все дело было в спокойствии. Мой первый матч был с Питом Сампрасом. Возможно, лучше бы начать с более слабых противников, но я изучил весь список возможных претендентов и не нашел имен ни Лучано Паваротти, ни Розанны Барр. Нет, надо играть с профессионалами, и, если честно, никого круче Сампраса нет. Даже нарисованного.

Я проиграл 6:0, 6:0 в одном из самых неравных боев со времен вторжения американских войск в Гренаду. Что сделало поражение еще более неприятным, так это колкие замечания телекомментатора Барри Дэвиса. Создатели игры, вероятно, заплатили ему, чтобы как-нибудь вечером он зашел в студию и записал тысячи разных комментариев, которые потом можно вставлять в подходящие моменты матча. Мне показалось, что ко мне он был несправедливо критичен; возмущало и то, что он называл меня «игрок номер один».

— О боже, — говорил он. — И о чем только думал игрок номер один?

Или:

— Игрок номер один должен быть внимателен при подаче. У него с ней проблемы.

Когда я проиграл 6:0 Седрику Пьолину, Барри зашел слишком далеко.

— О боже, о боже, — произнес он. — Игрок номер один попросту не обладает необходимыми данными, чтобы играть на этом уровне.

— Слушай, комментатор А, — закричал я в телеэкран, — черт возьми, дай мне передохнуть — я играю всего двадцать минут! Пьолин же выступает на профессиональном уровне десять лет!

Но Барри, конечно, был прав. Я играл не на том уровне. Сам того не заметив, я переключил уровень на «очень трудный». Как только я нажал на кнопку «легкий уровень», то сразу размазал Агасси по корту 6:2, 6:2. (Если бы в реальной жизни все было так просто.)

Упорно проиграв два часа, я почувствовал, что заслужил чашечку чая, тем более учитывая, что за один сет я только что сравнялся с Греггом Руседски на «среднем» уровне. Барри не обрадовала моя передышка. Из кухни я слышал его непрекращающиеся речи:

— Неужели это все нервы?

— Я делаю себе чашку чая, Барри, вернусь через минуту, — крикнул я из кухни.

— Мне бы не хотелось называть это игровой хитростью со стороны игрока номер один, но какими еще могут быть причины такой задержки.

— Дай мне передохнуть, парень, я пытаюсь...

— Должен сказать, это неспортивное поведение.

— Слушай, Барри. Отвали!

Я никогда не смог бы жить с Барри Дэвисом. Этот парень так нетерпелив и пристрастен! Двух дней, проведенных с ним в спальне, пока я пытался обучиться игре, хватило, чтобы в этом убедиться. Как только с этим будет покончено, ему придется съехать. Однозначно.

Возможно, процесс был болезненным, но быстрое погружение в трагический мир неумелых прыщавых подростков подарило мне новые жизненные навыки, и, отправившись в понедельник утром в Белфаст, я полностью владел

техникой, необходимой для того, чтобы обыграть любого футболиста в мире в теннис на игровой приставке.

Если не думать о двух ноющих больших пальцах.

— Вы уже бывали в Белфасте? — спросил таксист с приятным ольстерским акцентом, доставляя меня из аэропорта в центр города.

— Да, несколько раз, — ответил я. — Первый — около пяти лет назад, когда я выступал в Художественном театре на комедийном фестивале в Белфасте.

В тот раз я узнал, что жители Северной Ирландии имеют удивительное чувство юмора, вероятно, отражающее боль всех ужасов, которые слишком часто их настигали. Я узнал об этом самым жестоким образом — перед аудиторией в четыреста человек. Оказавшись в Белфасте, я хотел представить им, по крайней мере, хоть какой-то материал с местным колоритом. Однако я слишком хорошо знал, что сделать это — значит идти по минному полю комедии, учитывая сложную религиозную и политическую ситуацию. Тем не менее я решил осуществить эту затею, о чем рассказал нескольким местным, и они заверили меня, что все пройдет как надо.

В тот вечер после двадцати минут на сцене я решил, что уже можно рискнуть. Я глубоко вздохнул и прыгнул с ображаемого трамплина, не позаботившись о том, чтобы выяснить, есть ли вода в бассейне.

— У меня тут произошла ужасная история с ботинком, — начал я. — У него отклеилась стелька, и я все время цеплялся о болтающийся передний край. Ну, один приятель посоветовал мне клей и убедил, что он отлично ее приклеит, но это ни к чему не привело. Тогда я заменил ее на резиновую, но та тоже отклеилась...

Не буду загружать вас полным набором рассуждений на эту чрезвычайно банальную тему, однако стоит сказать, что

я продолжал до тех пор, пока мог удержать внимание публики, а затем произнес фразу, на которой держалась вся история.

— ...Наконец, перепробовав пять разных клеев, я сдался и выбросил ботинки... и вы все еще думаете, что вам тяжело живется?

Тишина. Боже, нет! Мне дали плохой совет, и я зашел слишком далеко. Теперь уже ничего не поделаешь. Но вдруг послышался смешок, а за ним громкий гогот, и, точно как по команде при съемках сериала, театр заполнился смехом.

Моя самая отчаянная эскапада на сцене обернулась успехом, но это было очень рискованно. Она указала на стойкость жителей Северной Ирландии — которые могут смеяться заодно с тем, кто преуменьшает их страдания, причем с англичанином. Мне кажется, это потому, что они любят черный юмор. Иначе быть не может. Многим смех нужен для самообороны.

— Вам нравится Белфаст? — спросил таксист, когда мы подъезжали к беспорядочному нагромождению серых зданий, которые и были центром города.

— Мне всегда казалось, что здесь очень дружелюбные люди.

— Это наша проблема, — сказал он. — Мы дружелюбны к приезжим, но терпеть не можем друг друга.

Он высадил меня у здания Ольстерского телевидения на Ормо-роуд только после того, как мы постояли в пробке.

— Не понимаю, почему это называют «часом пик», когда простоять можно целые сутки, — иронично заметил он.

Я вернулся в страну, где чувство юмора ценится выше всего. Ну, почти всего.

— А, входи, Тони, как здорово снова тебя видеть, — сказала Шона, открывая мне дверь в офис «Келли-шоу», в

котором я как-то участвовал. — Смотрите все! Это же придурок с холодильником!

— О, Иисусе! — воскликнула Мэри. — И во что он ввязался на этот раз?

— Он играет с молдавскими футболистами в теннис, — отозвалась из другого конца комнаты Элена.

— Кто-то должен помочь этому человеку. Он псих, — заметила Патриция.

— И на что похожа Молдавия? — спросила Элис.

— Ну, скажем, — ответил я, — это страна, где вы вряд ли найдете рекламу мягкой туалетной бумаги.

Моя публика рассмеялась. Как мне здесь нравилось. Пять молодых женщин с прекрасным чувством юмора, которые протягивали мне руку помощи. Этот офис, как и Центр журналистики в Кишиневе, будет штаб-квартирой моей деятельности, с той лишь разницей, что здесь меня окружали люди, выражавшие нескрываемый интерес к происходящему и предлагавшие интересные варианты.

— Почему бы тебе не позвонить в Ирландскую футбольную ассоциацию? — спросила Мэри. — Они скажут, где остановился Рогачев.

— Хорошая идея, а у вас есть номер?

— Достанем через минуту.

Это было удивительно. Меня окружали профессиональные разведчики. Они понимали, что проблемы созданы для того, чтобы их решать. Разительное отличие от молдавских ребят.

Рогачев был проблемой, которую требовалось решить. После матча на «Уэмбли» он выбыл из основного состава национальной сборной, но все еще играл в молодежной. Их матч проходил в другое время и другой части Северной Ирландии. К тому же я не знал, какой у него график. Тревор Ирскин из Ирландской футбольной ассоциации ответил по телефону на все мои вопросы.

— Как вы знаете, основной состав играет в среду вечером, — любезно объяснил Тревор, который считал, что разговаривает с репортером Ольстерского телевидения. — А Рогачев будет завтра вечером играть за молодежку в Колрейне.

— Верно. Что ж, я непременно туда съезжу.

— Нет проблем — я закажу билеты. А почему вы хотите взять у него интервью?

— Это очень длинная история, Тревор, если все пойдет как надо, я расскажу при встрече.

— Нет проблем.

Мне понравился этот парень. У него, похоже, ни в чем не было проблем. Может быть, потому, что он еще не знал, чего именно я от него хочу.

— Его зовут Андрей Иксари, — сказал я хорошенькой девушке у стойки регистрации «Холидэй инн». — Он ждет меня. Он переводчик молдавской сборной.

— Ах, да, Андрей, — ответила она с улыбкой. — Я сейчас позвоню ему, предупрежу. Он славный.

Это я уже знал. Возможно, он был самым общительным из всех людей, с которыми я общался на футбольные темы. Теперь, похоже, хорошие манеры, молодость и внешность сдружили его с хорошенькими североирландскими портье.

Андрей, должно быть, удивился, почему я все же решил приехать в Белфаст, несмотря на довольно неблагоприятные последние новости от тренера национальной команды. Когда несколько часов назад мы с ним созвонились, у него как раз была встреча, и я не смог объяснить причины своего решения. Если Андрей до сих пор не понимал мою истинно британскую эксцентричную натуру, то, уверен, он изменил мнение обо мне, когда я сказал, что проделал весь путь до Белфаста, чтобы сыграть с тремя молдавскими футболистами в теннис на игровой приставке.

Было приятно его снова видеть, когда он гордо вышел из лифта в холл, где я ждал. Его сопровождал крупный и приветливый Василий Ватаману. Оба, на удивление, обрadowались встрече.

— Добро пожаловать в Великобританию, — довольно официально сказал я.

Господин Ватаману сказал что-то по-румынски.

— Мы очень рады видеть тебя на твоей родной земле, — послушно перевел Андрей.

Белфаст не был моей родиной, но я понял, что он имеет в виду, и мы сердечно пожали друг другу руки. Эти двое выглядели расслабленными, что было невероятно. Прилетев в тот же день, они должны испытывать возбуждение, ведь они попали в новую страну, но, думаю, они испытывали чувство облегчения, освободившись от бремени, коим была Молдавия. Таково мое мнение. Это было написано на их лицах. Складывалось ощущение, что их лицевые мышцы разогрелись и готовы улыбаться.

Наша встреча изобиловала несвойственным их национальности смехом, господин Ватаману пребывал в шутовском настроении. Он принес хорошие новости. На самом деле, потрясающие. Мне сказали, что тренер снова передумал и теперь не возражает, чтобы я сыграл с его футболистами в теннис, при условии, что я сделаю это завтра утром. Естественно, я согласился. Вряд ли бы я сказал:

— Нет, простите, но завтра утром исключено, у меня шопинг.

Времени оставалось мало. Я должен был успеть сыграть со Строенко и Куртияном после их завтрака и до экскурсии по городу. Это означало, что надо уложиться в промежуток с 10:15 до 11 часов.

— А я успею? — спросил я господина Ватаману, чей ответ последовал незамедлительно.

— Господин Ватаману говорит, что за это время ты успеешь обыграть ребят три раза.

Господин Ватаману громко захохотал.

— Одного будет достаточно, — ответил я с улыбкой.

Что-то лучше делать дважды. Обыгрывать молдавских футболистов в теннис — из другого разряда.

— Ты в форме? Готов? — спросила Шона, когда мы встретились с ней в приемной Ольстерского телевидения на следующее утро.

— Я готов, как никогда, и я в нужной форме.

Шона мило согласилась исполнить роль Юлиана и снять матчи на пленку в качестве доказательства.

Выйдя из такси, которое осталось нас ждать, готовое доставить прямиком к дверям крытого теннисного центра Белфаста, мы вошли в «Холидэй инн» ровно в 10.15. Атмосфера там царила, мягко выражаясь, необычная. Молдавские парни средних лет кружили по фойе в темных пальто и разнообразных нелепых шляпах. Такое ощущение, будто я снова очутился в Кишиневе, если не считать того, что освещение было ярким, а персонал отеля не ходил с лицами террористов-смертников. Должно быть, предположил я, это руководство клуба. Их было слишком много и, как я вскоре узнал, при вынесении решений каждый хотел вставить свое слово.

— Господи, прямо сцена из триллера о «холодной войне», — сказала потрясенная Шона.

— Я наблюдал это три недели.

— Хорошо, что это был ты, а не я.

Наконец появился Андрей. Вид у него был слегка встревоженный. Он объяснил, что игроки еще завтракают и скоро явятся. Было 10.20, а вернуться в отель они должны к 11. Времени мало, но ускорить процесс я ничем не мог. Не-

смотря на то, что я снова был там, где со мной говорили на одном языке, и понимал, как и что работает, я все еще зависел от пожеланий моих молдавских друзей и их своенравного и нерешительного характера.

В холле стало совсем тесно, когда футболисты в спортивных костюмах присоединились к тем, кто деловито валял дурака в холле отеля.

— Это, видимо, значит, что они позавтракали, — заметил я со всей невозмутимостью, на какую был способен.

— Двадцать пять минут одиннадцатого, — объявила Шона. — Не думаю, что тебе хватит времени.

— Главное в такой ситуации — не паниковать. И все получится.

Моим уверенным речам, однако, противостояли внутренние страхи. Победа ускользала. Если сегодня утром мы не сыграем, все кончено. Шанса больше не представится.

— Что происходит, Андрей? — спросил я, когда он прошел мимо с немного расстроенным видом.

— Я вернусь через минуту, — сказал он. — Надо решить одну проблему.

С этими словами он присоединился к толпе руководства, у которого получилось добиться поразительного сходства с восточноевропейскими шпионами. Голоса стали громче, «шишки» принялись высказывать мнения и размахивать руками. Похоже, обсуждалось что-то крайне важное. Шона посмотрела на меня.

— Случилось что-то плохое, — мрачно сказала она.

— Вижу. Меня начинает это немного беспокоить.

Антикризисная комиссия перед нами продолжала засесть еще несколько минут, а мы с Шоной пытались угадать возможные причины суматохи. Может, их лучший игрок получил травму? Или кого-то обокрали в номере? Или молдавское правительство хотело по телефону обсудить важные дипломатические ходы?

Как бы там ни было, миссию по решению проблемы возложили на Андрея. Я с волнением наблюдал, как он уже в который раз промчался через фойе. Я улучил момент, чтобы помолиться: какой бы ни была причина переполоха, пусть в ближайшие тридцать секунд все уляжется.

Андрей решительно остановил проходившую мимо официантку. Мы вытянули шеи, чтобы расслышать как можно больше.

— Что там с сосисками? — спросил он.

— Мне показалось, ваш человек сказал, что не хочет видеть на столе сосиски, — ответила она.

— Это был господин Сепой. А господин Данилян хочет, чтобы сосиски подали немедленно.

— Хорошо, я снова их принесу.

Андрей посмотрел на толпу шпионов и сделал им знак, что все в порядке. Их обеспокоенные лица слегка закамнели.

Мы с Шоной с недоверием переглянулись. Невероятно, весь шум подняли из-за отсутствия каких-то сосисок. Это было бы забавно, если бы последствия этой задержки не казались жизненно важными для исхода моего пари.

Через мгновение официантка появилась из кухни и принесла поднос с сосисками Андрею.

— Сосиски, — только и сказала она.

— Да, сосиски, — подтвердил Андрей до того, как сопроводить ее к руководству.

Мы все с нетерпением ждали ответа принимающей стороны. Признает ли та, что это сосиски, или кто-нибудь потребует научно обоснованных доказательств.

Нам повезло. Официантку встретили одобрительными кивками и отправили в столовую, а за ней потянулись голодные футболисты в спортивных костюмах, довольные тем, что их меню наконец-то одобрили. Сосисочный кризис, похоже, остался позади.

Прошло еще пять мучительных минут до того, как Андрей и господин Ватаману наконец вышли из столовой с двумя футболистами.

— Мы готовы, — сказал Андрей. — Это Александр Куртиян, а это Сергей Клещенко.

Игроки послушно пожали мне руку.

— Господин Ватаману говорит, что вам пора ехать на игру, — заявил Андрей. — Он хочет, чтобы игроки вернулись к одиннадцати.

Однако теперь настала моя очередь решать проблему, и она была серьезнее сосисочной.

— Андрей, — сказал я, когда футболисты направились к выходу из отеля. — Мне кажется, господин Ватаману привел не того Сергея.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, чтобы выиграть пари, я должен обыграть одиннадцать футболистов, которые играли на «Уэмбли». Сергей Клещенко не играл. Играл Сергей Строенко.

— Так ты хочешь Строенко?

— Да.

Андрей сразу расстроился и отошел для срочных переговоров с господином Ватаману, а потом сообщил эту новость удивленному Клещенко, по разочарованному виду которого было понятно, как он ждал этого небольшого развлечения. Учитывая все трудности вывода молдавских футболистов на теннисный корт, было странно отказывать игроку, раз уж он очутился в моем распоряжении, но это должен быть правильный футболист, иначе нет никакого смысла играть.

Клещенко надулся, соорудил гримасу и исчез за закрывшимися дверями лифта. Возможно, это было жестоко, но дело есть дело. Пусть во время демонстрации моих доказательств Артур вряд ли сказал бы:

— Эй, минутку! Это не Строенко — это Клещенко!

Тем не менее, дойдя почти до конца, казалось важным сделать все так, как нужно.

Удивительно, но мои молдавские друзья, похоже, с этим согласились, и через минуту передо мной предстал другой футболист в спортивном костюме.

— Сергей Строенко, — гордо объявил Василий Ватаману, показав на удивленного, слегка лысеющего молодого человека в спортивном костюме, которого, видимо, только что оторвали от завтрака, сообщив, что он должен сыграть с каким-то чуваком в теннис.

Мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его за то, что он пришел, а потом подвел всех к ждущему такси. Было 10.40. Теоретически я должен был управиться через двадцать минут. Естественно, это было невозможно, но, поскольку никто больше этого не осознавал, казалось неблагодарным обращать на это всеобщее внимание.

Господин Ватаману, явно предвкушая наши поединки, уселся на просторное и удобное переднее сиденье. Нам четверым выпал иной жребий: мы попытались уместиться на ограниченном пространстве позади. Куртиян, Строенко и я втиснулись на заднее сиденье, а Шона, наш отважный оператор, устроилась у нас на коленях. Но это, похоже, не слишком расстроило футболистов, которые сияли от удовольствия.

Разместившись на заднем сиденье машины, которая повезла нас к месту проведения матча, внезапно я ощутил гордость. Вот он я, зажатый между капитаном и защитником молдавской сборной, несомненно, готовый внести их теннисные скальпы в уже впечатляющий список. У меня все получалось. Менее десяти минут назад перспективы выглядели сомнительными, но сосисочный кризис остался позади, и победа снова замаячила в поле зрения.

Несмотря на невозможность подавать, как обычно, из-за болезненно отдавленного большого пальца, я почти без

труда одолел противников, которые, как и ожидалось, оказали слабое сопротивление. Строенко играл неплохо для защитника, но ему явно не хватило времени на моральную подготовку к игре. Что, наряду с привычкой промахиваться по мячу, обернулось его поражением. Куртиян, который считался лучшим футболистом в команде, до лучшего теннисиста не дотягивал и тоже проиграл.

Таким образом, у меня за плечами оказалось еще две победы, и мы с Шоной доставили игроков в отель всего на двадцать минут позже установленного срока.

— Спасибо за игру, — сказал чрезвычайно вежливый и обаятельный Куртиян, прощаясь со мной у дверей «Холдэй инн». — И удачи.

— Вам тоже, — ответил я. — Надеюсь, вы выиграете завтра — я буду за вас болеть.

Куртиян улыбнулся и показал большой палец.

Какой большой палец, отметил я. И почувствовал некоторое облегчение от того, что мне не пришлось играть с ним в теннис на приставке.

Глава 15

Меня зовут Стони

— Можно мне поехать на матч молодежных команд в Колрейн на вашем автобусе? — спросил я Андрея у стойки регистрации в «Холидэй инн», воспользовавшись советом, который дал Большой Джим в Молдавии: «Не попросишь — не получишь».

— Я спрошу у господина Ватаману, — ответил он.

Я был абсолютно уверен в успехе. Я определенно нравился господину Ватаману. Всего двадцатью минутами ранее он подарил мне маленькую эмблему молдавской национальной сборной на лацкан. Не могу придумать более надежного способа выяснить, любят ли тебя молдаване.

— Легко, — сказал, вернувшись, Андрей. — Автобус отправляется отсюда в 4.30.

И вот в 4.20 я бесцельно бродил по холлу гостиницы, как в напряженные полчаса тем же утром. Но теперь я чувствовал себя спокойнее — точнее, до тех пор, пока не получил новый удар судьбы. У лифтов я увидел знакомую фигуру в темном пальто и плоской кепке, больше похожей на йоркширскую, чем молдавскую. Я присмотрелся к лицу. Это лицо. Само по себе оно было не страшным, однако по моей

спине пробежали мурашки, прокрались в штаны, и мой зад начал неметь. Я смотрел на своего главного противника. Григория Корзуна. Вселенскую задницу. Моего заклятого врага.

Недолго думая, пока он меня не узнал, я бросился в туалет, где намеревался собраться с мыслями и решить, что делать. Я закрыл дверцу кабинки, спустил штаны, сел и начал размышлять. Меня утешало то, что, если решение моей проблемы должно найтись, я нахожусь в самом подходящем для этого месте. В уборной. Разве не здесь рождались самые великие идеи? Разве не здесь Галилей вычислил постоянство качания маятника? Разве не здесь Бойль объявил, что объем конкретного количества газа при постоянной температуре прямо пропорционален его давлению? Конечно же, здесь. Если хотите знать, на самом деле именно здесь сэр Исаак Ньютон открыл закон тяготения. История насчет яблока — версия событий, облагороженная для широкой публики. В конце концов, гораздо приятнее читать в детском учебнике, что на Ньютона снизошло озарение, когда ему на голову упало яблоко, а не когда пара кашек плюхнулась в унитаз. По одной из версий, Ньютон был великим одухотворенным мыслителем, а по другой, парню повезло, что у него расстроился кишечник.

Туалет определенно был правильным местом. Помимо всего прочего, это место отлично подходило для того, чтобы отсидеться, учитывая мой испуг. Я сидел там, как Феджин в «Оливере Твисте», оценивая происходящее. Недалеко от того места, где я расслаблялся, в фойе отеля ждал Григорий Корзун, и без всяких сомнений он собирался сесть в тот же автобус в Колрейн, на котором собирался ехать я. Я знал, что это нехорошо, по меньшей мере, потому что Григорий Корзун был совершенно не похож на Василия Ватаману. Он не был толстым, не был обаятельным, и я ему не нравился. Сильно не нравился. Его последние сло-

ва, переданные через Юлиана, не были комплиментом. Напротив, он был зол, что я пил его коньяк, отказался остановиться в его отеле и не рвался стать его деловым партнером.

Но, напомнил я себе, чего мне бояться? Что он мог сделать? Вряд ли он захочет меня убить. (Хотя, если он рассматривает подобный вариант, мы находились в той части света, где не так сложно отыскать мастеров этого дела.) Думаю, меня действительно волновало то, что он мог уничтожить весь план. Если захочет, конечно. Он мог оклеветать меня перед менеджерами, тренерами и официальными представителями, и с этого момента я стану персоной нон-грата, и мне откажут в доступе к Сергею Рогачеву, последнему игроку молдавской сборной, который мне требовался.

Я принял решение и вышел из туалета, зная, что должен следовать дорогой доблести. Я не сделал ничего плохого, был честен, так почему я прячусь по уборным? Если он решит усложнить мне жизнь, да будет так. Я не собираюсь отступать.

В фойе я увидел, как Григорий Корзун разговаривает с двумя людьми в нелепых шляпах. Глубоко вздохнув, я собрал свою смелость в кулак и подошел к нему, высоко подняв голову, с гордым видом, говорившим «Я сильный и не боюсь», хотя сильным я не был и боялся. Я хотел смутить его чрезмерной вежливостью. Предложу руку дружбы и заставлю его почувствовать себя некомфортно. Слегка эксцентричный способ мести, но по мне — самое то. Я считаю, убивать людей добротой всегда лучше, чем из ружья. Это не так безнравственно, полностью законно, и после этого ты чувствуешь себя гораздо лучше. Не понимаю, почему люди не пользуются таким способом чаще.

— Здравствуйте, господин Корзун, рад снова вас видеть, — вежливо сказал я, протягивая ладонь для рукопожатия.

Приднестровец обернулся посмотреть, кто к нему обращается, и был поражен тем, кого увидел перед собой. Нет! Упрямый англичанин преследует игроков в Белфасте?

— Здравствуйте, — ответил он, пытаясь изобразить напряженную улыбку.

Похоже, он совершенно не мог понять, какие эмоции должен испытывать, но полагаю, чувствовал что-то среднее между робостью и неудобством. Хорошо. Именно этого он заслуживал, учитывая, как он обошелся со мной на своей территории.

А потом произошло кое-что потрясающее. По пути от дверей лифта к входным вращающимся дверям отеля господин Ватаману внезапно сделал крюк, чтобы дружески хлопнуть меня по спине. Он что-то сказал по-русски Корзуну, что-то непонятное, но я знал, что это обо мне и, уверен, что-то хорошее. Господин Ватаману ушел, по-товарищески помахав. Корзун выглядел обиженным и растерянным. Каковы бы ни были его чувства ко мне, теперь он был вынужден держать себя в руках, так как я получил похвалу ответственного за связи с общественностью национальной молдавской сборной. Корзун скривился. В конце концов, он был просто президентом клуба, его участие в зарубежных поездках, наподобие этой, вероятно, зависело от расположения Молдавской футбольной федерации. Может, он опасался, что я расскажу о его обращении со мной в Приднестровье? Может, власть сменилась, и теперь я был тем, кого следовало бояться?

До чего же я надеялся, что это так. Возможно, не совсем по-джентельменски бить лежащего, но я не мог удержаться.

— Вчера я обыграл вашего футболиста Строенко, — сказал я, наслаждаясь недолгим моментом славы.

Корзун улыбнулся и неуклюже переступил с ноги на ногу.

— Ну, до свидания, — сказал я, внезапно вспомнив, что мы говорим на разных языках и что дальнейшие подколы все равно до него не дойдут.

— До свидания, — он изобразил слабую улыбочку.

Когда я отошел, перед моим мысленным взором зажегся финальный счет:

ГРИГОРИЙ КОРЗУН 1	ТОНИ ХОУКС 2
(Хоукс, гол в свои ворота)	(Хоукс 2, один с пенальти)

В автобусе я сел позади. Не потому, что мне хотелось пить или курить (во времена моей молодости это было обязательным, если сидишь сзади), а потому, что я чувствовал себя незванным гостем среди господ среднего возраста, и подумал, что лучше помалкивать, пока тебя не выгнали. Мне не хотелось, чтобы у Григория Корзуна, сидевшего впереди, появился шанс отомстить за унижение в фойе.

По окнам автобуса хлестал ирландский дождь, и я устроился на своем сиденье, чувствуя облегчение, что путешествие на матч для молодежных команд проходило легко, но немного опасаясь того, что будет, когда я туда доберусь. В тот же день с утра, после информации, полученной по телефону от Тренора Ирскина из Ирландской футбольной ассоциации, я забронировал себе номер на ночь в том же отеле, где остановилась молдавская команда. Я надеялся, что смогу сыграть с Сергеем Рогачевым на следующий день, однако получить необходимое разрешение было не просто, так как у молодежной команды было другое начальство, и никто из них понятия не имел о моих намерениях.

Автобус въехал через главные ворота на стадион «Шоу граундс», место проведения сегодняшнего матча, и молдавская толпа сразу же ощутила сырую вечернюю прохладу графства Лондондерри. Все выстроились в очередь к ларь-

ку с хот-догами. Мне тут же захотелось проскользнуть за стойку и посоветовать продавцу пересмотреть цены для Григория Корзуна, объяснив, что этот человек как-то в Манчестере заплатил двадцать пять фунтов за пиво и сэндвич.

Я купил программку и нашел себе место на трибуне в ожидании игры. Когда игроки разогревались, я высмотрел Сергея Рогачева в футболке с номером «одиннадцать», и меня впечатлили его пластика и грация. Мне хотелось, чтобы сегодня вечером игра прошла для него хорошо, а прежде всего — чтобы с ним ничего не случилось. Пожалуйста, никаких травм.

Игроки выстроились для исполнения национальных гимнов. Здесь я впервые услышал молдавский и решил, что мелодия неплохая, но тем не менее держал пальцы скрещенными, чтобы мне никогда не пришлось его петь. А потом оркестр заиграл гимн Северной Ирландии. Удивительно, но я его знал. Отлично знал. Конечно же, знал — это был «Боже, храни королеву».

Никогда раньше я не видел, чтобы толпа стояла и пела эту весьма посредственную песню с таким удовольствием и настолько душевно, но, думаю, это потому, что я никогда не бывал там, где исполнение гимна значило так много. В этой части света отношение к данному произведению определялось тем, к какой конфессии вы принадлежали.

Обычно я не встаю при исполнении государственного гимна, так как не уверен, что одобряю то, что он олицетворяет, но на сей раз мне показалось, что если я этого не сделаю, то могу навлечь на себя гнев окружающих. И я малодушно поднялся на ноги и запел бессмысленные слова:

Боже, храни нашу великодушную королеву,
Да здравствует наша благородная королева,
Боже, храни королеву.

Почему Бог должен хранить королеву? По крайней мере, больше, чем кого-либо еще? Имелось ли в виду, что существует своего рода негласная иерархия покровительства Господа? Если это так, на каком месте буду я?

1. Королева
2. Сэр Клифф Ричард
3. Тони Хоукс

А может, и нет. Я бы наверняка уступил свое третье место певце Дане Скэллон, подай она апелляцию.

Я подумал, что, учитывая, какова заинтересованность королевы в результатах этой встречи между молдавской и североирландской молодежными командами, Елизавету вполне можно вычеркнуть из этого списка. Однако взгляд через плечо подсказал мне, что, возможно, лучше не делиться этим мнением с окружающими. Вместо этого, зная, что футбольная толпа — это родовая группа, оказавшись в которой, обычно лучше оставаться на ее стороне, я без удовольствия играл роль патриотического монархиста.

Матч был в целом скучным и закончился ничьей 1:1. Рогачев не забил ни одного гола, зато и травму не получил. Пока все хорошо. Я взял такси до отеля, где остановилась команда, въехал в свой довольно роскошный номер, расслабился и подождал. В половине одиннадцатого вечера я пошел в бар.

— Вы не знаете, вернулся кто-нибудь из молдаван с игры? — спросил я человека, сидящего на барном стуле, полагая, что все в курсе, что здесь остановилась эта команда.

Человек, который активно расправлялся с пинтой «Гиннеса», ответил с характерным ирландским добродушием.

— А, конечно, они все вернулись. Они едят в другом баре, — сказал он. — А зачем тебе?

Я задумался.

— Э-э, ну это трудно объяснить.

Парень задумчиво присмотрелся ко мне.

— А ты не Тони?

— Да, — ответил я, слегка оторопев. — Тони Хоукс, если точнее.

— Боже ты мой, я же на днях говорил с тобой по телефону. Я Тревор Ирскин.

— Тревор! Привет.

Мы пожали друг другу руки.

— Бери стул. Я угощу тебя пивом.

Тревор оказался хорошей компанией, не в самую последнюю очередь потому, что у нас была общая проблема. Нам обоим приходилось каждый день крутиться в мире молдавского футбола.

— Моя работа — присматривать за ними, пока они здесь, — сказал он. — Давать им, что захотят, устраивать тренировки, организовывать экскурсии и все такое. Беда в том, что у них четыре начальника, и каждый раз, когда нужно принять решение, один говорит «да», а трое — «нет». Это, черт возьми, делает мою работу невыполнимой.

Он выглядел расстроенным и измученным одновременно, а ведь он работал с командой всего два дня. Я устоял перед искушением сообщить ему, сколько длится моя молдавская кампания.

— Да, с ними бывает трудно, — сдержанно заметил я.

— Трудно? Я бы сказал...

Он сделал большой глоток пива, вместо того, чтобы произнести то, что вначале пришло ему в голову.

— Самое ужасное, — продолжил он, когда пиво достигло нужной отметки в организме и оказало смягчающий эффект, — они, черт возьми, думают, что я за ними шпионю.

— Это как?

— У них все еще менталитет времен «холодной войны», а это значит, что они мне не доверяют. Думают, я передаю

информацию об их тренировках и тактике североирландской команде. Они устраивают собрания в тридцатом номере, когда не хотят, чтобы я знал, что происходит. Это раздражает, потому что я лишь хочу, чтобы они хорошо провели время.

— Не думаю, что хорошо проводить время входит в их планы.

— Наверное, ты прав. Но расстраивает то, что каждый в отдельности — действительно приятный человек, а вместе они как шило в заднице.

После двух кружек пива мы все еще болтали, и самым приятным в нашем разговоре была готовность Тревора активно поучаствовать в деле «Хоукс против Рогачева».

— Не переживай, Тони, предоставь это мне, — сказал он, когда я пожелал ему спокойной ночи. — Я поговорю с нужными людьми и завтра устрою тебе игру с этим парнем.

План был прост. Сыграть с Рогачевым после завтрака, до того, как команда отправится на экскурсию на побережье Антрима. Однако утро обернулось обычной для молдавского лагеря непоследовательностью.

— Не могу в это поверить! — произнес расстроенный Тревор, когда я столкнулся с ним у стойки регистрации после весьма приличного завтрака. — Они хотят отменить экскурсию, потому что решили, что сегодня утром игрокам нужна тренировка.

— Тренировка? Но ведь у них по плану только экскурсия и матч взрослой команды.

— Иван хочет, чтобы они были в лучшей форме и для того, и для другого.

— Иван? Кто такой Иван?

— Тренер.

Вполне логично. Поэтому он и хочет, чтобы игроки тренировались.

— А что начальство? — спросил я. — Ты спрашивал их вчера ночью, согласны ли они, в принципе, чтобы я сыграл?

— Трое из четверых сказали «да». Оставалось спросить Ивана.

— Надеюсь, он не Иван Грозный.

— Нет, — пошутил Тревор, — скорее, Иван, черт его дери, Непробиваемый.

Утро принесло сплошные расстройство. Настоящая проверка терпения. Я ждал в кресле в углу холла два часа, пока мимо сновали молдавские футболисты и их руководство, и все они, каждый на свой лад, выражали неопределенность, явную растерянность, дезориентацию и замешательство. Я был бессилён, и мне оставалось лишь сидеть и ждать.

— Что происходит? — спросил я Каталина, приятного румынского парня, который изучал английский в Тринити-колледже и был нанят командой в качестве переводчика.

— Никто не знает, — пожал он плечами.

Через двадцать минут мне крупно повезло. Решив вернуться в свой номер за книгой, я заметил знакомую фигуру в спортивном костюме, приближающуюся с другого конца гостиничной лестницы. Вчера вечером я полтора часа наблюдал за этим парнем, и знал, что это Сергей Рогачев. Вот он, шанс обойти бюрократизм и лицом к лицу поговорить с этим молодым человеком. Единственная трудность состояла в том, что он, насколько я знал, совершенно не говорил по-английски.

Ну, ничего. В Молдавии Елена научила меня одной фразе, в произношении которой я практиковался часами. Я выучил ее лишь ради смеха, но сейчас оказался в ситуации, для которой она подходила как нельзя лучше. Я не мог упустить эту возможность. Когда Рогачев поравнялся со мной, я поднял руку, чтобы привлечь его внимание, и объявил:

— Mă numesc Tony. Sînt din Anglia. Am făcut un pariu, că-i voi bate la tenis pe toți din echipa națională de fotbal. Vreți să jucați cu mine?

Рогачев уставился на меня, а потом затряс головой. Это отказ? Он просто не хотел со мной играть? Первый молдавский футболист, который напрямую мне отказал?

Не зная, что еще сделать, я повторил вопрос.

— Mă numesc Tony. Sînt din Anglia. Am făcut un pariu, că-i voi bate la tenis pe toți din echipa națională de fotbal. Vreți să jucați cu mine?

На сей раз Рогачев сморщился и пожал плечами. Думаю, я понял, что происходит.

Хоть мне и казалось, что я произнес: «Меня зовут Тони. Я из Англии. Я поспорил, что смогу обыграть всю национальную футбольную сборную в теннис. Ты сыграешь со мной?» — ужасающий акцент, от которого я точно не избавился, превратил для Рогачева эту фразу во что-нибудь вроде: «Меня зовут Стони. Я из Англии. Я ускорил, что могу обыскать всю национальную футбольную сборную в тетрис. Ты сломаешь со мной?»

Вполне понятно, почему молодой футболист передо мной выглядел так, будто вот-вот расплечется, если я скажу ему еще что-нибудь на этом странном языке.

— Ты не понимаешь, да? — попробовал я обратиться по-английски.

Он снова наморщил лицо, в общем-то, потому, что не понял ни слова. Бедному парню и не хотелось понимать. Он, вероятно, как раз собирался проскочить в свой номер, чтобы отдохнуть, и никак не ожидал, что на его пути окажется странный человек, издающий невразумительные звуки.

К счастью для нас обоих, появился Каталин и смог растолковать Рогачеву, что я пытался объяснить сам. Когда тот замолчал, выражение лица футболиста не изменилось.

Интересно, выпадали ли ему в жизни более странные десять минут?

— Я объяснил ему, чего ты хочешь, — участливо сказал Каталин, — но он говорит, что неважно себя чувствует.

— О боже. Ты не мог бы сказать, что это не займет много времени и что, если он со мной не сыграет, мне придется раздеться догола в Лондоне и спеть молдавский гимн.

Каталин перевел, и Рогачев ответил неопределенным взглядом, который мог передавать четыре разных чувства. Расстройство, смирение, пренебрежение либо открытое отчаяние. Он что-то пробормотал в ответ.

— Он говорит, что оценит самочувствие, — сказал Каталин.

— Спасибо. Спасибо, — залебезил я перед футболистом. — Прости, что потревожил.

Похоже, успешный исход пари требовал базовых навыков подхалимажа, а не сильной подачи и четких ударов с отскока.

Я вернулся в угловое кресло в холле с некоторым беспокойством. От этого никуда не деться. Если Рогачев болен, то Рогачев болен. Никаких споров на эту тему и быть не могло. Я корил себя за то, что ввязался в спор, исход которого зависел от того, хорошо или плохо себя чувствует двадцатилетний мальчик. Я ощущал себя человеком, который несет вазу, настолько хрупкую, что она может расколоться в руках в любой миг.

Когда Каталин объяснил, что в целом настроение Рогачева не улучшилось и что Иван, черт его дери, Непробиваемый оправдывает свое имя, я признал, что, наверное, об игре можно забыть. Но Тревор был иного мнения.

— Предоставь это мне, — произнес он и ушел в сторону парковки.

Через пять минут он вернулся.

— Все улажено, — сказал он. — Водитель Мик остановит автобус на местном корте, и мы все сможем выйти и посмотреть ваш матч. Мы сделаем его частью экскурсии.

— А если Рогачев все еще плохо себя чувствует? — спросил я.

— Да не может ему быть так уж плохо. Вчера вечером он участвовал в международном матче. Когда мы объявим об игре в присутствии его товарищей, уверен, он согласится.

— А как же Иван? — спросил Каталин.

— Обойдемся с Иваном пожестче. Три других начальника разрешили, так что пошел он.

Мне несказанно повезло, что Тревор Ирскин столь решительно настроился мне помочь провести матч с Рогачевым. Будто успешное проведение этой игры станет маленьким личным триумфом над молдавской бюрократией, которая успела за два дня его достать. Я был не против. Его настрой оказался кстати. Очень кстати.

Когда Мик свернул на обочину и припарковался рядом с теннисным кортом, я встал и сделал то, что посоветовал мне Тревор.

— А теперь мы собираемся сделать небольшой перерыв в экскурсии, — объявил я, помахав в воздухе двумя теннисными ракетками, — и провернем одно очень важное дело. Я собираюсь сыграть с Сергеем Рогачевым в теннис!

Его друзья по команде, которые, предположительно, поняли только два слова — «теннис» и «Рогачев», — ответили на мои слова радостными криками. Я прошел вперед и вручил Рогачеву ракетку. Футболист, оказавшийся в центре внимания, после реакции коллег охотно согласился. Впереди я услышал зычный голос Тревора.

— Ну же, ребята, пошли! — позвал он, размахивая руками и жестом вызывая игроков из автобуса.

Невероятно, но все подчинились. Точнее, все, кроме Ивана. Он сидел с каменным лицом, пока его земляки с поразительным послушанием цепочкой выходили из автобуса. Мы с Тревором улыбнулись друг другу, наблюдая, как игроки и сопровождающие лица направляются к теннисному корту. Потрясающе. Уверен, это можно назвать истинной дерзостью. Я взглянул на Каталина, который с недоверием качал головой.

— Удивительно — ты сделал это! — сказал он, когда я выбрался из автобуса.

— Еще нет. Мне надо его обыграть, — ответил я.

— Обыграешь.

— Когда-нибудь пользовался этим? — спросил я, вручая ему видеокамеру.

— Да, пару раз.

— Тогда у меня есть для тебя работа.

Каталин в роли главного оператора запечатлел потрясающую картину, как целая ватага футболистов и их руководства выстроилась сбоку теннисного корта, чтобы посмотреть тай-брейк, в котором у одной из сторон определенно не было шансов. Рогачев сразу выздоровел, он был просто на высоте, вышел на корт, гордо держа ракетку над головой и выкрикивая:

— Я чемпион! Я чемпион!

К счастью, чемпионом он не был, а если и был, то чемпионом той разновидности тенниса, где мяч не надо перебрасывать через сетку. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что он был одним из лучших молдавских футболистов, с кем я успел сыграть, возможно, вторым после Олега Шишкина, которого я все еще считаю самым талантливым. Но все же это невеликая похвала. Любому прохожему, увидевшему игру Рогачева, захотелось бы сказать:

— Боже, какой ужасный теннисист.

(И не факт, что он выразился бы столь же культурно.)

Я выиграл 11:3. Толпа ликовала, Рогачев улыбался, Тревор потрясал кулаками, а я запрыгал от радости. Сделав это, я испытал огромное чувство облегчения. Я сыграл и победил троих игроков, ради которых приехал сюда, пусть это было непросто. Очень непросто. Теперь испытания позади, и хотя моя благородная миссия еще не завершена, я мог расслабиться и насладиться последними часами своего пребывания в Северной Ирландии.

Мне никогда раньше не доводилось ездить на экскурсию с толпой несовершеннолетних футболистов из Молдавии, и я не без причин уверен, что никогда больше не доведется. Просить об этом я определенно не буду. Ребята довольно приятные, но в таком возрасте они не тянутся к знаниям. В результате на первой остановке у вискикурни Бушмилс они проявили такой же интерес к процессу перегонки виски, как и Иван, черт его дери, Непробиваемый к протягиванию мне руки помощи. Вы не успели бы и глотка сделать, как мы выскочили оттуда.

В Портстюарте предложение Тревора прогуляться по красивому берегу было отвергнуто после голосования, в ходе которого все единогласно высказались против, и вместо этого выстроились для командного снимка, для которого, по какой-то странной причине, пригласили и меня. Стоя в заднем ряду, явно не футболист, не молдаванин и, возможно, не слишком молодой, я задавался вопросом, что скажут обо мне друзья и семьи игроков через несколько лет.

— А кто этот парень? — спросят они, указывая на меня.

— О, это англичанин, который играл в теннис с Сергеем Рогачевым.

— А, понятно.

— А теперь они просто должны захотеть посмотреть на, черт ее дери, тропу Великана, — произнес расстроенный Тревор, который каждый раз слишком близко к сердцу воспринимал отказ на предложенную остановку у достопримечательностей.

Я-то определенно хотел на нее посмотреть, потому что никогда раньше не видел. Во время предыдущих поездок посетить это место либо не было времени, либо мешал тяжелый спутник вроде холодильника. Но сейчас, когда автобус подъезжал все ближе к потрясающему геологическому чуду, к тысячам шестиугольных базальтовых колонн, ведущих от скал к самому морю, нам передали, что Иван не хочет останавливать автобус, потому что, мол, у него на это нет времени. Тревор не мог поверить.

— Говорит, если мы здесь остановимся, — простонал он, вернувшись на свое место рядом со мной, — у них не будет времени на шопинг в Белфасте.

— Может, поэтому он таков, каков есть, — осмелился высказаться я, — он из тех, кто предпочтет, вместо посещения одного из чудес света, поискать новый тренировочный костюм. Не думаю, что он очень сентиментальный человек.

— Я, черт его дери, тоже.

Когда молдавская делегация отправилась наслаждаться знаменитыми радостями торгового центра «Каслкот» в Белфасте, мы с Тревором попрощались.

— Слушай, Тревор, я ценю твою помощь, — сказал я. — На самом деле не думаю, что справился бы без тебя.

— Может быть, не справился. А может, и справился бы. Какая разница? Главное, ты это сделал. Теперь надо убедиться, что ты найдешь того парня в Израиле.

— Обещаю сделать все возможное.

— Придешь сегодня вечером на игру?

- Будь уверен, приду.
- Тогда, вероятно, увидимся.

Отборочный матч чемпионата Европы между Северной Ирландией и Молдавией начался в тот вечер на стадионе «Виндзор-парк» в Белфасте в 8 часов. Я впервые смотрел международный футбольный матч, где на поле было столько игроков, с которыми я играл в теннис. Что самое смешное, я ничего не знал о них как о футболистах, однако стоит отметить, что в этом виде спорта они проявили себя гораздо лучше.

Я смотрел первый тайм на трибунах, сидя рядом с маленьким старичком, с которым было довольно приятно поговорить, хотя, возможно, его слегка расстраивало содержание большинства моих высказываний.

— Это же Олег Фистикан, — замечал я. — Приятный парень, который играет двумя руками и слева, и справа... О, а это бил Куртиян — знаете, он хорошо говорит по-английски.

— Да что вы говорите, — вежливо отвечал старичок, вместо того чтобы сказать то, что на самом деле думал. «Слушай, я болею за Северную Ирландию, и мне наплевать на остальных».

Думаю, Молдавия удивила Северную Ирландию, дважды ведя в захватывающем матче, который завершился со счетом 2:2. Особенно мне понравился второй гол гостей.

— Это же был Ион Тестимициану! — закричал я. — Какой удар! Да этот удар, возможно, обеспечил ему переход в Бристоль.

Маленький старичок повернулся ко мне, его лицо выражало неземное терпение.

— Да что вы говорите! — только и вымолвил он.

В последние пять минут игры я воспользовался аккредитацией для фотографов, которую сделали для меня мои

хорошие друзья с Ольстерского телевидения, и посмотрел финал матча с боковой линии поля. Это позволило мне выйти на поле после финального свистка. В отличие от местной прессы, которая тут же засыпала североирландских игроков вопросами и комментариями, моя цель была совершенно иной. Я направился к молдавским футболистам, с которыми был знаком — с которыми я познакомился столь необычным способом. Наша вторая встреча была не менее необычной. Когда игроки уходили с поля, уставшие, но довольные результатом, их встретил с поздравлениями смутно знакомый парень в ярко-оранжевом свитере.

— Отличная игра! — кричал я каждому по очереди. — Гип-гип ура Молдавии!

Реагировали все по-разному. Кто-то выглядел смущенным, кто-то был рад снова меня видеть даже в этих необычных обстоятельствах. Меня особенно приятно удивил ответ Раду Ребежи, который в Кишиневе отнесся ко мне довольно прохладно, однако в Белфасте переменился.

— А, привет, Тони! — сказал он, узнав меня и изобразив взмах теннисной ракеткой. — Тони-теннис!

— Поздравляю, Раду, — сказал я.

Игрок кивнул, зная, что я сказал что-то хорошее, и поспешил догнать удаляющихся коллег.

Я смотрел им вслед — бывшим соперникам в теннисных поединках, шагающим к туннелю для игроков; вид создавал превращал моих знакомцев в номера на футболках. К несчастью, мне не удалось узнать их поближе. Действия их работодателей ограничило наше общение короткими встречами на разных сторонах теннисного корта. Как бы мне хотелось присоединиться к ним сегодня вечером, чтобы отпраздновать достойное выступление, позволить пиву литься рекой и впасть в приятное хмельное состояние, когда для общения слова становятся не нужны.

Но этому не суждено было случиться. Те, кто имел власть, опасались, что их героические игроки найдут возможность куда-нибудь сходить и хорошо провести время, и договорились, чтобы чартерный самолет забрал их в Кишинев в полночь.

Ну, ничего. Может, получится напиться со Спыну в Израиле.

Глава 16

Святая Земля

Эгоистичное поведение Саддама Хусейна чуть не испортило мне все дело. Он навлек гнев американцев отказом впустить экспертов ООН, чтобы те проверили, правда ли Ирак накопил столько же ядерного оружия, сколько и Штаты. США решили, что необходим удар с воздуха, и Британия с ними согласилась в рамках «особых отношений», которые требовали от нее поступать именно так. Несколько страшных дней существовала вероятность, что события примут нежелательный оборот и Израиль окажется под прицелом арабских ракет, как это было во время войны в Персидском заливе. К счастью для мира во всем мире, Саддам уступил, после того как его изрядно поколотили, но не раньше, чем объявил о «великой победе». Это отличная тактика: получив кулаком по физиономии во время потасовки в пабе, подняться, сказать: «Отличный удар!», а затем гордо выйти и отправиться залечивать фингал под глазом.

Несмотря на совет министерства иностранных дел временно избегать посещений Израиля, я все же решил туда

съездить. Мое дело было слишком важным, чтобы позволить каким-то пустяковым военным действиям ему воспрепятствовать.

Я позвонил в израильское туристическое бюро в Лондоне, чтобы узнать, нужны ли мне визы и прививки, и на том конце провода ответила очень разговорчивая девушка по имени Нурит. Я спросил, не знает ли она что-нибудь об израильском футболе, и, узнав цель моей поездки, она посоветовала позвонить ее знакомому журналисту из израильской газеты «Маарив». Ему понравилась моя затея, и он договорился с одним репортером, чтобы тот встретил меня в Тель-Авиве, обеспечил трансфер и познакомил меня с Марином Спыну, при условии, что я предоставлю «Маарив» эксклюзивные права на публикацию своей истории. Да, конечно, они получают эксклюзив! Особенно если это будет означать, что я быстро управлюсь с делами, а потом съезжу позагорать на недельку в Эйлат. По-моему, после всех трудностей, с которыми мне пришлось столкнуться в Молдавии, я заслужил, чтобы все прошло гладко. И, конечно же, приятное мягкое солнце.

Был канун Нового года, и я думал, что самолет будет почти пустым, так как этот регион все еще считался опасным, но авиалинии исправили ситуацию, отправив в рейс самолет гораздо меньше обычного. В итоге он был набит битком. Мне не удалось получить место у окна или у прохода, и я оказался зажат в отвратительном центральном кресле в том положении, где вы не имеете абсолютно никаких прав на подлокотники. Если вы сидите у окна, то крайний подлокотник по праву ваш, и точно так же подлокотник у прохода — собственность кресла у прохода. Однако там, где сидел я, ни один из подлокотников не был моим по праву, и, чтобы хотя бы на время завладеть одним из них, необходимо надоедать, толкаться локтями и упрашивать. По-

чему авиалинии не вмешиваются в процесс урегулирования этой ситуации, мне непонятно. Похоже, пока при взлете и приземлении спинка вашего кресла находится в вертикальном положении, им все равно, какую несправедливость должны терпеть сидящие в центральном кресле.

На экране перед кабиной пилота нам показывали утренние новости, и я смотрел, как иракская противовоздушная оборона атаковала американские и британские самолеты, которые патрулировали зоны, запрещенные для полетов. Я скрестил пальцы, чтобы ситуация не обострилась и мне не пришлось играть последний матч в противогазе (ведь в нем неудобно принимать низкие мячи). Репортаж из самого Израиля делал акцент на трудностях переговоров о мире с Палестиной. Казалось, экстремисты оказывают дурное влияние на большинство, которое просто хотело жить в мире с соседями. С каждой стороны ситуацию, похоже, контролировали фанатики. Не так давно фанатичным евреем, который выступал против мира с палестинцами, был убит Ицхак Рабин, и что произошло? На следующих всеобщих выборах правительство свернуло вправо, к Бенъямину Нетаньяху, который вырвал победу на волне антипалестинской истерии, и в результате мирный процесс оказался под угрозой. Это трагедия, но фанатик-убийца добился своей цели.

Я всегда считал огромным упущением, что обычный человек не может испытать ту же страсть, какую испытывает фанатик, но факт остается фактом. Организованные марши, сопровождаемые лозунгами «Мы будем вести переговоры, пока не найдем компромисс!» или «Давайте стараемся смотреть с двух точек зрения!», вряд ли заставят сердце биться быстрее и разгонят кровь по венам. Во всех заголовках скорее упомянут террориста-смертника, чем какого-нибудь парня, вручающего договор о перемирии.

Голодный забастовщик всегда предпочтительнее для СМИ, чем парень, который отказался на месяц от сыра. Проблема в том, что руки простого человека связаны рационализмом. Вот и получается, что большинство, выступающее за мир, вытесняется фундаменталистами, фанатиками и экстремистами. А как насчет бедного парня в центральном кресле?

Такого, как я. Без подлокотников. Мне даже не было видно подлокотника слева, его полностью скрыл собой дородный джентльмен у окна. Женщина справа в одностороннем порядке захватила оба подлокотника, не считаясь с моими правами. Я хотел позвать стюардессу, чтобы та выступила арбитром ООН, но увидел, что для содержательного урегулирования ей сначала требуется собрать все подносы с едой. А их было много. Сидя без подлокотников, я утешал себя мыслью, что это не последний в моей жизни полет, а пока поднос на откидном столике — лично мой, и никто у меня его не заберет.

Три с половиной часа спустя мы приземлились в Израиле. На подлокотнике Среднего Востока, борьба за который велась безжалостно и фанатично.

До этого уже я бывал в Израиле, почти двадцать лет назад, когда работал волонтером в кибуце. Мною двигало не столько стремление открыть для себя новый идеалистический образ жизни, сколько желание постараться заарканить как можно больше девчонок за один месяц. Кто-нибудь скажет, что это мелочно, но я был молод и мне требовались тренировки по плаванию до того, как отважиться выйти в глубокие воды. Как раз в тот период я отрабатывал плавание брассом.

И именно в кибуце я понял, что как деревенский труд, так и ранний подъем — не для меня. Мне досталась ужас-

ная работа в курятнике, которую выполняли всего несколько раз в год и которая заключалась в том, чтобы собирать цыплят, достигших нужного возраста и размера и подлежащих отправке на переработку. Местная мудрость гласила, что делать это лучше всего в 4 утра, когда куры крепко спят. Нужно отметить, что в это время суток те, кто отвечал за перехват несушек, тоже пребывали в полудреме. В моем случае, я еще не успел протрезветь, поскольку отгулял накануне свой двадцатилетний юбилей, который сопровождался своего рода алкогольным безумием.

Кибудник привел нас в огромный амбар, двери которого были открыты, и взгляду предстало море спящих кур. Ходить среди них, не наступив на кого-нибудь, было невозможно, поэтому нас учили скользить ногами по полу, будто катаешься на коньках. «Куриный слалом». Все вокруг меня — кибудник и другие волонтеры — руками жадно собирали кур и относили их в ожидавший снаружи грузовик. У них все выходило ладно, потому что они явно не столкнулись с упрямой «матерью всех кур», которую пытался схватить я. Я достаточно незаметно к ней подкрался, но, едва я собрался схватить ее за ногу, она повернулась, клюнула меня в запястье, закудахтала и захлопала крыльями, в общем, совершенно не собиралась вести себя пристойно. Я бросил ее назад.

— Ладно, хочешь все усложнить? — пробормотал я.

Я сделал еще несколько попыток схватить эту курицу, пока остальные волонтеры грузили пятую или шестую партию. Я сделал последнюю решительную попытку и набросился на курицу, накрыв ее собой, и каким-то образом оказался с ней по пути к грузовику. Я гордо вручил ее хмурому кибуднику, который грузил клетки. Он затряс головой. Я протянул птицу ему еще раз. Он снова затряс головой.

— Шеш! — закричал он.

— И тебя туда же, парень, — бунтарски произнес я.

Волонтер рядом со мной объяснил, что «шеш» значит «шесть». Что? Он хотел шесть кур? За один заход?

— Я не могу принести шесть, — простонал я. — Не представляешь, что я пережил, пока добыл эту.

— Шеш, — упрямо повторил тот, указывая на собирателей кур вокруг.

Я осмотрелся, и мои аргументы о том, что шесть принести невозможно, показались несостоятельными. У всех было по шесть кур. По три в каждой руке.

Через пятнадцать минут, пятнадцать минут перьев, ярости и расстройства, я протягивал тому же сварливому кибуцнику все, на что был способен. Три курицы.

— Шеш, — неумолимо сказал он.

— Слушай, друг, дай мне шанс, — заскулил я. — Это все, что я смог. Я не в силах принести шесть, я пытался, но, к сожалению, должен признать, что на ниве сбора птиц не преуспел...

— Шеш, — сказал он, снова продемонстрировав свой обширный словарный запас.

— Ладно, я постараюсь принести шесть, но, по крайней мере, возьми эти три, которые я принес, говорю, это было непросто.

Но он не взял. Он хотел «шеш» — и все тут. С этим парнем только «шеш» — или ничего. Если бы не добрый кибуцник, который сжалился надо мной и не стал выдавать мне по полдюжины уже собранных кур, не знаю, какой бы разразился международный скандал. И для меня Шеш-морда, как я называл этого парня до конца своего пребывания в стране, стал символизировать Израиль, который я покинул столько лет назад — агрессивный и бескомпромиссный. Изменилось ли там что-нибудь?

Проливной дождь, который ниспослал Бог, чтобы я ощутил себя как дома, привел к тому, что длина очереди к такси

в аэропорту составляла, по моему предположению, полтора часа. Я сел на автобус и приехал на многолюдный автовокзал Тель-Авива. Меня сразу же окружили подростки с автоматами. Большими автоматами, наброшенными на плечи, как спортивные сумки, с магазинами, полными медных пуль. И не только мальчики, но и девочки. Детям в Израиле приходится очень быстро взрослеть. Я заметил одну чрезвычайно симпатичную девушку, которая держала правую руку на стволе автомата. Может, стоит пригласить ее на ужин, подумал я; она, вероятно, сможет достать нам хороший столик.

Я забыл, что израильская военная служба подразумевает, что каждый юноша должен провести в армии минимум три года, а каждая девушка — пятнадцать месяцев. Похоже, они повсюду носили с собой оружие, то ли потому, что считали плохой идеей оставлять его где-либо, то ли потому, что оно заставляло жителей этого постоянно запугиваемого государства чувствовать себя защищенными. А потом я вспомнил — сейчас же канун Нового года. Меня передернуло от одной мысли о том, как переполнятся отделения скорой помощи и травмопункты Британии, если подростки выйдут отмечать канун Нового года с оружием. Это определенно эффективный способ заставить людей сидеть дома.

В отеле я встретился с Даниэлой, моим израильским издателем, и мы пошли выпить. Она влюбилась в мою предыдущую книгу, открыв ее для себя во время поездки в Англию, и занималась ее переводом на иврит. Это меня немало удивило, потому я всегда мечтал о том, чтобы меня перевели на язык, который читается задом наперед, и вызвало во мне чувство собственной значимости. Я объяснил причины своего приезда в Израиль, рассказал о пари и о том, как собираюсь отыскать Спину.

— «Маарив» фактически согласилась решить для меня эту проблему, — сказал я, — если я передам им эксклюзивные права.

Даниэла выглядела шокированной.

— Ты не должен этого делать, — твердо сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня куча договоренностей с другой газетой по поводу твоей книги. Если ты сделаешь это для «Маарив», они все отменят. Ты должен позвонить им и сказать, что не предоставишь эксклюзив.

— Но, Даниэла, они же все организовали — завтра меня везут на встречу с этим парнем.

— Тони, я категорически запрещаю тебе говорить с ними.

Никакого смысла препираться. Она хотела «шеш» — и все. Мои надежды на то, что все пройдет легко, рухнули. Придется начинать с нуля. С Новым годом, приятель.

Возможно, мое решение лететь под Новый год было довольно странным, но я запланировал эту поездку между другими рабочими делами, и это был единственный реальный способ выкроить время — а последнее мне наверняка понадобится, после ошеломляющего заявления Даниэлы. Так что я попросил у нее совет, куда можно пойти, чтобы провести типично израильскую новогоднюю ночь.

— А чего тебе хочется? — спросила она.

Хороший вопрос, и я действительно не знал на него ответа. Я уже давно не радовался новогодним праздникам. Проблема в том, что подростком я просто обожал эти праздники. Они неизменно проходили на вечеринках, где все были пьяными и где в полночь разрешалось поцеловать любую девушку, которая тебе приглянулась. Это казалось потрясающей идеей, никаких подвохов: подходишь к девушке,

говоришь: «С Новым годом», а потом целуешь. Не знаю, почему, но с тех пор жизнь стала гораздо сложнее.

Еще одна проблема новогодней ночи связана с неизбежным ощущением неверного решения. В эту праздничную ночь тебя приглашают, по меньшей мере, на три разных вечеринки, но попасть удастся только на одну. В полдвенадцатого, когда понимаешь, что сидишь и слушаешь, как продавец ковров восхваляет достоинства износостойкого ворса и указывает на его преимущества перед обычным линолеумом, возможно, начинаешь думать, что одна из двух других вечеринок могла оказаться вариантом получше. Вероятно, так было всегда. Наверное, какой-нибудь древний человек встречал Новый год, потягивая медовуху и думая о том, что, возможно, провел бы время гораздо лучше, если бы пошел на вечеринку к царю Огу, жившему в четырех пещерах от него. Даниэла направила меня в винный бар, владелец которого был ее знакомым, и сказала, что там должно быть весело. Но весело не было. Никто даже не стал вести обратный счет до полуночи. Я забыл, что в Израиле мало кто отмечает Новый год, потому что главное торжество происходит в сентябре на Рош ха-Шана.

Поцеловать меня никто не подошел, и я тоже не стал ни к кому подходить за поцелуем. Вероятно, мою отвагу приглушило осознание того, что все были с оружием. Я побрел в отель немного разочарованный. Как я ни старался забыть, но для меня новогодняя ночь — это ночь, когда в полночь тебя обнимают, целуют и разделяют с тобой радость взаимного притяжения. Когда-нибудь такой Новый год начнется с отличного секса.

Свой первый целый день в Израиле я провел, гуляя по городу, делая телефонные звонки и загорая на солнце. Я с удовольствием грелся, Средиземное море приятно плескалось о песчаные пляжи Тель-Авива, и меня согревало не

только солнце, но и мысль о том, что дома, в Англии, все дрожат от холода. Потом мне стало стыдно. А как же мои друзья в Молдавии, борющиеся за выживание суровой зимой, при постоянных отключениях электричества и вечно слабеющей экономике? Я мысленно послал им воздушный поцелуй и напомнил себе, что я — удачливый негодяй.

Я отзвонился по всем номерам, которые дали мне друзья до отъезда, и поболтал со множеством разных автоответчиков. Я дозвонился до одного парня по имени Йехуда, который жил в Иерусалиме и был репортером и тележурналистом, чей номер дал мне Артур. Он оказался очень интересным человеком, и я пообещал заглянуть к нему, если поеду в Иерусалим. Также я поговорил с парнем по имени Джонни, который был англичанином и эмигрировал в Израиль с женой и детьми. Я не был с ним знаком, но кто-то (к сожалению, забыл, кто именно) попросил позвонить ему — вдруг он сможет мне помочь.

— О, привет, Тони, — радостно сказал Джонни. — Филиппа говорила, что ты можешь позвонить.

Филиппа? Я порылся в памяти, пытаюсь вспомнить, кто такая Филиппа.

— Да, старая добрая Филиппа — она передает привет, — приврал я.

— Она рассказала, чем ты тут занимаешься, и я думаю, что вообще-то мог бы тебе пособить.

Моя челюсть отпала. Я не мог поверить в то, что услышал. Один из хороших друзей Джонни был спортивным физиотерапевтом, который хорошо знал тренера клуба «Маккаби» из Кфар Каны. Если нужно, Джонни мог бы сделать несколько звонков и попытаться организовать теннисный матч в ближайшие несколько дней.

— Ты правда думаешь, что можешь это сделать? — удивился я.

— Не вижу причин, почему нет.

Через двадцать минут все было улажено. Мы будем играть послезавтра в теннисном клубе в местечке под названием Зихрон-Яков, недалеко от дома Марина Спыну. Я и вправду был удачливым негодяем.

Я изучил карту и распланировал остаток своей поездки. Я съезжу в Иерусалим, потом поеду на север в Зихрон-Яков, чтобы обыграть последнего молдавского футболиста, а потом на юг, к курорту Эйлат на Красном море. Я выпил пива, которое было особенно вкусным, и вышел к Средиземному морю. Мое приключение практически завершилось.

Иерусалим — городок довольно известный. Пару тысяч лет назад там произошло несколько ничем не примечательных событий, которые получили некоторую огласку, но, полагаю, что поистине его прославило проведение в 1979 году музыкального конкурса «Евровидение». Как можно забыть эту победу принимающей стороны с воодушевляющей песней «Аллилуйя»? К сожалению, внезапно после музыкального триумфа людям захотелось мира в этой части света, и они стали сражаться между собой за то, кому она по праву принадлежит. Уверен, споры все еще продолжаются — и, без сомнения, их обострила победа Даны Интернэшнл 20 лет спустя.

Несколько лет назад, после волонтерского опыта в кибуце, я нанес мимолетный визит в Израиль и остановился в странной гостинице для путешественников под названием «Петра». Когда я вошел через ворота в древний город Яффа, то увидел это место и подумал, что будет правильно заселиться снова именно туда. Отель стал престижнее, но лишь на толику. Теперь у него появились листовки, в которых с гордостью сообщалось, что это самый старый отель в Иерусалиме, основанный в 1830 году. К несчастью, там был все тот же водопровод. В рекламе также сообщалось, что отель

может похвастать знаменитыми постояльцами, включая Алленби (британского полковника, который в 1917 году освободил Палестину от власти Османской империи, длившейся четыре столетия), Марка Твена и Германа Мелвилла — последний, как утверждалось, придумал в одном из номеров сюжет «Моби Дика».

Я решил, что если моя грязная, обшарпанная, нездоровая каморка могла чем-то похвастать, то тем, что в этом отеле, где у постояльцев скорее будут рождаться рассказы о китах, чем о продолжении рода. В голове не возникнет даже мысли о детях, если только вас не возбуждает, когда в туалете капает вода из протекающей трубы, воздух влажный, а кровать в середине продавлена, как гамак. Зато он был дешевым, и, полагаю, в этом мире мы получаем то, за что платим. Если только, конечно же, мы не молдавские налогоплательщики.

«Петра» был полуотелем, полухостелом, там имелись и общие спальни, и отдельные номера, и даже место, чтобы разбить палатку на плоской крыше. В результате эксцентриков в нем хватало — вечных путешественников, которые обходили условности и надоедали тем, кто последними не брезговал. По моему мнению, это достаточно безобидный народ, но им кажется, что они уже довольно мудры, и потому они пытаются поделиться с вами своей мудростью, нужно вам это или нет.

Одного такого человека я встретил в холле отеля. Парень, одетый как Че Гевара и называвший себя Зорая, исполнял под гитару одну из своих песен, в которой было множество библейских мотивов и совсем мало смысла. Когда он закончил, я вежливо зааплодировал.

— Спасибо, — сказал он с американским акцентом. — Хочешь узнать больше — разыщи Бога и прочти его книгу.

— У вас есть его адрес? — спросил я.

— Да, набираешь Н-Е-Б-Е-С-А, только это должно исходить от самого сердца. Ты должен набрать нужный номер. Откуда ты, приятель? Из Соединенных Штатов полной неразберихи?

— Нет, я из Лондона, из Англии, — любезно ответил я.

— Давай поговорим о Лондоне, ровно минутку — как раз сколько я хотел бы там пробыть. Оставайся в Израиле, парень, оставайся в Израиле.

— Вообще-то я еще не готов, я только что приехал.

— Эй! Что я могу знать? Я лишь еврейский парень — один из местных. Я причинил Моисею такую головную боль, что ему пришлось выпить две таблетки. Хочешь, спою еще одну песню?

Нет.

— Зорая, к сожалению, у меня нет времени послушать еще одну песню, я должен встретиться с человеком по имени Йехуда, который собирается показать мне Иерусалим.

— Ты многое теряешь, парень.

— Если это будет моей единственной потерей в Израиле, то я счастлив, — ответил я, вставая и оставляя Зораю удивленным, точнее — удивленным более прежнего.

— Еще увидимся, парень.

Да, вполне возможно. Придется быть настороже.

Йехуда был коренным жителем Иерусалима, очень образованным и либеральным, к тому же яростно выступал против правительства Нетаньяху. Его экскурсия была как просветительской, так и сентиментальной. Он гордился своим городом, но слишком хорошо понимал, что нужно делиться.

— Проблема Израиля в том, — сказал он, — что мы перестали видеть в арабах соседей. Мы стали относиться к ним как к врагам.

Трудно поверить, что еще в начале этого века арабы и евреи мирно жили бок о бок друг с другом. Может быть, тогда все было проще, потому что никто из них не держал бразды правления в руках. И только в 1948 году, когда британцы отсюда ушли, они начали всерьез задумываться о взаимной ненависти.

— Один мудрый израильтянин, профессор Лейбовиц, — продолжил мой неотразимый экскурсовод Йехуда, — охарактеризовал положение Израиля словами: «Никто никогда не говорил, что Швеция принадлежит шведам, но им исключительно повезло, что никто больше на Швецию не претендовал».

Думаю, он прав. Мои познания в истории довольно отрывочны, но я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь читал о том, что кто-то отправлялся за моря и океаны, чтобы заселить Швецию. Все знали, что там слишком холодно, слишком скучно и пиво слишком дорогое.

У Западной стены (или Стены Плача), той важнейшей из уцелевших древних святынь, где ортодоксальные евреи ревностно отправляют заветы веры, я увидел незабываемое зрелище. Один раввин был вынужден прервать раскачивания и молитвы, чтобы ответить на телефонный звонок. К моему удивлению, он просто бродил по святому месту, общаясь по мобильному, и никто не сделал ему замечания. У него что, прямая линия с Богом? Он получал важные наставления от Господа, или это мама просила забрать ее с вокзала? Я точно знал — это если и не знак свыше, то знамение времени.

Йехуда продолжил экскурсию, отвез меня в Западный Иерусалим, который называл британским Иерусалимом, так как там было много зданий, построенных британцами во время их мандата, с 1917 по 1948 год. Он показал мне, где гулял, когда был ребенком, где воздвигались заграждения, какие зоны были закрыты для прохода и где, по его

мнению, еврейские поселенцы вторглись в арабский Иерусалим.

Я почувствовал себя кем-то особенным, человеком, которому предоставили редкую возможность увидеть древний город новыми глазами — глазами местного жителя. Меня отвезли на машине в места, о которых знали только местные, — на окружающие холмы, с которых открывался великолепный вид на город, построенный на высоте 757 метров над уровнем моря. Иерусалим мог быть поистине божественным местом, если бы его умиротворенную красоту дополняло хотя бы подобие политического умиротворения. Боюсь, этому не суждено случиться. К несчастью, в отличие от Стокгольма, в этих древних стенах слишком многие думают, что Бог наказал им остаться здесь навеки.

В ту ночь, когда я спал в своем далеко не люксе, мне приснился ужасный кошмар. Я стоял у Стены Плача в полном теннисном обмундировании, потрясая ракеткой и мячом.

— Эй! — кричал я всем молящимся. — У меня скоро важный матч, никто не возражает, если я потренируюсь у стены?

Так как все, похоже, кивали, я принял это за согласие.

Передо мной мой отец рисовал вдоль стены линию на высоте теннисной сетки, и тут вбежали солдаты и попытались нас арестовать. Ортодоксальные евреи принялись кидаться камнями.

— В чем дело-то? — кричал я. — Разве в этой стране человеку нельзя поиграть в теннис?

Пока меня тащили за руки и за ноги под дулами автоматов, я увидел насмешливо улыбающегося Артура.

— Тебе не выиграть пари в израильской тюрьме! — глумился он.

К моему удивлению, рядом с ним стояла цыганка, которая несколько месяцев назад гадала мне на картах в Молдавии.

— Помни мои слова! — сказала она. — Не играй со Спыну!

Потом все солдаты, все молящиеся и, похоже, все жители Иерусалима начали скандировать:

— Не играй со Спыну! Не играй со Спыну!

Я проснулся с дрожью. Собрался с мыслями и медленно вспомнил, кто я, где я и что я здесь делаю. Легко. Я Тони Хоукс, я в Израиле, и я здесь, чтобы сыграть со Спыну. Меня передернуло.

По утрам в Иерусалиме было холодно.

Глава 17

«Бет Даниил»

Зихрон-Яков, вероятно, очень близок к мечте об идеальном еврейском поселении, о котором грезили первые европейские эмигранты; его очаровательная тихая мощеная главная улица — настоящий оазис умиротворения на беспоконной земле. Однако это место было слишком ухоженным, слишком необычным. Его вычистили до такой степени, что оно походило на тематический парк, а не на реальный городок. Я моментально представил, как, должно быть, скучно тут жить. Небольшой беспорядок — признак того, что можно немного повеселиться. Несколько лет назад я летел из Барселоны в Женеву и отметил, что один аэропорт был слегка неопрятным, с полными урнами и дымом сигарет, тогда как другой сверкал только что отполированными полами. В одном пассажиры пили кофе, смеялись и шутили, а в другом они сидели в тишине, боясь, что их арестуют за только что выброшенный фантик от конфеты. Один был современным, чистым и рациональным, другой — испанским. И я знаю, в каком бы я предпочел ждать задерживающийся рейс, пор фавор.

Для меня Зихрон-Яаков слишком походил на Швейцарию, чтобы я чувствовал себя комфортно. Как было указано в моем путеводителе, он был основан в 1882 году румынскими сионистами, один-двое из которых, я надеялся, вполне могли быть по происхождению молдаванами. Мне нравилось так думать, это добавило бы поэзии и, можно сказать, смысла в мое бессмысленное путешествие.

Джонни посоветовал мне остановиться в гостевом доме под названием «Бет Даниил».

— Вообще-то это скорее приют, чем гостевой дом, — сказал он по телефону. — Рай для музыкантов, писателей и художников.

— Теперь и для теннисистов. Звучит отлично.

Я спросил водителя автобуса, где мне лучше сойти, если я ищу «Бет Даниил», и он высадил меня у дорожки, ведущей в какой-то лес, и дал мне наставления, в которые я даже не постарался вникнуть.

Какая-то часть моего мозга тут же отключается, едва кто-то начинает объяснять, как куда-то пройти. Он может справиться только с первой инструкцией: «Езжайте прямо до конца, а потом на кольцевой развязке поверните налево».

Все бы ничего, если бы на этом объяснения заканчивались, но они всегда продолжаются: «Потом у заправки “Шелл” поверните налево, езжайте по этой дороге с четверть мили до поворота, там увидите паб “Восходящее солнце”, поверните направо...» К этому моменту вместо того, чтобы сосредоточиться на важной информации, я сосредоточиваюсь на всем, что не относится к делу. «Похоже, его шевелюра стремительно редет, — думаю я о собеседнике. — Наверное, года за три он абсолютно облысеет».

На сей раз в результате размышлений о том, как скоро придется водителю зачесывать волосы набок, я совершенно заблудился. Для меня это казалось чем-то невообрази-

мым. Я тащил чемодан по безлюдному лесу в израильской глуши, в поисках гостевого домика, который станет местом проведения моего теннисного матча с молдавским футболистом. Как я мог до этого дойти? Может, надо было уделять в школе больше внимания географии?

Наконец на извилистой дорожке, по которой пошел, я встретил пожилого джентльмена и спросил, не знает ли он, где находится «Бет Даниил». Он затряс головой и пробормотал что-то по-немецки. Потом я спросил то же самое у женщины, и она тоже ответила мне по-немецки. Что происходит? Водитель не туда повернул и высадил меня в Штутгарте? Я прошел мимо красивого дома за деревьями, на веранде которого светловолосая девушка развешивала белье. Я окликнул ее.

— Простите, это гостевой дом?

Она молча уставилась на меня. Я сделал еще одну попытку.

— Entschuldigen Sie bitte, wo ist Bet Daniel?

О, это сработало. Она тут же протарабанила что-то по-немецки, сопровождая слова жестикуляцией, которая немного помогла понять смысл сказанного. Запомнить все я так и не смог, в основном, потому, что перерабатывал информацию о том, что девушка была раскосой. Через пять минут я оказался у другого дома и поболтал с еще одной немецкой девушкой, у которой тоже имелись проблемы с глазами. Прямо как учитель средней школы, она пыталась одновременно охватить взглядом все углы класса. Я же не мог наткнуться на немецкое религиозное поселение, где братья и сестры занимались не только обменом подарков на Рождество?

Позже я узнал, что эти люди были из христианского общества, которое называлось «Бет Эль» (Дом Господа), основанного в шестидесятых женщиной по имени Эмма

Бергер, которая считала, что во сне ей явился Бог и велел взять с собой нескольких приятелей, уехать в Израиль и ждать конца света. В ожидании этого события они жили своей жизнью, как можно более обособленно. У них были собственная школа, собственная фабрика и собственное необычное правило, куда должны смотреть глаза. Их присутствие здесь, в лесу, заставило меня почувствовать себя в каком-то странном сне. Даже Зорая, хиппи из отеля «Петра», посчитал бы случившееся нереальным.

Я добрался до гостевого дома, но это достижение не вернуло мне ощущение реальности. Как оказалось, там не было ни стойки регистрации, ни гостей, ни персонала. Я громко крикнул:

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Но в ответ я ничего не услышал. Странно, свет горел, но дома никого не было. Судя по тому, как протекал этот странный день, то же самое можно было сказать и обо мне — не все дома. Я стал осматривать просторную гостиную, в которой главным предметом мебели был большой рояль «Стейнвей» в центральной нише. Стены были увешаны портретами музыкантов, но в одной из рам было много старых газетных вырезок, которые раскрывали тайну этого загадочного места.

Похоже, этот дом построила в 1938 году в качестве приюта женщина по имени Лилиан Фридлендер в память о ее сыне Данииле, весьма одаренном пианисте. Он был необыкновенным ребенком, которого подростком отправили на учебу в школу «Джуллиард» в Нью-Йорк, где стрессы обучения в престижном заведении оказались слишком сильными для хрупкой артистичной природы, и юноша, как ни прискорбно, в нежном возрасте восемнадцати лет покончил жизнь самоубийством. «Стейнвей» — его рояль. Я сел за инструмент и взглянул на висящий на стене портрет. Дани-

ил играл как раз на этом прекрасном рояле, много лет назад. Я начал импровизировать в миноре, аккордами, которые будто изливались с необычайной легкостью. Меня вдруг охватило безмятежное спокойствие, и я ощутил приток сил. Это сверхъестественно. Может, Даниил тут? Может, музыка, которую я играл, каким-то образом вызвала дух Даниила?

Потом я почувствовал, что должен спеть песню, которую написал, возможно, лет пятнадцать назад, будто зная, что она сочинена именно для этого мгновения. Даниил должен ее услышать. Я вспомнил все слова, будто написал их этим утром.

Висит над нами на стене портрет — он виден только мне,
И незаметен больше никому, и каково от этого ему?
О чем ты думаешь все ночи напролет, когда мы
с нашей жизнью сводим счет?
Испытываешь ли ты горе, как все мы? Иль горя ты
не знаешь,
Смотря на всех печально со стены?

(Второй, третий и четвертый куплеты я тоже исполнил. Но вас ими мучить не буду.)

Из музыкальных грез меня вывели аплодисменты из дальнего конца комнаты от леди в высоких резиновых сапогах, которая обратилась ко мне на иврите. Этот день и вправду выдался весьма странным. Она была первой из тех немногих израильтян, с которыми я успел повстречаться, чьи познания в английском ничуть не превосходили познания среднего молдавского футболиста. После долгих объяснений мне наконец удалось ее убедить, что я не пианист, которого попросили провести концерт, а турист, который хотел бы здесь остановиться.

— Я могу видеть управляющего? — спросил я.

— Lo, — ответила она.

Lo, как я знал, означало «нет». По-еврейски я знал два слова: кеп и lo — «да» и «нет».

Когда-то я знал одну японку, которую звали Ло, и я всегда надеялся, что она выйдет замуж за англичанина по имени Кен, и они уедут жить в Израиль. Как здорово звучали бы их имена для еврейских знакомых.

Говорят же, противоположности притягиваются.

В отсутствие управляющего мою комнату мне показала дама в резиновых сапогах, чей эклектичный наряд делал ее похожей на нечто среднее между садовником, уборщиком и южноамериканским революционером. Комната имела богемный вид, мягко выражаясь, а именно — нуждалась в ремонте, но мне было все равно. Все, чего мне хотелось, — немного отдохнуть, посидеть на кровати и морально подготовиться к матчу.

Стоя у ворот «Бет Даниил» и ожидая, пока подъедет Джонни и отвезет меня на теннисный корт, я нервно ходил взад-вперед. Где-то в подсознании все еще звучали слова из ночного кошмара. Чем больше я старался настроиться на позитивный лад, тем тревожнее и неподготовленнее себя чувствовал.

Джонни так и не приехал, вместо него моим шофером до теннисного корта стал его друг Дэнни. Оказалось, что в тот день жена Джонни попала в автокатастрофу, и он отправился с ней в больницу.

И снова голоса в голове: «Не играй со Спыну!»

Дэнни использовал слова по минимуму, и по его поведению можно было предположить, что его раздражала необходимость меня подвозить, поскольку Джонни он ничего должен не был. В теннисном клубе он холодно объявил:

— Молдаванин ждет внутри.

Я почувствовал себя шпионом. В теннисной форме.

— Мы арендовали внутренний корт, — продолжил господин Само Обаяние. — У вас полтора часа. Джонни говорит, что этот парень неплохо играет, так что будьте осторожны.

— Спасибо, — сказал я, надеясь услышать пожелание удачи, но Дэнни только хмыкнул и уехал.

Я открыл ворота и вошел в теннисный клуб, осознавая, что завершению моей эпической борьбы не хватает последнего такта. Отказавшись от прессы, которая могла бы сделать этот матч ярким событием и, возможно, привлекла бы зрителей, я входил в сонный пригородный теннисный клуб с нулевым антуражем. Единственный способ узнать о нашем классическом противостоянии — посмотреть запись моей камеры, которую я с трудом нес под мышкой, вместе со штативом. Я походил, скорее, на радостного папашу, желающего снять на пленку свое многообещающее чадо, чем на талантливого спортсмена, подготовленного к игре. Тем не менее я испытывал гордость от того, что мне удалось добраться до этой стадии. Временами в Молдавии возможность проведения матча с одиннадцатым футболистом казалась чем-то на грани фантастики. Теперь все происходило наяву. В моей голове зазвучал голос комментатора.

— И вот Хоукс выходит на корт, героическая фигура, его легкая походка и торжественный вид демонстрируют готовность к встрече, которая имеет столь важное значение не только для него, но и для всех нас. Не так давно Хоукс предпринял эту авантюру в интересах всего человечества. Перчатка была брошена, и он нагнулся, чтобы ее поднять. Дуэль — и Хоукс выбрал свое оружие. Теннисные ракетки на рассвете. И теперь он гордо вышагивает перед нами, собираясь запечатлеть победу, которая покажет нам, что мы можем надеяться на светлое будущее, где хмурые лица

озаряет улыбка, где работа ладится, где побеждает любовь...
О, боже, он роняет свою камеру.

Да, я ее уронил. Оборудование под мышкой постепенно сползло вниз, но я не останавливался, чтобы его поправить — такое удовольствие я получал от своих фантазий. Вернувшись к реальности, слегка посрамленный, я остановился, чтобы поднять камеру, с которой, к счастью, ничего не случилось, и вошел на внутренний корт.

Марин Спыну ждал на стуле на краю корта, и в нем легко можно было признать молдавского футболиста, не по фигуре, а потому, что, как и все молдавские футболисты, с которыми я до сих пор встречался, он выглядел потерянным. Полагаю, одно упоминание о необходимости встретиться с неким англичанином на теннисном корте сбивало с толку. Я подошел, мы пожали друг другу руки и обменялись парой слов, после которых я быстро пришел к выводу, что по-английски он не говорит. Мой румынский, который всегда был чрезвычайно плох, теперь еще и забылся. Разговор не клеился. Потом я заметил, что у Марина Спыну внушительная теннисная сумка, из которой он достал две теннисных ракетки. Это на две больше, чем у любого молдавского футболиста, с которым мне довелось играть до настоящего времени. Слова Артура зазвенели в моей голове:

— Один из них окажется хорошим игроком.

Он же не может быть прав?

Мы со Спыну принялись разминаться. Он будто невзначай начал с сильного крученого удара левой рукой через весь корт, и мяч приземлился в футах от задней линии. Я отбил, по полной воспользовавшись ободом ракетки. Он ответил ловким укороченным ударом справа, закрутив книзу.

О, нет! Спыну играл хорошо.

Очень хорошо!

Уехав из Молдавии, он явно проводил на теннисном корте гораздо больше времени, чем его бывшие товарищи по команде.

Я тут же начал сожалеть о том, что плохо подготовился к этой встрече. После рождественских излишеств у меня появилось брюшко, я был в неважной физической форме, которая, похоже, заявит о себе в ближайшие полтора часа. Спыну был готов сделать первую подачу в матче, и я уже понимал, что попался. И молился, чтобы он оказался игроком, который впечатляет на разогреве, но ошибается в игре.

Первое очко в его пользу меня как-то не убедило. Он подал далеко, точно и сильно, а потом подошел к сетке, чтобы с легкостью отбить удар с лета левой туда, где меня не было. На втором очке его подачу отразить было невозможно. Проигрывая два очка, я почувствовал, как меня охватывают сомнения. Он не имел никакого права быть столь опытным. Однако я неплохо отбивался и выполнил несколько уверенных обводящих ударов, которые помогли продержаться после его подач, — но Спыну отлично отбивал с лета, под давлением, а затем совершил парочку сильных подач и выиграл первый гейм. То, что он явно был игроком, который не отдавал очки просто так, их приходилось выцарапывать, не предвещало ничего хорошего. Когда мы поменялись сторонами, меня охватила тревога.

Через двадцать минут я пребывал в глубоком шоке. Я проиграл первый сет со счетом 6:0. Не то чтобы я так уж плохо играл, в четырех из шести геймов шла упорная борьба, но Спыну выиграл все. Я был разгромлен этим парнем с той же легкостью, как Питом Сампрасом на игровой приставке. Мне хотелось развернуть Спыну и выставить переключатель в его спине с «очень сложного» уровня на «чертовски легкий». То, что сейчас происходило, было нечестно. Резкий, голодный и сильный соперник — и чувак,

который переел на Рождество пудинга и думал, что его противник окажется тряпкой.

Во втором сете я собрался с силами и смог изобразить что-то вроде максимума, на который был способен. В крайне напряженном сете я умудрился выиграть 6:4. Мне немного повезло, и я понимал, что на короткий период Спыну просто потерял концентрацию. Несмотря на мой недавний успех, я чувствовал, что Спыну, скорее всего, выиграет финальный сет. Но хватит ли нам времени? Часы на стене показывали, что у нас всего пятнадцать минут до того, как погасят свет. Необходимы переговоры. Я позвонил своему противника к сетке, показал на часы и объявил:

— Время только на тай-брейк.

Понял он или нет, Спыну кивнул, и я был рад, что мне не придется играть длинный третий сет, в котором моя ужасная форма непременно даст о себе знать. Это был последний шанс. Этот тай-брейк, который я просто обязан выиграть. С другой стороны, Спыну совершенно не волновался, был достаточно расслаблен и начал с того, что заработал очко одним ударом. Я продолжил двойной ошибкой. Я испытывал давление. Прием левой подачи от Спыну привел к очередному проигрышу. 3:0. Мне начинал не нравиться этот парень. Этого не было в сценарии. Спыну продолжал играть в теннис на пристойном уровне.

Я старался изо всех сил, но не мог его догнать, и при счете 3:6 столкнулся с тремя матч-пойнтами. Мне требовалась хорошая подача. В голове эхом раздавались тысячи голосов комментаторов:

— Вот что отличает настоящего чемпиона — способность сильно подать, когда это действительно необходимо.

Моя проблема заключалась в том, что я не был Питом Сампрасом или Джоном Маккинроем. Я был Тони Хоуксом — и в любом случае должен признать, что я не чемпи-

он. Моя карьера молодого теннисиста доказала, что у меня имелось все, чтобы выигрывать на соревнованиях, кроме темперамента. У меня наблюдалась тенденция не стремиться к вершинам, играть на весьма среднем уровне до конца своих дней.

Когда я шел к задней линии, то понял, что в теннисе достиг кульминации всей жизни. В этом пари я поставил на кон целую философию, философию, на которую я собирался опираться остаток дней. Я посмотрел на Спыну. Он выглядел расслабленным. Конечно, он был расслаблен. Для него это было легко, ничего не значило, вероятно, никто даже не узнает, что он играет в теннис. Для него это была просто передышка между тренировками. Все бремя легло на мои плечи, и я отчаянно нуждался в свежих силах. Ладно, пусть я не могу сильно подавать, но раньше я выигрывал очки одним ударом. Иногда правильную подачу так же невозможно отбить, как и сильную. Все, что мне было нужно, — правильно подать.

А потом меня словно озарило — я должен попросить Даниила мне помочь. Разве миг за роялем сегодня днем не вдохновлял? Разве у меня не возникло ощущение его присутствия? Не такая уж дикая идея. Надо попробовать. И вот, стоя на линии и готовясь подать, я стучал мячом об пол и бормотал:

— Даниил, если ты здесь, приятель, это я, Тони, чувак, который пел тебе сегодня днем. Слушай, мне нужно очко, ты же сделаешь все, что в твоих силах, чтобы мне помочь?

И с этими словами я подбросил мяч в воздух, согнул колени, выгнул спину и приложил максимум усилий к тому, что непременно должно было стать неотбиваемым ударом в центр поля противника. Обод ракетки хрустнул, соприкоснувшись с мячом, я взмахнул запястьем, чтобы ускорить мяч. Это была поистине мощнейшая подача.

Мяч приземлился ровнехонько в нижнюю часть сетки. В то же мгновение я понял, в чем ошибся. Я просил помощи у духа слабохарактерного концертного пианиста. Явно стоило бы обратиться за поддержкой к покойному Артуру Эшу, но я о нем даже не вспомнил; кроме того, сегодня я ему не пел, так что у него было полное право отказать мне в помощи.

Еще не все потеряно, у меня есть второй шанс. На сей раз я решил справиться сам, без призвания мертвецов. Я должен выиграть это очко. Отличная проверка моего характера. Я знал, что могу победить.

Я решил удивить Спыну, после подачи рвануть к сетке и сыграть мяч с лета. Это было бы смело, и вряд ли он такого ожидал. Буду подавать прямо в него, не дав ему возможности переместиться, чтобы выполнить хороший удар, и буду надеяться, что его скрутит судорога и он не сможет разобратся, принимать мяч справа или слева. Я глубоко вдохнул, произнес «Ну, давай же!», в последний раз ударил мяч об пол. А потом подал.

Это была хорошая подача, именно та, на которую я рассчитывал. Спыну постарался отклониться, ему лишь удалось коряво отбить правой и замедлить мяч. Все выглядело так, будто мы просматривали замедленную съемку. Мои глаза видели только возвращающуюся ко мне желтую сферу. Я быстро перехватил ракетку, чтобы ударить справа. Я подбежал к сетке, мяч мучительно медленно приближался к моей вытянутой правой руке. Когда ракетка соприкоснулась с мячом, мои сверхусилия закончились финальным животным ревом отчаяния.

Я отбил идеально. Мяч приземлился в дюйме от участка, где соединялись задняя и боковая линия, за пределами вытянутой ракетки Спыну. Я почувствовал прилив адреналина, момент гордости от того, что наконец-то смог отбить в нужный момент.

К несчастью, Спыну тоже смог, отправил правой великолепный победный мяч на линию.

Я проиграл.

Молдаванин с извиняющимся видом не спеша подошел к сетке, чтобы позжать мне руку. Он победил в великолепной игре, которая абсолютно ничего для него не значила. Если бы мы поменялись ролями, он не смог бы так хорошо сыграть, я уверен. Или, может, мне пора ненадолго прекратить заключать пари. Ведь я только что проиграл крупное... очень крупное пари.

Пока Спыну надевал тренировочный костюм и паковал вещи, я присел на краю корта, прокручивая в голове последний эпизод. Я просто не мог поверить в случившееся. Я через столько прошел ради этого матча, и мой противник разыграл впечатляющий тай-брейк. Спыну протянул ладонь, чтобы позжать мне руку перед уходом.

— Ты спасибо, — сказал он на чудовищном английском. — Я жаль.

— Ничего, — смиренно ответил я. — Спасибо за хорошую игру. Ты заслужил победу. Ты был лучше.

Он пожал плечами и ушел, явно не поняв ни слова. Я вполне мог сказать то, что на самом деле думал:

— Спасибо, что провалил мое пари, сволочь.

Джонни все не появлялся, а я не был в настроении ждать. Мне на самом деле ни с кем не хотелось разговаривать, а особенно с человеком, с которым одной из главных тем разговора, несомненно, станет Филиппа, наша общая подруга, которую я никак не мог вспомнить. Я пошел пешком в «Бет Даниил» по безлюдному центру Зихрон-Яакова, где оказался единственным посетителем в безлюдном баре. В такой миг хороших мест вообще не бывает, но я вполне мог бы найти то, какое не выглядело бы построенным специ-

ально для меланхоликов. Тематический парк для депрессивных маньяков под названием «Мрачный мир». Я уныло уставился в пиво «Маккаби» — местное израильское пиво, потому что хотел, чтобы пиво отвечало моим чувствам. Пинта горького. Бармен посмотрел на меня, на мою теннисную форму, на сумку с ракетками.

— Не грусти, — сказал он. — Боже, если не умеешь проигрывать, зачем играть?

Поблизости не оказалось ни одного вооруженного подростка, лишь потому я не схватил ружье и не застрелил бармена.

Глава 18

Тони из Назарета

Девушка, сидевшая рядом со мной в автобусе, спросила, что я делаю в Израиле.

— О, я просто в отпуске — езжу по стране, изучаю местные достопримечательности, — трусливо ответил я.

Мне не хватило душевных сил сказать правду.

— Я приехал сюда играть в теннис.

Потому что я знал, каков тогда будет следующий вопрос.

— И выиграл?

Эйлат особо меня не вдохновил. Однако я знал, что в это время здесь довольно солнечно, и, если мне в Лондоне придется раздеться в разгар зимы догола, я должен воспользоваться шансом и приобрести прекрасный бронзовый загар. Большая часть дороги, на которую ушли четыре с половиной часа, пролегла через пустыню, каковая, пусть и выглядела поразительно, не могла поднять мне настроение. Там ничто не росло. Никакой зелени. А в том настроении, в котором я пребывал, мне требовалась буйная растительность, пологие холмы и веселые овечки, а не безжизненные берега моря с очень подходящим названием — Мертвое.

Тысяча футов ниже уровня моря, это место — самая низкая точка планеты. Значит, вот оно. Я достиг низшей точки Земли. Я пытался успокоить себя избитой мудростью, что иногда нужно достичь дна, чтобы снова подняться наверх, однако хорошо понимал, что это не всегда так. (За подробной информацией обращайтесь к «Титанику».)

Автобус сделал пятнадцатиминутную остановку в курорте Эйн-Бокек. Израильтяне называют это место курортом, хотя на самом деле тут всего несколько отелей, построенных на берегу Мертвого моря. По сравнению с ним Зихрон-Яков — просто Лас-Вегас. Люди приезжают сюда ради целебных горячих источников, омолаживающей черной грязи, а еще чтобы зазомбириться и поплавать в море с содержанием соли в шесть раз выше, чем в Средиземном. Я подошел к воде, где парочка йоркширских девушек нерешительно входила в море для первого «заплыва». Их бойфренды стояли на берегу, готовые снять волнительный миг на камеру. Девушка покрупнее, по имени Лора погрузилась в воду и тут же всплыла на поверхность, ее пышные формы раскачивались на волнах, как яблоки в ведре с водой.

— Черт возьми, работает! — радостно закричала она.

Мне кажется, ее удивление было не слишком уместным. Она думала, что все, кто сюда приезжал до сих пор, тонули, но сговорились ее одурачить?

— Так странно, — восклицала она, неуклюже возлежав на воде. — Совершенно новое ощущение!

Совершенно новое ощущение? Я смотрел на нее, лежащую на спине с разбросанными в стороны ногами, и, не знаю почему, на мгновение в этом усомнился.

В Книге Бытия¹ говорится, что как раз на сих берегах Господь разил огнем и серой жителей Содомы и Гоморры.

¹ По-моему, ее написал ангел Петр Гавриил, также известный как Питер Гэбриел из «Дженезис».

Господь, который, похоже, в те времена был особенно придирчив и раздражителен, также превратил жену Лота в соляной столп. Либо это правда, либо жена Лота сбежала с другим мужиком и оставила соляной столп с приколотой на нем запиской.

Бог сделал это со мной, чтобы покарать тебя. Чай на плите.

Тебе все-таки придется сходить в магазин — я забыла.

(Соль не покупай.)

Путешествие на автобусе продолжалось на юг через пустыню Негев по направлению к Синайской пустыне. Там Моисей получил от Бога десять заповедей, вырезанных на каменных скрижалях. Мне кажется, эти плиты были разбиты к тому времени, когда их нашли летописцы и историки, поэтому некоторых крайне важных слов, которым надлежит следовать, на них не хватает. К примеру, «Не укради», «Не убий» и «Не прелюбодействуй» следует читать так: «Не убий время», «Не укради честь» и «Не прелюбодействуй слишком часто». Соблюдать такое гораздо проще.

Мы приехали в Эйлат за десять минут до захода солнца, и этого вполне хватило, чтобы изучить все достопримечательности. Город представлял собой скопление современных отелей, угнездившихся на северной оконечности Красного моря. Что самое примечательное — аэропорт находился всего в нескольких сотнях метров от пляжа. Когда приходит пора улетать, можете просто взять сумки и пойти в аэропорт. Таксисты, должно быть, ненавидят это место. Я бросил багаж в отеле и побрел к морю. Красное море поразило меня своей синевой, но потом я подумал, что Си-

нее море было бы не столь оригинальным названием. Правда в том, что первоначально-то оно называлось Камышовым, но английский печатник семнадцатого века пропустил букву «е» в слове Reed, и море стало Красным (Red). Но все могло быть еще хуже. Если бы вместо «г» поставили «р», то море стало бы называться Reed — Написанным. И тогда ныряльщики дважды бы подумали перед тем, как в него окунаться.

Ночью я решил пройтись в поисках развлечений, но ничего приличного не нашел. «Великая победа» Саддама над американцами и британцами навлекла на людей абсурдный страх перед бомбежками, поэтому на улицах не было пьяных туристов, среди которых можно затеряться. Лишь кучка серьезных путешественников и длинноволосых австралийских дайверов. Я поужинал в одном из множества пустых ресторанов Эйлата и пешком дошел до отеля, чувствуя себя потерянным и одиноким. Той ночью, лежа в постели, я повторял короткую молитву, которая, как я думал, нагонит на меня избавляющую дремоту:

— Черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт, черт...

Все-таки проигрыш я воспринял слишком близко к сердцу.

Следующие два дня я пытался быть хорошим туристом. Работал над загаром, занимался подводным плаванием с маской и посетил подводную коралловую обсерваторию. Но меня ничто не радовало. Проблема заключалась в том, что вокруг не было ничего, способного вывести меня из состояния жалости к себе. Мне требовались какие-нибудь события или люди — что угодно, чтобы я перестал чувствовать, что тупо три дня подряд убиваю время, оставшееся до рейса домой. Это было безумие — я загорал на берегу Крас-

ного моря, плавал среди экзотических рыбок к коралловым рифам и мечтал вернуться домой. И ничего не мог с собой поделать — так уж все сложилось.

«Иерусалим пост» оказалась моим билетом на свободу. Эта израильская газета, которая выходит на английском, держала меня в курсе мировых новостей¹. На третье утро пребывания в чистилище я вышел с чаем в сад отеля на крыше и пролистал спортивные страницы, выискивая новые результаты футбольных матчей в Англии. Мое внимание привлекла фотография двух футболистов в борьбе за мяч. В этой фотографии не было ничего необычного, кроме написанных ниже, мягко выражаясь, интригующих слов.

Йосси Арат из ФК г. Лод сбит с ног неуклюжим подкатом Марина Спыну из «Маккаби» (г. Кфар Кана) во вчерашнем матче, завершившемся со счетом 1:1.

Я присмотрелся к фотографии. В газете, должно быть, ошиблись. Ни один из игроков не был похож на Марина Спыну. Ошибки происходят постоянно. И доказательством этому может служить не только Красное море.

Я отложил газету и вернулся к своему чаю, но мой разум не успокаивался. Если в газете не ошибались, и, давайте признаем, это тоже вполне возможно, то я играл не с Марином Спыну. Мог ли Джонни напортачить и связаться не с тем игроком? Может, его друг-физиотерапевт прислал не того парня? Я тщательно покопался в памяти и вспомнил разговор с Леонидом, спортивным корреспондентом из Кишинева, который сказал мне, что двое молдавских футболистов играют в одном израильском клубе — Марин Спыну и Сер-

¹ Под «мировыми новостями» подразумеваются Билл Клинтон и Моника Левински.

гей Нани. Возможно ли, что я сыграл не с тем соперником, и пари еще не проиграно? Я старался отогнать от себя мысль о том, что слишком часто хватаюсь за соломинку.

Когда я набрал номер Джонни, мое сердце бешено колотилось, отчаянно пытаясь справиться с подскочившим уровнем адреналина.

— Привет, это Джонни?

— Да.

— Это Тони Хоукс.

— О, слава богу, ты позвонил! Нам так нужно было с тобой связаться, но мы не знали, как это сделать. Мы звонили в Англию, чтобы выяснить, известно ли кому-нибудь, где ты.

— Почему?

— Потому что в Зихроне ты играл не с Марином Спыну. Да! Я радостно стукнул кулаком по столу.

— Я так и подумал, — сказал я, — это была ошибка, другой молдаванин — Сергей Нани, верно?

— Хотел бы я, чтобы все так и было, — с запинкой ответил Джонни. — Но дело в том, что мы тебя разыграли, Тони. Парень, с которым ты играл, никакой не молдаванин. Он местный профессиональный теннисист. Боюсь, Артур меня подговорил. Это была шутка — но я собирался тебе сказать после игры. А все пошло не так, когда я не смог приехать. Прости. Мне действительно жаль.

Какая досада. Меня развели. Главное, афера прошла настолько успешно либо благодаря предприимчивости Артура, либо исключительно из-за моей тупости. Я на секунду задумался и решил, что причина в последнем. Я просто не заметил подвоха. Взять хотя бы ту легкость, с которой был устроен матч. Я должен был понять, что что-то не так, если все идет настолько легко. Опыт показал, что нельзя просто снять телефонную трубку, а потом выйти на корт с

молдавским футболистом. Нет. Вы должны выстрадать, выпотеть, выунижаться...

Мог бы догадаться и по тому, что «липовый» Спину сказал мне в конце матча.

— Ты спасибо.

Ни один молдаванин за все три недели, которые я у них пробыл, не говорил мне такого. Если они хоть что-то знали по-английски, то всегда правильно говорили «Спасибо». «Ты спасибо» явно звучало так, будто кто-то хочет притвориться, что не говорит по-английски.

— Ты рассказал Артуру, что произошло? — спросил я, снова вернувшись к испытывающему комплекс вины Джонни.

— Да, и он находит забавным, что ты поверил в свой проигрыш. Говорит, что не скажет тебе, что все было подстроено, пока ты не споешь гольшом молдавский гимн.

— Ушлый мерзавец. Я отплачу ему.

— Как?

— Пока не знаю, но что-нибудь придумаю.

— Если могу чем-нибудь помочь, просто скажи.

— Быстро же ты меняешь хозяев.

— Ну, я испортил тебе поездку — и чувствую себя ужасно.

— Ты можешь сделать кое-что для меня, Джонни — если Артур позвонит, не говори ему, что общался со мной.

— Хорошо. И, слушай, у меня есть номер мобильного телефона одного парня по имени Фейсал, который вроде бы работает в клубе «Маккаби» из Кфар Каны, давай, я дам его тебе, вдруг поможет.

— Спасибо.

Я записал номер, принял еще несколько извинений и повесил трубку. Я простил Джонни. Он был милым парнем, просто ненадолго попал под дурное влияние, вот и все. Такое бывает со всеми.

Я сразу же пошел и рассчитался с отелем. Пружинящей походкой я направился к автовокзалу, уверенный в том, что мне больше не нужна жара зимнего Эйлата. Теперь меня грело изнутри, это было важнее.

Судя по карте, деревня Кфар Кана находилась всего в нескольких милях от Назарета, так что она казалась самым подходящим местом для финальной игры. По-моему, идеально, что история вроде моей, в которой столько библейских мотивов, должна завершиться именно здесь, в месте, где началась одна из самых великих и знаменитых историй в мире. Именно здесь ангел Гавриил принес Марии весть о предстоящем рождении сына, здесь Мария сказала об этом смущенному и слегка сомневавшемуся Иосифу, и здесь вырос и работал плотником Иисус.

Вообще-то мне всегда казалось довольно странным, что Иисус провел столько времени, изучая и оттачивая мастерство плотника, а потом во время своей миссии ни разу им не воспользовался. Мы читали о том, как он превращал воду в вино, накормил пять тысяч человек и иногда гулял по воде, но никаких упоминаний о том, что он где-нибудь остановился и повесил для кого-нибудь пару полок. Никто никогда не сообщал, чтобы он говорил:

— Встань же и иди — о, кстати пока я здесь, если хочешь, могу сколотить тебе книжный шкаф, чтобы поставить за диван.

Судя по тому, каким он был парнем, думаю, именно так и должен был поступать добряга Иисус, однако летописцы старались подать его как сына Божьего и, вероятно, им казалось, что будет проще, если люди не станут представлять его типом, который повсюду таскал с собой набор инструментов «Блэк энд Дэккер». Если бы эти инструменты тогда уже изобрели, он непременно бы с ними ходил. Вот настоящий Мессия — обычный человек, наделенный чрез-

вычайной мудростью. Новые мессии тоже, скорее всего, будут вполне обычными ребятами: сантехником, школьным сторожем или почтальоном. Я не вижу здесь никаких проблем, я бы с радостью пошел за таким, только если у него на ремне не будет болтаться огромная связка отмычек. Когда-то же надо остановиться.

Не знаю, чего я ждал, но Назарет меня разочаровал. Повсюду велись дорожные работы. Похоже, город готовился к «лихорадке нового тысячелетия» и ожидал притока религиозных паломников и психически неуравновешенных фанатиков, которые собирались отпраздновать столь редкое событие, выкинув что-нибудь эдакое — тихо помолиться или совершить массовое самоубийство. Религиозные культы, которые подразумевают суицид, похоже, набирают популярность. Интересно, упоминают ли они об этом в своих рекламных проспектах, набирая новых членов.

Присоединяйтесь к культу Солнечного храма для захватывающих ночей в молитвах, игр в настольный теннис и самоубийств на закате.
(Ненужное вычеркнуть.)

Я предпочитаю быть похороненным /кремированным/ хочу, чтобы меня использовали в ужасных научных экспериментах.

В первых двух отелях, куда я позвонил, мест не было, но человек во втором, римско-католическом хосписе сказал, что я могу поискать ночлег у «Сестер из Назарета». Гостевой дом в монастыре казался не самым привлекательным вариантом, но, так как мне надоело таскать чемоданы, пришлось воспользоваться советом.

Монастырь был обнесен стеной и имел внутренний дворик с фонтаном и пальмовыми деревьями. Монашки крестились перед ним и бежали дальше по своим делам. Какое-то

время я стоял, бросив сумки у ног и поражаясь потрясающему зрелищу. Теперь сомнений не было — я упустил свое призвание. Я должен был стать монашкой. Может, мне разрешат присоединиться к ним? Я мог бы открыть теннисный кружок. Все, о чем я попрошу, — это освободить меня от молитвы в шесть утра, я бы с большим рвением молился после завтрака.

— Ваша комната — наверх и налево, — сказала сестра Анна-Мария с сильным французским акцентом, явно смущенная тем, как я глазел вокруг. — Мы закрываемся на ночь в девять.

В девять, хорошо. Придется сегодня пропустить посещение местного ночного клуба «Студия 54».

В тот вечер я снова ужинал в ресторане, в котором был единственным клиентом. Я в одиночку помогал израильской туристической отрасли выжить. После кебаба, который придал мне смелости, я позвонил Фейсалу, менеджеру «Маккаби» из Кфар Каны. Я нервничал. Если Фейсал мне откажет, жизнь станет действительно трудной. Мой мобильный связался с его мобильным, и со слабым сигналом наш разговор напоминал перекрикивание через каменную стену толщиной шесть футов. Мы повторяли все по четыре раза, и все равно никто ничего не понимал. Спасибо, Господи, за мобильную связь. Насколько я смог понять, Фейсал не был настроен враждебно и даже пригласил меня на утреннюю тренировку. Эта новость была бы вдвое приятнее, если бы сигнал не пропал до того, как я успел выяснить, где тренировка будет проходить. Ну, ничего, что-нибудь придумаю.

Я вернулся в монастырь в 8.59, не тратя время на свободу зря, и пошел выпить чего-нибудь горячего в месте, которое называлось общей гостиной и кухней. Здесь я познакомился с двумя японскими ребятами и французом по имени Жан. Японцы не слишком хорошо говорили по-английски,

а Жан не говорил ничего умного. Сочетание этих двух факторов сделало для меня двадцать минут общения мучительными. Говорят, что если на чайник просто смотреть, он никогда не закипит (но по своему опыту я знал, что это правда, если не нажимать на нем маленькую кнопку сзади), и, боже, как же я смотрел на этот чайник. Оказалось, что все трое моих новых приятелей были религиозными паломниками, которые старались везде, где только можно, вставить фразу из Библии, а Жан — тот вообще вещал с охренительным энтузиазмом. Он был довольно славным малым и, надо отдать ему должное, угостил меня печеньем, но в ответ мне пришлось вынести историю о том, «как он нашел Бога». Однако сделка была честной, а печенье — вкусным. Пожалуй, это и все, на что я мог надеяться в плане развлечений в этой поездке. Да ладно тебе, просто делай то, зачем ты сюда приехал, твердил я себе. В конце концов, приближалась встреча с настоящим Спыну.

В Евангелие от Иоанна говорится, что именно в арабской деревне Кфар Кана, она же Кана Галилейская, Иисус совершил свое первое чудо — превратил воду в вино на свадебном пиру. Такой трюк всегда включит вас в список приглашенных.

— Кого нам пригласить?

— Ну, хорошо бы Иисуса. Он милый парень. И отмени тот заказ из винного магазина.

Мое чудо, хоть и малое по сравнению с этим, все же достойно упоминания. Выйдя из автобуса, на который сел в Назарете, я стоял посреди пустынной главной улицы Кфар Каны, не зная, что делать дальше, а потом напротив меня припарковалась машина, из нее вышел молодой человек и направился к хлебному магазину за моей спиной.

— Простите, — спросил я, — но здесь поблизости нет футбольного поля?

— А почему вы спрашиваете? — ответил он.

— Потому что я должен туда попасть.

— Я тоже туда, подождите, я отвезу вас.

Парень оказался Уасимом, одним из футболистов «Маккаби» из Кфар Каны, и ехал на тренировку. Пусть я не превратил воду в вино, но для новичка не так плохо.

То, что было потом, разительно отличалось от моего прежнего молдавского «футбольного опыта». На стадионе Уасим представил меня симпатичному на вид парню Майвану.

— А, Тони, рад познакомиться. Фейсал говорил, что ты придешь. Добро пожаловать.

Майван — бывший игрок, который стал генеральным менеджером клуба. Он был таким обаятельным и дружелюбным, что я решил — он мой герой.

— Не хочешь чая? — спросил он.

Чая. Мне предложили чая. Никто в молдавском мире футбола ни разу не предлагал мне чая.

— О, да, пожалуйста, Майван. С удовольствием выпью чашечку.

Молодого паренька послали за чаем, и, когда он вернулся, я гордо взял чашку в свои руки. Каждый глоток был подтверждением того, что я среди друзей. Меня представили Баруху, крупному мужчине, чья фигура придавала его спортивному костюму дополнительный объем. Он был молдаванином и агентом Марина Спыну и Сергея Нани. Его невероятная работа заключалась в упрощении передвижений футболистов из Молдавии в Израиль. Полагаю, его компания называлась «Трансферы в пустыню». Я рассказал о том, как я оказался здесь, на стадионе клуба второго дивизиона израильского чемпионата, и он от души посмеялся, особенно при упоминании о пении гимна гольшом.

— Так ты играл с Митеревым? — спросил он.

— Да, он вообще-то был первым.

— И с Тестимициану?

— Да.

— Я пытался перевезти его сюда. А с Шишкиным?

Наш разговор и далее протекал в том же русле. Неожиданный приезд эксцентричного англичанина дал Баруху возможность вспомнить о стране и друзьях, которых он там оставил.

— Думаешь, Марин согласится сыграть со мной в теннис? — осторожно спросил я.

— Не вижу причин, почему нет. Ты знаешь, что он не говорит по-английски?

— Да, и я подумал, не мог бы ты выступить переводчиком?

— Без проблем.

Майван пришел еще с одной чашкой чая. Мне здесь нравилось.

Совершенно случайно настоящий Спыну не слишком отличался от фальшивого. Тот же рост, тот же цвет волос и схожие черты лица. Вот если бы его теннис ни шел ни в какое сравнение с мастерством «липового» футболиста, я был бы вполне счастлив. Барух представил меня, и со мной поздоровались с уже знакомым сочетанием смущения и робости. Это подсказало, что ни Спыну, ни Сергей Нани не слышали обо мне ни слова. Видимо, для молдавских футболистов англичанин, который месяцами ездил по миру в погоне за ними, не был такой уж любопытной новостью. Они не болтали по телефону с коллегами, чтобы обсудить последние сплетни. Молдавский футболист говорит только то, что необходимо, а затем спешит заняться делами насущными с покорным стоицизмом.

Барух объяснил Марину, чего от него хотят, игрок выслушал и послушно кивнул.

— Он сыграет с тобой завтра утром, — уверенно сказал Барух.

— Потрясающе. Где?

— В Назарете. Он там живет. На самом деле, если хочешь, можешь поехать сейчас с Марином и Сергеем, они подбросят тебя до отеля.

Вообще-то до монастыря, но я не стал поправлять.

— Отлично.

Итак, я уехал со стадиона в машине с двумя молдавскими футболистами, за несколько часов добившись большего, чем за две недели в Молдавии. Майван подарил мне шарф и вымпел «Маккаби» из Кфар Каны и пригласил в качестве почетного гостя на ближайшую игру. Я долго его благодарил и пообещал сделать все, что в моих силах, чтобы прийти. Я не смог сказать ему, что к тому времени уже вернусь в Англию. Я искренне сожалел о том, что у меня не будет времени лучше узнать этих людей. Они выказали искреннюю доброту и желание помочь. Надеюсь, они выиграют кубок.

Думаю, Марин не ожидал снова узреть своих товарищей по команде, с которыми играл на «Уэмбли», да еще в таком виде, и посмеивался всю дорогу в Назарет, когда я показывал ему на маленьком экране своей камеры, как мы играли в теннис. Теперь он собственными глазами видел, что я не вру. Он, должно быть, ощутил облегчение, узнав, что я в самом деле объехал весь мир в погоне за молдавской национальной сборной, то есть что я не просто псих, преследующий симпатичных ребят спортивного телосложения.

— Высадите меня здесь, — попросил я, когда автомобиль успешно объехал все дорожные работы Назарета и подкатил к храму Благовещения.

— Хорошо, увидимся завтра на теннисном корте в 10.30, — ответил Сергей на своем ломаном английском.

— Да, в 10.30, — подтвердил я, выбираясь из машины, и покосился через плечо на возвышавшееся за спиной здание. — Красивая церковь, да? Вы знаете, что это самый большой христианский храм на Среднем Востоке?

— Да-да, в 10.30, — ответил Сергей.

Надеюсь, Спыну играет в теннис так, как Сергей говорит по-английски.

Я позавтракал в 8.30 и ровно в 9 отправился к единственному теннисному корту Назарета. Было рановато, но я подстраховался, выделил в своем расписании час на поиски, подумав, что могу «слегка заблудиться» — в конце концов, как найти корт, мне объяснял молдаванин, который едва говорил по-английски. Когда я выходил из монастыря, у ворот стоял целый автобус христиан-американцев. Они удивленно смотрели, как я выхожу из святилища, в белых шортах, с двумя теннисными ракетками и видеокамерой, да еще с зелено-белым шарфом «Маккаби» на шее. По всем раскладам меня было сложно назвать типичным паломником.

— Доброе утро и хорошего дня, — сказал я, зная, что если обращусь к ним напрямую, то сконфужу еще больше.

— Доброе утро, — ответил один смельчак. — Господь с вами.

— Спасибо.

Не уверен, что Бог следил за мной, однако раньше Он уже интересовался этой частью света, и сегодняшний теннисный матч в Назарете мог бы стать для Него передышкой между навлечениями наводнений, ураганов и землетрясений. Я не сомневался, что выиграю. Даже если Спыну играет хорошо, я отлично потренировался в нелегком матче с «липовым» Спыну и считал, что нахожусь в приличной форме. Единственное, чего я опасался, — что по какой-то причине он может не прийти. Я улетаю домой на следую-

щий день. Сейчас или никогда. Пожалуйста, не подведи меня, Марин Спыну, пожалуйста.

Жизнерадостный арабский таксист подвез меня до Нацрат Илит, современного еврейского поселения на окраине древнего Назарета, где обнаружили, как и говорил Сергей, теннисные корты. Комментатор в моей голове снова заголосил:

— И вот Хоукс помилован. Он уже познал горечь поражения и понял, что она ему не по вкусу. Сегодня утром, несомненно, в этом священном месте, где разыграется последний акт эпической борьбы, победа будет на его стороне. Здесь нет толпы зрителей, но это не умаляет значения момента. Хоукс несет надежду всего мира на своих могучих плечах. Если он выиграет, мир будет...

— Боже, заткнись, Тони! — произнес другой, более уравновешенный голос в голове. — Ты сходишь с ума. Просто сыграй со Спыну и проваливай домой.

Ладно, ладно, может, голос и прав. Немного скромности не помешает.

У Марина Спыну скромности было в избытке. Он чрезвычайно меня порадовал, когда в 10.30 пунктуально и робко зашел на теннисный корт вместе с Сергеем, пожал мне руку и изобразил что-то вроде улыбки. Я сразу приметил хорошие новости. У него не было теннисной ракетки. Я вручил ему свою запасную, он прошел в дальний конец корта, и мы начали бить по мячу. Точнее, я бил, а он промахивался. К моему облегчению, Спыну играл в теннис так же, как его соотечественник говорил по-английски.

Пятнадцать минут игры заслужили ту толпу зевак, которая в итоге собралась. В количестве одного человека. На самом деле зрителей вообще не было, поскольку Сергей взял на себя роль мальчика, бегающего за мячами на протяжении нашего одностороннего поединка. Матч-пойнт — и я

сделал хорошую подачу, а Спыну смог отбить лишь в сетку, к которой я радостно подскочил. Слегка смущенный, Спыну пожал мне руку, и я помахал воображаемой толпе обожающих фанов.

— Я сделал это! — закричал я. — Я победил всю молдавскую национальную футбольную сборную в теннис!

Да, я сделал это. И в моей камере была пленка, которая это доказывала.

Я глубоко благодарен Марину Спыну. Он одиннадцатым из молдавских футболистов вышел на теннисный корт лишь ради того, чтобы ускорить успешное завершение дурацкого пари, заключенного каким-то чудиком. Для них для всех это была лишняя обуза, однако они стойчески вынесли устроенное мною издевательство. Никаких капризов, которые затруднили бы дело; наоборот — они все были приятными, общительными людьми и, что самое главное, откровенно играли в теннис. Определенно можно сделать следующее заключение:

Молдавские футболисты — отличные ребята.

Жаль, конечно, что я потратил столько времени, гоняясь за этими футболистами, и его почти не осталось на то, чтобы узнать их получше. Может, кто-нибудь из них переберется в Англию, и я смогу пригласить его на кружечку пива. Да, мне очень понравилась эта идея. Шагая к такси, я позволил ей себя успокоить. Решено, приглашу всех — так я выражу свою благодарность.

Глава 19

Последний рывок

Уехать из Святой Земли не так просто, как может показаться. Учитывая, что Израиль собирался развивать международный туризм, служба безопасности аэропорта, видимо, разрабатывала собственные методы популяризации страны. Прежде чем путешественник успевал дойти до стойки регистрации, охранник, весь увешанный значками, отводил его в сторону, чтобы задать пару «вопросов касательно безопасности». И это был не просто дежурный распрос — фанаты своего дела добрых двадцать минут выспрашивали подробности вашего пребывания в Израиле. Когда меня спросили о цели визита, я подумал, что лучше не упоминать о стремлении побить в теннис одиннадцатого и последнего молдавского футболиста. Меня могут посчитать слишком опасным пассажиром и не посадить в самолет. Вместо этого я сказал, что приехал в страну отдохнуть и встретиться со своим израильским издателем. Едва я это сказал, интервьюер в форме попросил номер телефона Даниэлы, чтобы он мог позвонить и убедиться в правдивости моей истории.

— Вы полагаете, я вру? — спросил я с неприкрытым возмущением.

— Нет, сэр. Мы просто должны быть абсолютно уверены.

Я дал ему номер, он ушел, сделал звонок и вернулся со словами: «Все в порядке». Но расспрос продолжался.

— Вы разговаривали с арабами во время пребывания здесь?

Это уже начало доставать.

— Можно спросить, зачем вы задаете мне эти вопросы?

— Вы должны понимать, что нам приходится очень не просто из-за местной политической ситуации.

— Пусть так, но я-то пытаюсь уехать из вашей страны, а не въехать в нее. Какой смысл задавать мне эти вопросы сейчас?

— Это наша работа. Не могли бы вы сказать, говорили ли вы с арабами, пока находились тут?

— А если я отвечу «нет» — кому вы позвоните, чтобы проверить, что я говорю правду?

Охранник исчез, вероятно, чтобы уточнить, как быть с людьми, которые отвечают вопросом на вопрос. Я надеялся, что его начальник ответит: «Откуда мне знать?»

Пока я ждал, то услышал, как парня за соседней стойкой попросили предоставить все чеки из отелей, которые подтвердили бы его перемещения по стране. Потом последовал тщательный обыск багажа. И лишь затем представитель службы безопасности поблагодарил его и пожелал приятного полета. Удивительно то, что на протяжении всего допроса на стойке возле сумки пассажира лежал журнал, который офицер так и не заметил. Меня не оставляла мысль, что это стоило одного-двух вопросов, учитывая, что журнал назывался «Легкое огнестрельное оружие».

Через десять минут дальнейших расспросов, которые вел другой офицер, меня наконец посчитали достаточно без-

опасным пассажиром, чтобы позволить улететь из страны, и я сел в самолет с другими раздраженными людьми; многие из них клялись вслух, что никогда больше сюда не приедут. В Израиле во многом нужно наводить порядок, а начать следует с самого простого — например, научиться не доставлять хлопот улетающим туристам.

На борту я пил шампанское и надоедал сидящей рядом американке рассказами о своем героическом приключении.

— И этот парень Артур действительно разденется до гола? — спросила она.

— Лучше бы ему это сделать.

— А если он откажется?

Хороший вопрос. Об этом я как-то не думал.

— Он сделает это. Я уверен.

— Надеюсь, вы правы.

Надеюсь, я прав. Мне не хотелось обращаться в Европейский суд по правам человека.

2 марта 1999 года — великий день, и ради такого случая я арендовал паб «Бедфорд» в Белхэме. Это будет, думаю, едва ли не самый необычный повод для вечеринки. Артур выглядел вполне довольным, когда пришел. Хорошо. Это означает, что он клюнул на наживку. Вечер обещает быть интересным.

Когда я прилетел, Артур, естественно, захотел узнать о результатах моих ближневосточных стараний.

— Ну, что там произошло, Хоукс? — прохрипел он. Его голосовые связки явно пали жертвой недавних злоупотреблений алкоголем.

— Тебе придется подождать, пока я не представлю все доказательства в пабе, — ответил я, нарочно недоговаривая.

— Ладно, полагаю, так будет честно, — пробормотал он с порадовавшим меня, однако нехарактерным для него безразличием.

Обычно в такой ситуации он давил на меня, отчаянно пытаясь узнать что-либо, но на сей раз ему этого не требовалось, так как он уже все знал. По крайней мере, то, что я позволил ему узнать. Добрый малый Джонни был нем, как рыба, насчет того, что на самом деле произошло в Израиле, и Артур, вероятнее всего, поверил болтовне наших общих друзей — мол, мой последний матч обернулся поражением, так как я поведал об этом нескольким избранным, на кого можно было положиться в умении сплетничать.

— Ты умеешь хранить секреты? — спрашивал я, заранее зная ответ.

— Да.

— Знаешь, последний парень, Спыну, играл очень хорошо, и я позорно ему продул.

— Ты шутишь.

— Нет, только не говори никому, ладно?

— Нет, конечно же, нет.

Через сорок восемь часов, которых было достаточно, чтобы вести дошли до Артура, все было готово для развязки.

Несмотря на неприятную, сырую и холодную мартовскую погоду, публики собралось немало. В приглашении говорилось, что «в конце вечера Артур или Тони разденется догола и будет петь молдавский национальный гимн на шоссе», и это, возможно, стимулировало сомневавшихся прийти. Моим почетным гостем была Коринна из кишиневского Центра журналистики, которая уже несколько месяцев училась в Оксфорде и смогла выбраться в Лондон на вечер. Было чрезвычайно приятно увидеть ее снова, пусть она словно уменьшилась в росте и как-то присмирела. Видимо, ее напугала пьяная и буйная атмосфера второго зала паба в Белхэме. Не представляю себе более яркий контраст с миром, который она знала в Молдавии.

— Не могу дождаться, когда увижу, чем закончилось твое маленькое приключение, — сказала она, когда пришла.

— Надеюсь, ты принесла увеличительное стекло, — ответил наглец, стоящий рядом и полагавший, что знает, чем все завершится.

Коринна вежливо улыбнулась и заняла место среди остальных гостей, с нетерпением ожидавших начала шоу. Благодаря ее приходу я ощутил странную уверенность и радость от того, что моя затея обрела законченность форм. С Коринной одной из первых я познакомился в Молдавии, и теперь, спустя полгода, она тут, сидит в нескольких футах от меня, в финале моего чудаковатого пари. Ее присутствие в этом пабе лишней раз убеждало, что все случившееся не было сном. Коринна была настоящей. Я воистину пережил все то, о чем собирался рассказать собравшейся толпе.

Открыл вечер Артур. У него был многолетний опыт проведения комедийных вечеров, так что мало кто мог лучше него справиться с этой задачей.

— Добро пожаловать на нашу вечеринку, — начал он, чувствуя себя у микрофона так же свободно, как большинство из нас чувствует себя за рулем автомобиля или за мытьем посуды. — Меня зовут Артур Смит. Правда, если в зале есть кто-нибудь из налогового управления Стрэтэма, то я — Дафна Фэйрфакс.

Это вызвало бурное веселье той части аудитории, чья любовь к этой бородатой шутке не угасла с тех пор, как они впервые услышали ее пятнадцать лет назад. После небольшого поклона, который признал возраст этой остроты, Артур продолжил:

— Сегодня вечером по итогам пари, которое мы с Тони Хоуксом заключили около восемнадцати месяцев назад и о котором, я полагаю, вы все знаете, один из нас по истечении этого часа будет стоять нагишом на Белхэмском шоссе и петь молдавский национальный гимн.

Бурное веселье. Я посмотрел на Коринну, которая одновременно смеялась и скептически качала головой. Будто все время, что я провел в Молдавии, она никогда по-настоящему не верила, что в Англии есть два человека, настолько глупых, чтобы на самом деле устроить такое представление.

— Обычно, — продолжил Артур, переходя на игривый тон, — юмористам нравится пить, принимать наркотики и гулять допоздна. А Тони любит играть в теннис. Он на 45-м месте в Британии, что означает, что в мировом рейтинге он на 88-миллионном месте — чуть ниже Клиффа Ричарда. В любом случае, он провел последние шесть месяцев, гоняясь за молдавскими футболистами по всему миру, и теперь он здесь, чтобы представить свои довольно скучные доказательства. Я не знаю, кто выиграл пари, вообще-то, об этом знает лишь Тони — так что поприветствуем его, чтобы наконец узнать правду. Тони Хоукс!

Артур с самоуверенным видом вручил мне микрофон, и я начал сказ о Молдавии и о трудностях, с которыми там столкнулся. Публика слушала вежливо и внимательно, но я не мог избавиться от мысли, что немалая ее часть с нетерпением ждет, когда мы с Артуром представим то, что можно назвать «десертом». Для некоторых гостей сегодняшней вечер был не «игрой с молдаванами в теннис», а шоу под названием «Чей пенис?»¹.

Рассказывая, я ощущал прилив гордости за свои достижения, хотя и упомянул, что некоторое время провал казался неизбежным. Когда настал момент представить видео в доказательство теннисных побед, я откинулся на стуле и смотрел на происходящее на экране с некоторой отчужден-

¹ Несомненно, лишь дело времени, когда Би-би-си запустит шоу на эту тему. Что ж, сейчас я просто хочу подчеркнуть, что, если они запустят это шоу, его ведущим буду не я.

ностью. Казалось, минувшее время добавило трезвости моему взгляду на мир, и я недоверчиво глядел на себя самого, побеждающего одного молдавского футболиста за другим на теннисном корте в центре Кишинева. Я действительно это сделал?

Настроение в пабе изменилось, когда я начал показывать запись с «липовым» Марином Спыну. Вздохи ужаса. Бормотание: «Черт дери, да он хорош!» Точно такие же чувства я испытывал во время игры. Я снова ощущал то же самое, но в этот раз пережить было легче, разделив боль с другими. И зная правду. Ах, да, правда, прекрасная правда. Я посмотрел на Артура, чтобы увидеть его реакцию. Он улыбался, как Чеширский кот.

Спыну исполнил финальный обводящий удар правой, пока я мялся у сетки, и публика загудела. Никто не ожидал такого. Сквозь поток восклицаний и насмешек я с жалобным видом пробрался к микрофону.

— Так что вот так. Наглядная демонстрация: казалось, до победы подать рукой, но не тут-то было. Десять победены, но, боюсь, последний барьер я не взял.

— Ах! — выдохнула аудитория.

— Через минуту я приглашу вас проследовать на улицу, где я сниму всю одежду и спою молдавский гимн, а пока передаю микрофон Артуру, который, возможно, захочет сказать несколько слов в честь своей победы.

Артур-победитель гордо прошел на сцену.

— Это было красиво — Тони самоуверенно одержал первые десять побед, легко побив футболистов, которые явно никогда раньше не играли в теннис. Но он встретил достойного противника и в результате был побежден, так что теперь настала пора раздеваться. Мы знаем, что Тони загорел, — но ровный ли у него загар? Скоро мы это выясним. А пока скажу, что после того, как посмотрим на голого Тони, поющего молдавский национальный гимн, мы снова себе-

ремся здесь, и я кое-что вам поведаю. Но мы хотим увидеть Тони без одежды?

Громкие крики одобрения. Однако у меня были свои козыри. Я вырвал микрофон из рук Артура.

— До того, как мы выйдем на улицу, я подумал, что вам следует узнать: кое-что случилось сразу после того, как я проиграл тот матч.

И я показал ролик, который запечатлел обнаружение фотографии настоящего Спыну. Публика неодобрительно отреагировала на выявление попытки саботажа, я посмотрел на Артура и увидел, что он, как напроказивший ученик, которого разоблачил учитель, застенчиво хихикает. На экране продолжала разворачиваться история — моя поездка в Назарет и близлежащие поселения и победа над настоящим Марином Спыну. Теперь, когда все раскрылось, паб возбужденно загудел. Очевидно, всем отчаянно хотелось увидеть, скажем так, достоинство Артура — хотя он, вероятно, предпочел бы не смешивать два разных понятия.

Под радостное гиканье Артур вернулся к микрофону. Рождественские праздники наступили в этом году рано.

— Похоже, Тони узнал о моем звонке, — смиренно признал он. — Я немного разочарован, потому что думал, что они окажутся хорошими игроками, эти футболисты. Молодые, подтянутые спортсмены — а игроки ни к черту.

Артур посмотрел на меня, и я самодовольно улыбнулся в ответ. Я смаковал этот миг и имел на то полное право. Я преодолел немало препятствий, чтобы добиться цели, так что самое время получать удовольствие. К несчастью, выражение моего лица Артур не заметил — впервые в жизни я видел его пьяным в стельку. Он явно не бездельничал, пока я предъявлял доказательства, и дошел до того состояния, которое было ему на руку, учитывая предстоящее. На ногах он пока стоял, но и только.

— Я не боюсь того, что мне придется сделать, — гордо и внятно объявил он; сколько бы он ни выпил, его язык никогда не заплетался. — Сегодня утром я вживил в свой пенис несколько коллагеновых имплантов, и теперь его длина — сорок два дюйма.

Мы все захихикали, как школьники. Даже Коринна.

Та еще картина — толпа в восемь десятков человек высыпала на улицу и зашагала по тротуару к шоссе. Было решено, что разоблачение должно произойти у магазина «Вулвортс», и Артур морально готовился к выступлению. Ему вручили мегафон, и он обратился к вуайеристам, пребывавшим в ожидании.

— Все женщины, которые, при виде обнаженного и поющего национальный гимн меня, захотят сегодня вечером немного позажиматься, пожалуйста, выстраивайтесь после мероприятия в очередь по левую руку.

С сигаретой в руке он продолжал раздеваться до нижнего белья, и радостные подбадривания эхом отдавались по дороге. Все кричали: «Снимай! Снимай! Снимай!» Потом Артур изрек фразу, которую, как мне кажется, можно произнести всего один раз в жизни.

— Я честный человек и я мужчина, и когда заиграет музыка, обещаю, что сниму трусы.

Фраза для сборника лучших цитат за последние сто лет.

Я нажал кнопку на магнитофоне, вручил Артуру слова на румынском, и грязное дело было сделано: все еще с сигаретой в руке, он стянул трусы и потряс ими над головой. Группа, которая до этого скандировала: «Снимай! Снимай! Снимай!», тут же сменила лозунг на: «Надень! Надень! Надень!», но напрасно. У великого «небесного портного» бывали работы и получше — хотя какая разница, толпа получила, что хотела, — наготу. Момент обнажения сопровождался хаотичной смесью восклицаний, вздохов недо-

рия, криков ужаса и истерического смеха. Остается надеяться, что не все так реагируют на голого Артура.

Моя реакция отличалась от общей. Для меня эта комедия, длиннее, чем сама жизнь, представляла собой конец путешествия, которое не всегда было простым. Развернувшаяся передо глазами нелепая картина наполнила меня ощущением успеха, грудь распирало от гордости. При этом слегка беспокоило, что вид пениса другого мужчины способен вызвать у меня столь сильные чувства.

Следует отметить, Артур был великолепен. Он храбро сражался с румынским текстом, с чувством пел в мегафон, несмотря на то, что видел слова впервые. Целые минуту и тридцать пять секунд люди, собравшиеся у дороги одного из районов города, были участниками эксклюзивного исполнения молдавского национального гимна. Прохожие смотрели с удивлением. У паба напротив стремительно собралась толпа, когда прошел слухок, что у дороги происходит что-то необычное. Движение на трассе замедлилось, но масса тел не давала водителям рассмотреть то, что все мы видели слишком хорошо, — голого человека у магазина «Вулвортс», поющего молдавский гимн в мегафон.

На второй минуте представления я заметил, что люди начали показывать куда-то за спину Артура, внутрь «Вулвортса», после чего сгибались пополам от хохота. Когда я посмотрел туда сам, выяснилась причина. Камеры наблюдения «Вулвортс» транслировали наше шоу на большом телеэкране внутри магазина. Был виден голый зад, а за ним — многолюдная хохочущая толпа. У охранников могут возникнуть интересные предположения, когда они увидят запись утром.

— ...Понимаю, о чем ты, Боб, и это вполне возможно, но все же не совсем объясняет, зачем им мегафон.

Когда мы вернулись в паб, я отыскал Коринну. Она была единственным человеком, который прошел со мной эту историю от начала и до конца.

— Ну как, зацепило? — спросил я.

— Это было забавно, — ответила она с улыбкой. — Тони, я хочу сказать, что очень рада за тебя. Так хорошо, что ты выиграл это пари, и, мне кажется, теперь я узнала тебя лучше.

— Лучше ты, однозначно, узнала Артура.

— Да, его тоже! — рассмеялась она.

— Коринна, можно я задам тебе серьезный вопрос?

— Давай.

— Ты думаешь, все это было легкомысленной тратой времени и денег?

Она почесала лоб, словно ответ на этот вопрос требовал всех имеющихся в наличии умственных ресурсов.

— Вообще-то, когда ты приехал, мы в Молдавии думали, что ты слегка сумасшедший, но теперь я понимаю, почему ты это сделал. Я смотрю на все иначе, и, возможно, теперь, когда я увидела тебя в твоей стране, для меня в этом появился смысл.

— Seriously? А вот до меня смысл еще не дошел. Я думал, что пойму что-нибудь сегодня вечером, но так ничего и не понял.

— Это потому, что ты сбит с толку. Ты увидел нашу страну и все ее проблемы — переход к системе, о которой мы пока ничего не знаем, бедность, пренебрежение других стран. Ты увидел, что мы редко смеемся, мне кажется, не так часто, как должны были бы. Может быть, когда молдаване получают все, в чем нуждаются, они тоже примутся заключать пари наподобие твоего, просто так, ради смеха.

Конечно, Коринна не ответила на мой первый вопрос.

Но, возможно, главное — то, что одной молдавской семье из четырех человек стало хорошо, благодаря тому, что Тони чел Маре в конце концов оправдал свое имя.

Две недели спустя на мой коврик под дверью упало письмо с молдавскими марками. От Адриана.

Мои поздравления, Тони!

Мы все счастливы, что Вы выиграли пари. Молодец! Да здравствует Тони чел Маре!

Мы все скучаем и часто о Вас думаем — Вы внесли в наш дом немного настоящего английского духа. В Молдавии все по-прежнему. Сейчас, после холодной зимы, у нас очень хорошая, теплая погода. (В этом году зимой было много снега.) Я наконец-то закончил семестр с хорошими оценками. Моя сестра стала учиться лучше с тех пор, как Вы сходили на ее урок английского, и она очень этому рада. Мой папа на диете, и мама изо всех сил старается готовить все диетическое. Мы с Еленой поспорили, что не будем смотреть телевизор целую неделю. Это трудное пари — почти как Ваше!

Не могу дождаться, когда прочту Вашу книгу о нашей стране, так что не ленитесь и заканчивайте ее поскорее. Я также надеюсь, что Джеймс Кэмерон или Стивен Спилберг снимут кино о Ваших приключениях в Молдавии. (В этом случае увидимся на следующей церемонии вручения «Оскар».)

Вы совершили нечто совершенно невозможное, хотя казалось, что с этим не справится никто. Это стало для меня хорошим уроком, и теперь я буду стараться следовать Вашему примеру во всем.

С наилучшими пожеланиями,

Адриан

Вот теперь точно больше смысла.

Эпилог

Рождество, 2006 год

Говорят, что «жизнь интереснее, чем кино». Конечно, это не совсем правда. Тот, кто ведет размеренную жизнь, работая бухгалтером в Слау, в графстве Беркшир, почти наверняка не сможет похвастаться более насыщенной жизнью, чем, скажем, Марти Макфлай из фильма «Назад в будущее». Марти перемещается назад во времени и случайно препятствует знакомству своих родителей, поставив тем самым собственное существование под угрозу. Вряд ли даже самый сумасшедший день бухгалтера в Слау может с этим сравниться.

Однако странные дела случаются. Большинство из нас это признает. Посмотрите, к примеру, на меня. Пока я пишу эти строки, молодой человек, написавший удивительное письмо, приведенное в конце книги, которую вы только что прочли, сидит в моей гостиной, в Лондоне, и сочиняет письма своей семье в Молдавию (в Лондоне он уже год учится на магистра). Его прекрасная молодая жена Ирина — наверху, в ванной. Другие гости вот-вот придут и присоединятся к английскому рождественскому ужину (с сильным молдавским оттенком — следует отдать

честь нашему почетному шеф-повару Ирине). Мы все стали одной «семьей».

Возможно, стоит рассказать поподробнее, что произошло у нас с Молдавией за последнее десятилетие. Вернувшись в Лондон из первой поездки, я подумал, что с моей стороны будет неправильно написать об этой развивающейся стране и не попытаться чем-то ей помочь. В конце концов я использовал опыт, там приобретенный, в качестве материала для книги, от которой надеялся получить прибыль. Поэтому я позвонил своим издателям и спросил, не могут они устроить так, чтобы половина моего авторского гонорара шла непосредственно в доверительный фонд, который я создам для благотворительных целей в Молдавии.

К счастью, книга продавалась достаточно хорошо, и появилась необходимость обсудить, что делать с деньгами. Я сделал то, что сделал бы любой уважающий себя и постоянно участвующий в спорах эксцентрик, — запрыгнул в первый же самолет до Молдавии. В том, где остановиться, я ничуть не сомневался.

— Тони! Тони! Тони! — послышались крики Григора, Дины, Адриана и Елены, которые встречали меня в аэропорту.

Вскоре меня захлестнула волна объятий. Теперь я сам участвовал в душещипательной сцене, которую, путешествуя в одиночку, так часто наблюдал в залах прилета аэропортов, когда семьи и любимые встречались после долгой разлуки. Я чувствовал себя начинкой бутерброда, и, что удивительно, это было весьма приятно. Не знаю, писал ли кто-нибудь до меня, что любовь — это здорово. (И не стесняйтесь меня цитировать.)

Когда мы успешно справились с взаимными изъявлениями чувств, я наконец смог разглядеть аэропорт.

— Боже, тут же все новое, — сказал я.

Навес из гофрированного железа, который раньше был аэропортом, снесли (дело двух часов), и на его месте построили внушительное здание. Молдавия, похоже, была на подъеме.

— Увидишь, на улицах больше нет открытых люков, — гордо сказала Елена, когда мы впятером влезли в такси, на вид не слишком пригодное для эксплуатации.

— Да, многое изменилось, — добавил Адриан. — Слышали, что Зеленого убили?

— Что? — я был поражен услышанным. — Ты меня разыгрываешь!

— Нет, это правда, — сказала Дина, которая явно учила английский в мое отсутствие.

Вся дорога до дома прошла за обсуждением истории о том, как несколько месяцев назад легендарный герой из десятой главы был застрелен в машине у своего дома. Видимо, всплеск разборок в молдавском преступном мире был порожден внутренними противоречиями, и убийства стали способом мести. Похоже, господин Ротару пал жертвой собственного высокомерия. Совсем недавно он хвастался мне в своем кабинете, что платит игрокам отмытыми деньгами.

Что ж, дни отмывания денег сочтены, в этом-то он точно мог быть уверен. Так уж выходит, когда тебя расстреливают — никакой неясности: ты точно знаешь, где тебе больше не место.

Однако были и новости получше. Словно чтобы убедить меня в бесконечности жизненного цикла, Дина объявила, что беременна.

— Ух ты! Потрясающие новости! — воскликнул я.

Это тоже большой сюрприз. Дине было сорок три. Не совсем тот возраст, когда рождение ребенка хочется доверить государственному здравоохранению с его технологиями 1960-х годов.

В тот вечер, когда мы подняли тост за предстоящее рождение (следует сказать, он был не единственным), мне стало интересно, помогли ли мое пребывание в этой семье и успешный исход моего пари вернуть жажду жизни в этот дом. Но я никогда об этом не узнаю. Это не тот вопрос, который стоит задавать.

Уже ближе к полуночи мы начали обсуждать дела доверительного фонда и что можно сделать с деньгами. Идеи так и сыпались, конечно же, не без помощи молдавского вина и коньяка. Григор сказал, что в детской больнице у него на попечении много детей с церебральным параличом и другими хроническими заболеваниями, на лечение которых попросту нет средств. Почему бы не открыть центр помощи таким детям?

— А я буду им руководить, — с неожиданной уверенностью сказала Дина.

— Мне кажется, идеально, — ответил я, принимая очередную порцию коньяка от Григора, своего бесперебойного поставщика.

Так что случаются не только странные дела, но и хорошие. В результате пьяного пари, в ходе которого один человек согласился обыграть всю молдавскую футбольную национальную сборную в теннис, в Кишиневе был создан центр оказания помощи детям, «Центр Гиппократ»¹, и на

¹ Когда писались эти строки, НПО (неправительственная организация), которая заведует центром оказания помощи, думала о том, чтобы сменить название на «Центр Тони Хоукса», дабы воспользоваться возникающими при этом пиар-возможностями. Центр хочет расширить свою деятельность, и, возможно, использование в его названии имени хорошо известного в стране автора (особенно в обществе бывших патриотов) поспособствует узнаванию и притоку средств.

сегодняшний день он существует уже восемь лет. Дина — великолепный директор. Я приезжаю дважды в год, чтобы посмотреть, как идут дела, и всегда доволен тем, что вижу.

Будет преуменьшением сказать, что молдавские больницы оснащены плохо. Пару лет назад я съездил в детскую больницу Кишинева с доктором Эндрю Каррэнном, главным педиатрическим врачом больницы Элдер-Хэй в Ливерпуле. Его замечания о четырех инкубаторах в отделении для новорожденных (единственных в стране) выслушали с ледяным молчанием.

— Если бы эти инкубаторы вы использовали в государственной системе здравоохранения в Британии, вас бы отдали под суд, — сказал Эндрю, с трудом скрывая расстройство и злость. — Они попросту не работают. Да, они сохраняют младенцам жизнь, но оказывают ужасное воздействие на их мозг. Это очень, очень печально.

Обычная реакция родителей, едва они узнают, что у их ребенка мозговая травма, церебральный паралич или какое-то другое хроническое заболевание (и это так в большинстве восточноевропейских стран) — оставить ребенка в государственном приюте и продолжать жить, будто никто и не рождался. Однако все чаще родители поступают иначе и спасают ребенка от жестокостей госучреждений и ужасных условий жизни. Любо́й родитель в Молдавии, который решает оставить ребенка-калеку дома, сталкивается с невероятными трудностями: государство предлагает минимальную поддержку, а другие люди, что шокирует, очень часто бранят родителей в открытую за то, что они не поместили «бракованный товар» в приют. К сожалению, годы приспособленчества создали культуру, чья философия — «с глаз долой — из сердца вон».

Наш маленький центр старается помочь как можно большему числу людей. Его делами занимается и Григор, который продолжает работать в детской больнице Кишинева —

напряженная работа, учитывая ограничения в средствах. Дети приходят с одним из родителей (многие воспитывают детей в одиночку), их направляют на курс физиотерапии, трудотерапии и массажа, каждый день на протяжении двух недель подряд. Родителям показывают применяемые методы, чтобы они могли продолжать лечить детей дома самостоятельно. Через некоторое время они снова приводят детей, чтобы по необходимости повторить лечение.

Помимо этого центр старается поощрять ценности, которые стали нормой в цивилизованном мире — донести до местного населения, что людей с нарушениями здоровья общество, в котором они живут, должно уважать и что они имеют право вести нормальную и полноценную жизнь, насколько это возможно.

Вот подошли и остальные гости, и через минуту всех пригласят к столу. Адриан и Ирина скоро встретят свое первое рождество в Британии. Без сомнений, разговор коснется Молдавии, будут говорить о том, в какой стране предстоит расти семилетнему брату Адриана Санду. Вполне возможно, мы будем обсуждать перемены, которые произошли за то время, пока мы знакомы. Хочу заметить, что каждый раз, когда приезжаю, Кишинев все больше становится похож на оживленный город, где висят рекламные щиты и где все отчетливее проявляется зарождающийся средний класс с нормальным достатком. И я уверен, что Адриан напомнит мне: не все живут в достатке, страна остается бедной, и проблем хватает.

— Все непросто в нашей крошечной стране, в окружении таких гигантов, как Россия и Европейский Союз, — скажет он за столом. — Политики, вероятно, стали более дальновидными, но коррупция все еще отравляет наше общество.

Я отвечу ему залпом рождественской хлопушки, и он смутится. Он пока еще не знает, что скоро станет гордым владельцем бесполезной пластиковой игрушки и клочка бумаги с написанной на нем отвратительной шуткой. Я подожду, пока на его лице не проступит разочарование, а затем, с важностью политического деятеля, произнесу подходящую фразу.

— Когда-нибудь и в Молдавии все это будет.
Наверняка.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Молдавский Бетховен	6
Глава 2. «Туполев-134»	23
Глава 3. Миссия почти невыполнима	32
Глава 4. Сорок три уха	48
Глава 5. Не играй со Спыну	60
Глава 6. День независимости	77
Глава 7. Три пастуха	89
Глава 8. Телевизор	103
Глава 9. Вселенская задница	117
Глава 10. Зеленый	137
Глава 11. Жизнь по-молдавски	152
Глава 12. Никаких сетов, пожалуйста, я молдаванин	181
Глава 13. «У моей мамы есть идея»	203
Глава 14. Сосиски	215
Глава 15. Меня зовут Стони	233
Глава 16. Святая Земля	252
Глава 17. «Бет Даниил»	268
Глава 18. Тони из Назарета	282
Глава 19. Последний рыбок	299
Эпилог. Рождество, 2006 год	311

Литературно-художественное издание

Тони Хоукс

ТЕННИС НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ
Молдавский навес, английский удар

Ответственный редактор *Е. Кривцова*

Редактор *М. Башкатов*

Художественный редактор *В. Безкровный*

Выпускающий редактор *О. Юрьева*

Технический редактор *Л. Подъячева*

Корректор *Е. Николаева*

ООО «Издательство «Мидгард».

190020, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр., д. 18

URL: www.midgardr.ru, E-mail: info@midgardr.spb.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 24.08.2010. Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8 +вкл.

Тираж 3000 экз. Заказ 6863.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-44709-1

9 785699 447091 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

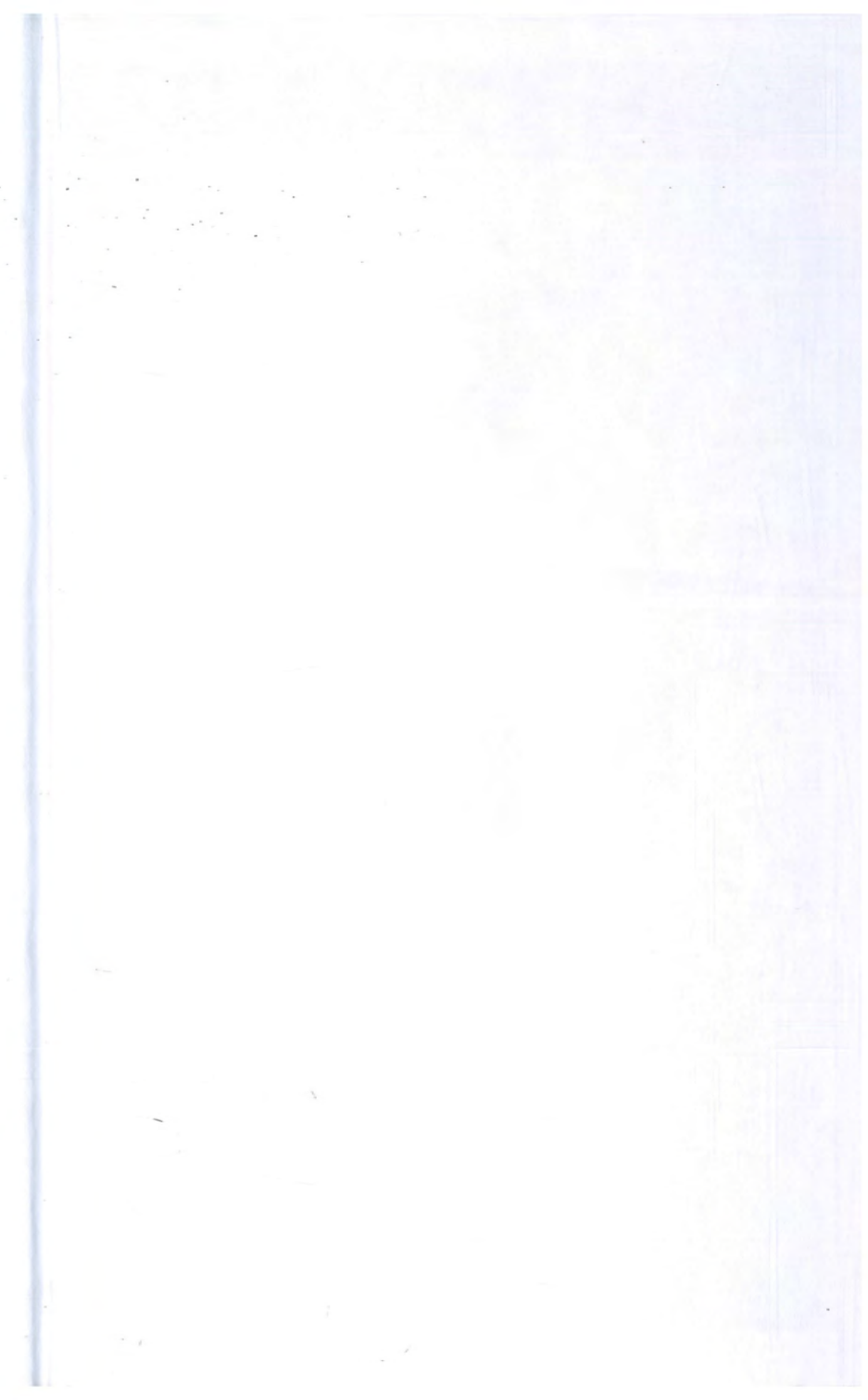
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

10-72740

Тони Хоукс родился 27 февраля 1960 года в Брайтоне (Великобритания). Впервые слава пришла к нему как к исполнителю и автору песен: он был лидером группы «Моррис майнор энд зе мейджорс», и в 1988 году песня «Статтер рэп» этого трио заняла в британских чартах 4-е место. В дальнейшем Хоукс выступал как эстрадный комик, был ведущим телевизионных игр, снимался в сериалах, «разогревал» аудиторию на съемках юмористических передач. Он не раз вел церемонии вручения различных премий, а не так давно вел на радио собственную передачу «Потерянные уикенды».

Первая книга Тони Хоукса «С холодильником по Ирландии», появившаяся в 1997 году, вошла в список бестселлеров года «Санди таймс», была переведена на несколько языков и продана в количестве 500 тысяч экземпляров. В ней автор рассказал о своих приключениях, когда в результате пари он должен был объехать автостопом Ирландию, причем вместе с холодильником. Вторая книга, «Играя в теннис с молдаванами», также обязанная своим появлением спору, вошла в шорт-лист сразу двух премий 2000 года — Сэмюэля Джонсона и «Боллинджер Эвримен Вудхауз». В книге «Пианино в Пиренеях» Хоукс описал, как покупал дом на юге Франции, чтобы воплотить в жизнь мечту об «идиллическом домике где-то за границей».

ISBN 978-5-699-44709-1

9 785699 447091 >

ЭКСМО

2010248153

Молдавский пафос, английский удар

Тони Хоукс

ЭКСМО